

*К 85-летию
со дня рождения
Сергея Сергеевича Орлова*

**СЕВЕРНАЯ
МУЗА**

С. С. Орлов

Будет жизнь

KI 1380511

Вологодская областная
универсальная
научная библиотека
им. И.В. Бабушкина

ВОЛОГДА

«Учебная литература»

2006

PC

ББК 84(2РОС=РУС)-6
О 66

+ КР + КММ

О 66 Орлов С. С. Будет жизнь: Стихи. — Во-
логда: ООО «Учебная литература», 2006. —
528 с., илл.

ISBN 5-98925-005-3

ББК 84(2РОС=РУС)-6

Составитель — Сергей Юрьевич Баранов

ISBN 5-98925-005-3

© «Учебная литература», 2006

© Баранов С. Ю., 2006

Дорогой друг!

Прошли школьные годы, и начинается твоя самостоятельный жизненный путь. У каждого человека он складывается по-своему, но есть веками испытанные ценности, благодаря которым любая жизнь обретает смысл. Это творческий труд на благо своей страны, деятельная любовь к добру, стремление к вершинам знания и духовному росту. Среди твоих земляков было немало людей, достойных подражания. Сергей Орлов — один из тех, кто самоотверженно защищал Родину в минуту бедствий, кто своим талантом способствовал совершенствованию человека, кто смог сделать Вологодчину понятной, близкой и дорогой многим читателям не только нашей области, но и далеко за ее пределами. Пусть стихи этого хорошего поэта доставят тебе радость встречи с настоящей поэзией и помогут выбрать надежные нравственные ориентиры.

Губернатор

Вологодской области — В. Позднев

* * *

Кто же первый сказал мне на свете о ней?
Я никак не припомню сейчас.
Может, первый назвал ее имя ручей,
Прозвенел по весне и погас.

Мог сказать бы отец, но я рос без отца.
В школе мать говорила, обучая детей.
Я не слушал, я ждал лишь уроков конца,—
Дома не с кем меня оставлять было ей.

А вокруг только небо, леса и поля,
Пела птица-синица, гуляли дожди,
Колокольчик катился, дышала земля,
И звенел ручеек у нее на груди.

Может, птица-синица, береза в лесах,
Колокольчик с дороги, калитка в саду,
В небе радуга, дождь, заплутавший в овсах,
Пароход, прицепивший на мачту звезду,

Рассказали, как это бывает, о ней,
Но тогда я, пожалуй, был робок и мал
И не знал языка ни синиц, ни дождей...
Я не помню, кто мне о России сказал.

*Железная
страда*

ОКТАБРЬ 1941 ГОДА

Когда-нибудь я расскажу об этом,
О времени жестоком, о войне.
Пусть я миную смертные тенета,
Да доведется это сделать мне!

Но если будет Родине угодно,
Пусть лягу я, исхлестанный свинцом,
Лицом вперед,
На грудь земли холодной,
Колени не согнув перед врагом.

...Пройдут года, придут другие люди,
Легка им будет молодая жизнь,
Но будет проклят тот, кто позабудет,
Что нашей кровью
Был залит фашизм!

А я желаю для себя немного:
Лишь мужества, чтобы идти вперед,
И чтоб дошел по всем путям-дорогам
К далеким дням вот этот мой блокнот.

1941

* * *

Может, мне и осталось всего
Путь-дорога к немецким окопам,
Танк разбитый, разрывы кругом,
Крови след на поблекшей осоке.

Он ведет, убегая, в лесок,
А в конце, там, где холм муравьиный,
Мне придется улечься в песок,
Под деревьями руки раскинув.

И в опавшей листве золотой
Надо мною в тяжелом безлюдье
Прорастет березняк молодой,
Через ребра распавшейся груди.

20 сентября 1941 г.

ГРАНАТА

В скорлупе с чугунной спинкой
Не простое яйцо,—
Брызнет огненной начинкой,
Только дерни за кольцо.

Если в бой пойдут ребята
И пойду я с ними в бой,—
Ты очистишь мне, граната,
Путь в бою перед собой.

А окружит враг проклятый,
Не прорваться из кольца,—
Ты спасешь меня, граната,
От позорного конца.

1941

* * *

Дымные твои просторы,
Труб фабричных окруженье, —
До свиданья, славный город,
Грозный город оружейник!

На платформах часовые
В ватниках и шлемах черных.
Танки высятся стальные
Под брезентом на платформах.

Рвется в двери хвои запах,
Пролетают полустанки,
Мчит без усталости на запад
Эшелон тяжелых танков.

И от гор до самой Волги
Над землей февральской снежной
Люди смотрят взором долгим,
И растет в сердцах надежда.

1942

ФЕВРАЛЬ 1942 ГОДА В МОСКВЕ

Вот занялся над Родиной рассвет,
И к нам идет железная победа,
И наши внуки через много лет
Прославят в песнях славный подвиг дедов.

Споют девчата в голубых ночах,
И встанут в песнях нерушимым строем,
В железных шлемах, в русских сапогах,
Простые парни, гордые герои.

Они в ночах морозных, огневых
Легли в бою за город величавый,
По их следам от красных стен Москвы
Идут войска вперед дорогой славы.

Зовет руками белыми берез
Своих сынов земля моя родная...
И враг бежит, фашистский вшивый пес,
Поганой черной кровью истекая.

1942

* * *

Издали рывкают гулкие пушки,
Люди не спят в этом раннем часу.
Танки стоят на зеленой опушке,
Словно слоны в африканском лесу.

Так вот и кажется, хобот вздымая,
Вдруг затрубят от звериной тоски.
В чаще лесной, среди зелени мая,
В горькой полыни лежали стрелки.

Душу гнетет ожиданье, томленье.
Черт его знает, как время ползет!
Скоро ли, что ли, приказ в наступленье,
Чтобы — вперед! Без раздумья — вперед!

1942

ПОДБИТЫЙ ТАНК

Вот он поставлен на платформу,
Но все грозит орудьем вдаль,
Хоть копотью густой и черной
Покрылась броневая сталь.

На башне боевые шрамы,
Попробуй подведи им счет...
В атаки он ходил упрямо,
В победу веря наперед.

Подбитый, он собрал все силы:
Пятерка боевых ребят
Четыре дня врага разила,
Летел снаряду вслед снаряд.

Но кончились боеприпасы,
Враги кричали, он молчал...
Огонь над ним штандартом красным
Весенней ночью запылал.

1942

КОСТЕР

В перелеске давно рассвело,
Мы костер разложили с утра.
Хорошо нам сидеть у костра,
Забирая горстями тепло.

Это очень похоже на дом,
Можно, сидя на хвое, вздремнуть...
И танкист задремал над огнем,
Улыбаясь устало, чуть-чуть.

Он сидел на разбитой сосне,
Улыбаясь сквозь пламя костра.
Знать, привиделась парню во сне
Золотистого лета пора;

Дом знакомый, тропинка к нему,
В палисаде рябина да клен,
И девчонка как песня в дому —
Та, в которую парень влюблен...

Но сигнал пролетел над леском:
Звали нас боевые пути.
И поднялся уже над огнем
Паренек, воротник опустив.

Он спросил, как обычно: «Пора?»
Под ногами взметнулась зола,
И к машине ушел от костра,
Зачерпнув на дорогу тепла.

НА НОЧЛЕГЕ

День короткий, путь далекий,
А над домиком дымок.
Мы к хозяйке черноокой
Забрели на огонек.

Самовар золотозубый,
И медали на груди...
«Скидывай, ребята, шубы,
В красный угол проходи!

Ты прости нас, молодая,
Мы к тебе — как в дом к себе.
Может, взвод располагает
Твой мужик в моей избе...»

1942

1380511

Огодская областная
универсальная
научная библиотека
им. М. В. Сабушки

ПЕСНЯ О ЛОШАДИ

Жарким осколком снаряда
Шею пробило у ней.
Смотрит тоскующим взглядом
С крупной слезой на людей.

Алая кровь, как брусника,
Тянется вслед через мох...
Молча, без стопа и крика,
Еле не валится с ног.

Вот и окончена служба
И лошадиная жизнь...
Стоило ль в зимнюю стужу
Хвою промерзлую грызть?

В снах на коротких привалах
В редкие видеть часы
Трав голубые завалы
И золотые овсы?..

Смотрит с тоской человечьей.
Взрывы грохочут кругом.
Свист смертоносной картечи
Ей уж теперь нипочем.

Вечером выйдет детина,
Вскинет к плечу автомат,—
Будет на ужин конина
Для уцелевших солдат.

* * *

Все болота, болота...
На вершки, на шаги
Здесь считает пехота
Расстоянье до Мги.

Словно черные свечи,
Ели в черных снегах,
А за черною речкой
В черном зареве Мга.

Там за речкою дзоты —
В семь рядов семь траншей.
Через все ты, пехота,
К ней пробиться сумей!

Через снег и трясины,
Где зимою вода,
Где все мины да мины,
Ты ни ступишь куда;

Где лежат в маскхалатах
На снегу снайпера
И стучат автоматы
От утра до утра.

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. *Мга* — поселок городского типа в Ленинградской области, узел железнодорожных станций, захваченный гитлеровскими войсками 31 августа 1941 г.

СТИХИ О ПЕРЕПРАВЕ

1

Он первый встал на берегу крутом.
Хотелось берег целовать. Но сразу
Он лег за рыжеватым бугорком
И бил из пулемета без отказа.

Когда же холодеющая кровь
Окрасила желтеющие травы,
Он увидал, подняв устало бровь,
Как тысячи пошли на берег правый.

2

Разбиты взрывом гордые мосты,
Стальные фермы под водой ржавеют,
И лишь быки угрюмо с высоты
Глядятся в Днепр, над волнами темнея.

Где яркие ракетные огни,
Где день и ночь грохочет берег правый,
Навеки берега соединив,
Легла на Днепр широкий переправа.

Настил дощатый, сбитый топором,
Перила невысокие шершавы...
Ее зовут торжественно мостом
Строители суровые по праву.

Да не легко из камня класть быки,
Стальные фермы возносить над ними,
Чтоб поезда через простор реки
Летели по мостам в огне и дыме.

Но этот мостик, шаткий и простой,
Где ЗИС едва ли пробежать сумеет,
Построить было ночью огневой
В сто тысяч раз, пожалуй, тяжелее!

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. *ЗИС* — название марки грузового автомобиля по предприятию, его выпускавшему (Завод им. Сталина).

* * *

С броней танкисты дружат третий год,
Она в боях ребят не подведет.
Ее отцы и деды на Урале
Сварили сами, сами отковали,
И матери на тихих полустанках
Крестили поезд, в бой везущий танки.

1943

О СЧАСТЬЕ

Сейчас бы закурить одну
На экипаж на весь сигарку,
По очереди дым тянуть,
Чтоб губы обжигало жарко.

Потом разуться у костра
И просушить свои портянки,
Потом забраться до утра
И дрыхнуть на сиденье в танке.

А утром с кашей из полка
Из дома принесли б открытку...

Для счастья мне всего пока
Довольно этого с избытком.

1943

* * *

Кузнечики стучат в траве,
Как танки вдалеке.
Молчат тяжелые «КВ»
В густом березняке.

В высоком небе белый след
Как тропка через лес...
Зенитки самолету вслед
Пятнают свод небес.

Шум на дороге фронтовой,
Стучит она, гремит...
Регулировщик под сосной,
Как стрелочник, стоит.

Поднимет флаг — и путь открыт!
Другой поднимет — стой!
Пылит, сверкает и гремит
Денечек фронтовой.

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. «КВ» — точнее, «КВ-1», тяжелый танк
«Клим Ворошилов».

* * *

Идут солдаты, от сапог
До плеч белы в пыли,
Среди исхоженных дорог
По лону всей земли.

Деревья шелестят в лесах,
Звенит в ручье волна,
Звезда мерцает в небесах
Им по ночам одна.

Всегда одна, всегда одна
Средь фронтовых ночей.
Всегда видна, всегда видна
В пять пламенных лучей.

1943

НА МАРШЕ

Пыль позади на сотни метров,
Песок скрипучий на зубах,
Машины дышат жарким ветром,
И рычаги горят в руках.

Прилечь бы на траве сожженной,
Хоть на обочине, в пыли,
Уснуть, не сняв комбинезона,
Из рта не выплюнув земли.

А мы спешим, спешим на запад,
Как будто там, где пушки бьют,
Прохлады тополиный запах
И долгий отдых выдают...

Ревут моторы на подъемах,
Дрожит, покачиваясь, лес.
Идут машины, словно громы,
Сошедшие с крутых небес.

Колышется под ними лето,
От ветра клонятся кусты...
И молнии лежат в кассетах,
Из меди звонкой отлиты!

ПЫЛЬ

Песок горячий на зубах,
Пыль на траве и тяжесть зноя,
И невысокий куст зачах
От пыли каменного слоя.

Всё по краям пути в пыли,
Дорога сбита до обочин.
Нет, не века по ней прошли,
А только две военных ночи.

1943

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.
Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде

Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.
Мы все перенесем с тобой,—
Мы люди, а она стальная...

1943

СМОТРОВАЯ ЩЕЛЬ

В машине мрак и теснота.
Водитель в рычаги вцепился...
День, словно узкая черта,
Сквозь щель едва-едва пробился.

От щели, может, пятый час
Водитель не отводит глаз.

А щель узка, края черны,
Летят в нее песок и глина...
Но в эту щель от Мги видны
Предместья Вены и Берлина.

1943

* * *

Мир вспоминали в танке тесном,
И грусть нежданная пришла
О том, что легкою, как песня,
Жизнь наша до войны была.

Так из глубин траншеи небо
Солдатам кажется синей —
Похож на сказочную небыль
Клин серебристых журавлей.

Сентябрь 1943

ДРУЖБА

Ее начало — в танке тесном,
Где все делилось пополам,
Как черный хлеб, вино и песни,
Необходимые бойцам.

О ней, негромкой и суровой,
В огне проверенной стократ
И освященной алой кровью,
Солдаты вслух не говорят.

Ей клятв о верности не нужно,
Она, такая, выше их.
Солдатская простая дружба —
Как папироса на двоих.

1943

ЭТО БЫЛО
19 МАРТА 1943 ГОДА

Над Ладогою шла весна.
Был март. И снег ложился
мокрый

На сосны мачтовые, на
Весь приозерный дикий округ.

С пяти до десяти была
Артподготовка. Сосны срезав,
Передний край врага мела
Гроза огнем, свинцом, железом...

Сигнал атаки прозвучал
Открытым текстом
в шлемофонах,
И лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов
по склонам.

Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.

Так высота взята была.
И вылез командир из башни,
Взглянул — сожженная дотла,
Земля лежала правдой
страшной...

На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. *Ладога* — озеро на северо-западе Европейской части России, из которого вытекает река Нева.
...двинул вдаль слонов — слонам уподоблены танки.

КАРБУСЕЛЬ

*Памяти товарищей,
погибших под Карбуселью*

Мы ребят хоронили в вечерний час.
В небе мартовском звезды зажглись...
Мы подняли лопатами белый наст,
Вскрыли черную грудь земли.

Из таежной Сибири, из дальних
земель

Их послал в этот край народ,
Чтобы взять у врага в боях Карбусель
Средь глухих ленинградских болот.

А была эта самая Карбусель —
Клок снарядами взбитой земли.
После бомб на ней ни сосна, ни ель,
Ни болотный мох не росли...

А в Сибири в селах кричат петухи,
Кедрачи за селом шумят...
В золотой тайге на зимовьях глухих
Красно-бурые зори спят.

Не увидеть ребятам высоких пихт,
За сохатым вслед не бродить.
В ленинградскую землю зарыли их,
Ну, а им еще б жить да жить!..

Прогремели орудия слово свое,
Иней белый на башни сел.
Триста метров они не дошли до нее...
Завтра мы возьмем Карбусель!

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. *Карбусель* — деревня в Кировском районе Ленинградской области.

* * *

Когда над фронтом наступает ночь
И в небе загораются ракеты,
Они встают, идут от фронта прочь,
Белесыми туманами одеты.

Из ржавых вод, из голубого мха,
В истлевших гимнастерках и пилотках,
Они встают. Беззвучна и тиха
Солдат убитых тяжкая походка.

Они проходят мимо часовых
Бессонных у замолкнувших орудий.
Они зовут по именам живых,
Но их не слышат все живые люди.

Их вдаль ведет извечная тоска
К жилищам мирным, к отческому дому.
Они спешат. Дорога далека
По перелескам темным незнакомым.

Но их в пути вдруг застаёт рассвет,
Петуший голос на краю России.
И на восток пути им больше нет
Через поля широкие пустые.

Тогда спешат они к своим местам
В неизвестные холодные могилы.
И воронье взлетает по лесам
И вслед кричит им хрипло и уныло.

Но если кто успеет дошагать
По тропам тайным в то село родное, —
Проснется ночью старенькая мать
И взор ее наполнится слезою.

У ней в ту ночь прибавится седин,
В окно глядеть старушка будет долго:
Почудилось, что в двери стукнул сын,
А это ветер в дверь стучит щеколдой.

И станет долго во дворе скрипеть
Сыпучий снег, стучать в ворота ветер,
В трубе печной о чем-то долго петь...
И женщина уснет лишь на рассвете.

А тот солдат останется навек
Под небесами отческого края.
И станет там кричать, как человек,
Осенний ветер, по полям летая.

1943

ПЕРЕД НАСТУПЛЕНИЕМ

За нами где-то по дорогам тыла
Шли танки и машины по ночам.
Пехота, растянувшись, подходила
И молча рассыпалась по лесам.

А здесь в окопах, на переднем крае,
Была такая всюду тишина,—
Казалось нам, оглохшая, слепая,
Устав от шума, спать легла война.

На солнцепеке улеглась на бруствер,
На срезанную минами траву...
Солдаты брились, пели песни грустно,
Писали письма в Киров и Москву.

Нас все же — необычная, большая —
Тревожила знакомостью она,
Пока мы не припомнили: бывает
Перед грозой такая тишина...

1943

ОТДЫХ

Качаясь от усталости, из боя
Мы вышли и ступили на траву
И неправдоподобно голубое
Вдруг небо увидали наяву.

Трава была зеленой и прохладной,
Кузнечик в ней кощунственно
звенел,
А где-то еще ухали снаряды
И «мессершмитт» пронзительно
гудел.

Так, значит, нам на сутки
отпустили
Зеленых трав и синей тишины,
Чтоб мы помылись, бороды
побрили
И посмотрели за неделю сны.

Они пройдут по травам, невесомы,
Пройдут и сядут около солдат,
О мирном крае, о родимом доме
Напомнят и в тиши поговорят.

Мне тоже обязательно приснится
Затерянный в просторах городок
И домик, и, как в песне
говорится,
На девичьем окошке огонек.

И взор твой незабвенный
и лукавый,
Взор любящий навек моей
судьбы...
Танкисты спят, как запорожцы,
в травы
Закинув шлемы, разметав чубы.

1943

ПРИМЕЧАНИЯ. «Мессершмитт» — немецкий истребитель Me-109 (название — по имени конструктора В. Мессершмитта). ...как в песне говорится, *На девичьем окошке огонек* — имеется в виду песня «Огонек» («На позиции девушка провожала бойца...»; слова М. В. Исаковского — 1942, музыка неизвестного автора).

КУКУШКА

Кукушка куковала на рассвете,
А лесом шла железная страда...
Мы знали, многим жизнь на белом свете
Уже не исчислялась на года.

Но все-таки кукушку мы спросили,—
В приметы верят люди на войне,—
И вот по двадцать лет провозгласила
Нам здравствовать кукушка в тишине.

И про себя подумали солдаты:
«Когда наступят тишь и мир кругом,
Мы, может, до годов шестидесятих
По предсказанью птицы доживем».

Но вслух никто не вымолвил про это,
Шли молча, пригибая краснотал...
— Какая все же глупая примета,—
Один из нас насмешливо сказал.

Но думал каждый: «Доживу, возможно,
Не всех людей хоронят на войне,
И эти двадцать лет в лесу тревожном
Накуковала птица только мне».

1943

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Погадай мне в этот вечер,
Нагадай червонный дом,
С незнакомой дамой встречу,
В брюках, в ватнике, с ремнем.
Может, с картами согласно,
В чаше рыжей, в тьме ночной
Огонек забрезжит ясный,
Словно в сказке, предо мной.

И скажу я: «Стань, избушка,
Передом... Наедине
Не тебя ли мать-старушка
Нагадала в карты мне?»
Хорошо в лесной землянке
Сапоги у печки снять,
Стукнуть, так сказать, по банке,
Завалиться на ночь спать.

Но вокруг лишь тьма ночная,
Дождь стекает по броне,
Да «Калугу» вызывает
Мой стрелок-радист во сне...
«Ни огня, ни темной хаты»
В карты старенькие, знать,
Нам, неверящим солдатам,
Мать не сможет нагадать...

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*Стукнуть... по банке* — выпить фронтовые 100 грамм. «*Ни огня, ни темной хаты*» — неточная цитата из стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога» (1826; в оригинале — «*Ни огня, ни черной хаты...*»).

МГА

Где пройдет лишь одна пехота,
Утопая во мхах на бегу,
Танки мы вели по болоту
Сквозь пургу на станцию Мгу.

Рычаги натрудили плечи,
У механиков злость одна:
Встали мы перед Черной речкой,
Без воды она и без дна.

Через чертову Черную речку
Нет ни брода и ни моста.
Забросать и засыпать нечем,
Только мы не отступим так!

В жидкой грязи почти по пояс
Мы работали на ветру,
До бровей льдом и инеем кроясь,
И к рассвету, почти к утру,

Мы засыпали эту прорву
Всем, что под руку попадет.
Исступленно взвыли моторы.
Танк, казалось, в торфу плывет.

И на берег ступивши чадный,
Мы не чувствовали уже,
Что курнуть и погреться надо,
Что одежда на нас, как жель.

Занимали места без сигнала...
Где-то близко, в дымных снегах,
Нас два года прождав, лежала
Пресловутою ставшая Мга.

1944

ПРИМЕЧАНИЕ. *Черная речка* — «черными» обычно называются речки с заболоченными берегами.

* * *

Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.

Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.

Ключьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.

Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата.

Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.

1944

ЗЕМЛЯНКА

Осточертелая землянка,
Знакомо все наперечет:
Солдат усталых перебранка,
Песок за шиворот течет.

У входа стукнешься затылком
О слишком низкий потолок,
Дымят печурка и коптилка,
На бревнах сажи на вершок.

Рубахи сняв и гимнастерки,
Дружки над печкой их трясут,
Портянок запах и махорки —
Знакомый фронтовой уют.

Но и такой он нам, бывает,
Когда грохочет долгий бой,
Покажется солдатским раем,
Поэта золотой мечтой.

1944

ТАНКИСТ

Пистолет из рук не выпуская,
Выскочил из люка, задыхаясь,
На пути двоих убил гранатой
И приполз, а на лице нет кожи,
И врачи сказали в медсанбате:
Этот парень вряд ли выжить сможет.

С губ слетело хрипкое проклятье:
Значит, полз и принимал все муки
Для того, чтоб умереть в кровати,
На груди сложив спокойно руки...
Смерть пришла, назвал ее бесстыжей,
Жить решил назло всему,— и выжил.

1944

ОТКРЫТКА

Недели две разыскивала почта
Четырехзначный номер ППС,
И почтальон доставил темной ночью
Открытку в роту, в обожженный лес.

Но адресат погиб на переправе,
И ротный писарь написал в углу:
«Вернуть за невозможностью
доставить»,—
И почтальон ушел в ночную мглу.

Она вернулась наконец обратно,
Такой же писарь в блиндаже лесном:
«Доставить невозможно адресату»,—
Отметил молча на углу другом.

Потом подумал: «Час лишь, как
убит он»,—
Глазами строчки пробежал и встал:
Все было как положено в открытке,—
О жизни мертвый мертвому писал...

1944

ПРИМЕЧАНИЕ. ППС — полевая почтовая станция.

* * *

Мы ушли на заре,
Словно тени косые,
Под землей наши руки с корнями
сплелись.
И не слышим мы — дождь ли идет
по России,
Или дымом сугробы в полях завились.

Тишина, о которой мы столько мечтали,
Черным камнем легла на разбитую грудь.
Может быть, петухи на Руси закричали,
Но и им тишины не спугнуть,
не вспугнуть.

Только хруст корневищ сквозь
прогнившие кости,
Только голос подземных ручьев...
На забытом, поросшем крапивой погосте
Мы лежим, может, год, может — тыщу
веков.

1944

* * *

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.

Ему как мавзолей земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков.

На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.

Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей.
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолей.

1944

* * *

Тонкая российская береза
Посредине польмя, огня,
Ничего, что небольшого роста,
Встала, к небу голову подняв.

Падал, умирая, ветер сбоку,
Шел стеной расплавленный металл,
Будто бы коса траву осоку,
Убивал деревья наповал.

Вся была снарядами изрыта
Черная, чугунная земля.
Били танки кованым копытом
Вкруг нее долины и поля.

А она стоит себе, простая,
Будто не бывало ничего —
Белая, лучистая, босая,
Вечной жизни свет и торжество.

1944

ДЕРЕВНЯ ГОРА

В небе клубы дымаплыли,
Пламя прядало шурша.
Ни одна, когда отбили,
Нас не встретила душа.

По угрюмой и пустынной,
В наступившей тишине,
Люки распахнув в машинах,
Мы прошли тогда по ней.

И забыл ее бы просто
Я — деревню на бугре,
Если бы не привелось мне
За деревнею гореть.

Рыжим кочетом над башней
Встало пламя на дыбы...
Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы,

Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки,—

Не расскажешь в этой песне,
Да и не к чему... Потом
За меня ребята честно
Расквитались там с врагом.

И осталась не сожженной
Деревенька вдоль бугра
На земле освобожденной
По названию Гора.

1945

* * *

Под толщей вод, на дне песчаном,
Вдали от берегов земли,
В глубинах синих океана
Ржавеют тихо корабли.

Пустынны палубы. У борта —
Медуз прозрачные дымки...
Расположились с комфортом
В каютах крабы и рачки.

Высоких водорослей зелень
Прямые мачты оплела,
На мертвом замерли прицеле
Орудий длинные тела.

Истлели в башнях комендоры.
Бугриста в ракушках броня.
И только стрелки на приборах
Горят, в далекий путь маня.

Показывая север с югом,
Фосфоресцирует компас.
А на часах, где цифры кругом,
Три года длится первый час.

Знать, в полдень или в полночь,
может,
С огнем и дымом без труда,
Перегородки покорежив,
В каюту ворвалась вода.

Но не о помощи взывая,
Радист, руки не сняв с ключа,
«Мы не сдаемся, умирая»,—
В эфир настойчиво стучал.

На мачтах флаги полыхали,
Пока не скрыла их волна...
В суровой простоте печали
Сошла на море тишина.

1945

* * *

На фоне нарисованного сада,
Где статуи белеют и дворцы,
Четыре парня как-то снялись рядом,
Совсем еще безусые юнцы.
Они глядят восторженно с портрета
В даль из забвенью преданного дня.
А крайний паренек по всем приметам
Похож на непохожего меня...
Смешные неуклюжие мальчишки,
Им даже в снах не снилось —
В дым, в огонь шагать,
Жить, как тому не обучали книжки,
Спать на снегу, пить спирт и убивать...

1945

ПОСЛЕ БОЯ

На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы.
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры.

1948

ПРИМЕЧАНИЕ. «Пантера» — название немецкого танка «Т-V».

НА ПРИВАЛЕ

Как из камня высечены сталью,
От сапог до самых плеч в пыли,
Разметавшись молча на привале,
Спят солдаты посреди земли.

А от них налево и направо
Зарева полощутся во мгле,
Догорает грозная держава
В свежей ржави, в пепле и золе.

Батареи издали рокочут,
Утопают города в дыму,
Падают разорванные в клочья
Небеса нерусские во тьму.

Но спокойно за пять лет впервые
Спят солдаты посреди огней,
Потому что далеко Россия —
Даже дым не долетает к ней!

1948

* * *

Я забыл, какого были цвета
У прощанья руки и глаза,
Только помню, как померкло лето
И пришла по радио гроза.

Черный диск затмил для нас светило,
Вместо солнца в небе — черный диск...
Глаз с него Россия не сводила,
И гремел динамик болью вниз...

1952

ПРИМЕЧАНИЕ. *Черный диск* — громкоговоритель — радиодинамик, имевший форму черной тарелки.

* * *

Со дна траншей мы наблюдали звезды
И до конца поверили земле —
Седой, колючей, неуютной, грозной,
В цветах невзрачных, в пепле и золе.

Для нас была единственной защитой
Насыпанная бруствером она.
И звезды лучезарные зенита
Нам были ярче видимы со дна.

1955

Михаил Дудин

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

Из чрева подбитого танка
Он выполз последним, в огне.
И треснула башня, как банка,
И снег зашипел на броне.

Потом в госпитальной постели
Он вспомнил о том рубеже.
Закрылись ожоги на теле.
Остались рубцы на душе.

Да праведной памяти ради
Остался навек и на миг
В пропахшей газойлем тетради
Прекрасной поэзии лик.

Осталась великая сила,
Подспудно пылавшая в нем,
Которая душу томила
И жгла, очищая огнем.

Солдатская выпита фляжка.
Никто никого не корит.
Подобная солнцу ромашка
В его изголовье горит.

Когда пройдет война

Война пройдет, когда придет
Война, когда придет
Война, когда придет

Война пройдет, когда придет
Война, когда придет
Война, когда придет

Война пройдет, когда придет
Война, когда придет
Война, когда придет

1945

* * *

Когда-нибудь и мы домой приедем,
А если нет, пускай тогда о нас
Домашние, знакомые, соседи
Своим детишкам поведают рассказ.

О том, как мы в сражения ходили,
Любили жизнь и пали потому,
Что больше жизни родину любили,
Ее не уступая никому.

А если кто из нас, счастливый парень,
Домой вернется, пусть гостей зовет,
Пускай бутылке в донышко ударит
И водку по стаканам разольет.

И выпьют все, и пусть течет беседа
О судьбах мира и о днях боев,
О тех, что не увидели победы,
Но очень крепко верили в нее.

1941

ПИСЬМО

Вот сижу я с твоим письмом,
В нем привет ото всей родни.
Прочитал, и пахнуло теплом
Возле танка холодной брони.

Будто нет между нами верст
Снеговых, что ветрами звенят.
Встал в пяти шагах Белозерск
С домом нашим возле меня.

Медной лампы огонь скупой,
Вижу, в комнате нашей горит,
И с тетрадами столик твой,
И сидишь ты над ним до зари.

А за окнами темнота.
Через озеро в шум пурги
Прочь уходит моя мечта,
Еле слышно ее шаги.

Надо много пройти дорог,
Много битв, много трудных дней,—
Пусть далек родной городок,
Он от этого мне родней.

Будет день, я вернусь опять
В дорогие мои края
И скажу тебе: «Здравствуй, мать,
Бой окончен. Вернулся я».

А пока я кладу конверт
В боковой карман на груди,
И теплей мне в мороз, поверь,
И яснее даль впереди.

1942

* * *

В даль веков едва заметной тенью
День уйдет, погаснув навсегда...
Будет лишь такой же день осенний
В день иной, когда пройдут года.

Будет небо темное такое ж,
Будут журавли лететь на юг,
Не найдешь ты в комнате покоя,
Этот дальний день припомнив вдруг...

Будет он до мелочей похожий —
Пасмурный, короткий, дождевой,
И тебе покажется прохожий
Другом на дороге фронтовой.

Он уйдет, сутулясь, в непогоду,
Словно в дым пороховой, в туман —
Ты тогда достанешь из комода
Вороной истершийся наган,

Пару фотографий моментальных,
Письма, пожелтевшие давно,
И в стакан нальешь себе с печалью
Горькое солдатское вино...

1943

ПЕСЕНКА

Нам не страшно умирать,
Только мало сделано,
Только жаль старушку мать
Да березку белую.

Что не сделал, то друзья
За меня доделают.
Расцветет, где лягу я,
Цвет-березка белая.

Только кто утешит мать
В день, когда, долинная,
Будет Русь сынов встречать,—
Кто заменит сына ей?

Кто откроет, как всегда,
В дом к ней дверь широкоую?
Кто обнимет мать тогда,
В праздник, одинокую?

1943

* * *

Есть на Шексне далекой
Просторная изба.
Под крышей невысокой
Причудлива резьба.

А за лесами где-то —
Огни со всех сторон,
С заката до рассвета
Дерется батальон.

Идут «тридцатьчетверки»
Сквозь синеватый дым,
Орудия с пригорка
Плюют огнем по ним.

Не вскрикнет враг подмятый,
В дыму, в земле, в крови,
Когда кричат ребята
Водителю: — Дави!

Он все сомнет и вспашет,
И скажет в микрофон:
— Порядок в части нашей
Повсюду быть должен.

Он и мамаше тоже
Напишет: «Жив, здоров,
В порядке все. Сережа,
Твой сын»... Всего семь слов.

А на привале ночью
Как вспомнит — загрустит...
Знакомый домик отчий,
Далекие пути.

Старушку, мать родную,
Зеленую Шексну,
Березку золотую,
Родную сторону...

Ой, не легка дорога
К родной реке Шексне,
В походах да тревогах,
В снегах, в дыму, в огне!

Лежит перед солдатом
На запад горевой
Сквозь смерть и дым кудлатый,
Через трехсотый бой.

Он все пройдет: сквозь воды,
Огни, сквозь всю войну,
Вернется из похода
На светлую Шексну.

1943

ПРИМЕЧАНИЯ. *Шексна* — крупнейшая река Вологодчины, вытекает из Белого озера и впадает в Рыбинское водохранилище. «Тридцатьчетверка» — средний советский танк Т-34, считавшийся лучшим танком периода Второй мировой войны.

* * *

Мчится поезд в поле рыжем
И кричит на перегонах.
Дождик то и дело брызжет
В синие глаза вагонов.

Козыряют семафоры
У сосновых остановок.
На почтовом номер сорок
В детство я уеду снова.

На шоссе череповецком
Я с полуторки открытой
В городок, как в память детства,
Спрыгну, всеми позабытый...

Сброшу вещмешок к порогу,
Принимай, родная, сына,
Вот и кончена дорога.
В Белозерск — через Берлин нам.

1945

* * *

Легко и кратко
  гикнул пароход,
И брошены на гулкий
  берег сходни,
В мечту доска
  скрипучая ведет,
Мечта, ты былью
  сделалась сегодня.
Кровь ударяет
  тягостно в виски
И вдруг уходит,
  как вода прилива.
Мы возвратились снова,
  земляки,
Родимые березки
  над обрывом.
Твоя обетованная
  земля —
Проселочная желтая
  дорога.
По тысяче иных
  путей пыли,
Ее одну лишь
  в памяти сберег он.
Иди по ней, иди,
  не чуя ног,
Слез не стыдись,
  скупых и одиноких.
Мигает синим глазом
  василек,

Звенит трава, и лес
   шумит высокий.
Кукушка надрывается —
   к чему?
Сейчас она судьбу
   тебе пророчит,
Ведь ты вернулся
   к дому своему,
И ты года сейчас
   считать не хочешь.
Мгновенье это стоит
   жизни всей,
Неповторимый ветер
   хлынул в душу.
Припасть к земле,
   на бархат зеленой,
И голоса отчизны
   долго слушать —
Протяжные, как
   клекот журавлей,
Глядеть в ее глаза —
   не наглядеться.
Что может быть
   прекраснее на ней,
Чем этот уголок,
   просторный с детства?
В тропинке светлой,
   в шорохе берез
Оно живет, годами
   не задето,
В тележной песне
   медленных колес,
В неуловимых звуках
   и приметах.

* * *

Матери, Екатерине Яковлевне

Пароход покричал, покричал,
Бросил чалку на мокрый причал.
Я на землю по трапу ступил,
За которую в битву ходил,
Спал в снегу, у лесного костра,
Шел навстречу горячим ветрам,
В танке тесном два раза горел —
Несмотря ни на что, уцелел
И в разгар вологодской весны
Возвратился сегодня с войны.
Вот он, старый, с разбитым окном,
С тополями родительский дом...
Здравствуй, столько прождавшая мать!
Больше некого нам ожидать.
Пусть ни слез, ни тоски нам теперь,
Пусть разлука уходит за дверь.
Не ушел еще тот пароход,
Он разлуку с собой заберет.

1945

ПЕРЕД ПОРОГОМ

Все то же — дом и тополь
Комолый у ворот.
Все то — от трав до стекол,
Лишь только я не тот.

Не тот я, не мальчишка
С веселым вихорком,
Знакомый лишь по книжкам
Со всем, с чем я знаком:

С дорогой, с расставаньем,
Со смертью и свинцом,
Со страшным расстоянием,
Где дым и пыль в лицо.

И вот я дверь открою,
И в рубленый проем
Вдруг хлынет все такое,
Что помнится с трудом.

Стою, и силы нету
Тугую дверь открыть.
Хоть кто-нибудь ракету
Додумался б пустить!

1945

ПРИМЕЧАНИЕ. *Хоть кто-нибудь ракету Додумался б пустить!* — Т. е. пустил бы сигнальную ракету, посредством которой дается приказ начать движение.

---

* * *

Не таким, не в войну, с полпути,
Я мечтал в этот домик прийти,
Щеки в шрамах, в багровых рубцах
(Нету прежнего больше лица),
Руку скрюченную неся,
Кисть багрова, как лапа гуся.

Смотрит с жалостью женщина: вот
С фронта новый калека идет.

1945

* * *

Вот человек — он искалечен,
В рубцах лицо. Но ты гляди
И взгляд испуганно при встрече
С его лица не отводи.

Он шел к победе, задыхаясь,
Не думал о себе в пути,
Чтобы она была такая:
Взглянуть — и глаз не отвести!

1945

* * *

Где вы, синеглазые солдаты,
Девушки в пилотках и шинелях,
Светлые виденья медсанбата,
Что склонялись тихо над постелью?

Это вы горячими ночами
Глаз по трое суток не смыкали,
Девичьими слабыми руками
Нас от верной смерти отстояли.

С нами рядом молча шли в колоннах
Под одной звездой на пилотках.
Это вас, бывало, поименно
Называли в кратких оперсводках...

Но в войне не огрубели души,
Нежность в сердце глубоко хранится.
Славные Маруси и Катюши,
Что вам нынче, синеглазым, снится?..

1945

ЗИМА

На Крюковом канале паутина
Осеннего прозрачного ледка,
И небо опрокинулось на спину,
В канале утопило облака.

Земля бела, в снегу идут трамваи,
Снежинок голубая кутерьма,
И за пять лет впервые наступает
Простая, невоенная зима.

Затопим печь, забудем о разлуке,
Пускай мороз, пускай метель метет.
Никто теперь, дыханьем грея руки,
В разведку в этот вечер не пошлет.

1945

ПРИМЕЧАНИЕ. *Крюков канал* — канал в Петербурге, соединяющий реку Мойку с Невой.

* * *

Цветет за окнами картофель,
Топорщит перья сизый лук,
Березки сгорбившейся профиль,
И тишина, и мир вокруг.

Да, мир настал. Так не похожий
На дни войны, но нам, видать,
И мир-то будет долго все же
Еще войну напоминать.

Пчела покажется за пулю;
Грохочущий сурово гром
Бомбежки первые в июле
Напомнит, падая на дом.

Стрижами берег весь прострелен,
Как будто очередь вдруг
Вел пулеметчик, глаз нацелив,
С гашетки не снимая рук.

И полыхаются закаты
Над озером по вечерам,
Как будто вновь пылают хаты
По украинским хуторам.

Звезда, летящая комета,
Как звезды мертвые войны,
Шипящие в ночи ракеты
С чужой, немецкой стороны.

Березы, раненые будто,
Бинтами все перевиты...
И тишина любого утра,
Как перед штурмом высоты,

Когда кончают бой орудья,
И враг молчит, и все молчат,
И слышно вдруг, как дышат люди
И как сердца в груди стучат...

Нам мало вдосталь отоспаться,
Шинели снять, прийти домой,
Чтоб мирной жизнью наслаждаться,
Не сравнивая мир с войной.

Лишь время зарубцует память,
И успокоится душа,
И взглянем мы на мир глазами,
Дней прожитых не вороша.

1945

ДОМА

Всю ночь ворочался в постели
С войны пришедший человек
И слушал, как грачи летели;
Встревоженный ворчаньем рек,
Шинель накидывал на плечи,
Шел на скрипучее крыльцо,
Сутулый и широкоплечий,
Он ветру подставлял лицо;
Он думал, жег табак в ночи,
И уходил неспешно в избу,
И слушал, как весна стучит
Дождем и ветром по карнизу.

И только в окна грянул свет
Зарей и песнею скворчиной —
Он вышел в молодой рассвет,
Глазами дымный мир окинул,
Увидел, как мокры кусты,
Поля черны, холмы покаты
И от напора льдов мосты
На речке выгнулись горбато;
Парная отошла земля,
Плыл лед поемными лугами,
Призывно пахли тополя,
И конь перебирал ногами,
И одуванчик расцветал
У борозды на солнцепеке,
И жаворонок забирал
Все круче в небосвод высокий.

* * *

В пустых землянках, в спутанных траншеях
Живет душа исчезнувшей войны,
В глухих углах, где поселились змеи,
Где бревна, как покойники, черны.

Разгладит время жесткие морщины
На всем лице израненной земли.
Не вспомнят люди даже в годовщины
О том, что здесь когда-то битвы шли.

Но, может быть, когда-нибудь потомок
В саду, где вишни с грушами цветут,
Разроет дота древнего обломок
И, содрогнувшись, взглянет в пустоту.

Металл сгоревший плесень охватила,
Во тьму песчинки катятся шурша.
Покажется: во мраке притаилась
Войны умершей смрадная душа!

1948

* * *

Человека осаждают сны —
Смутные видения войны.
Он хрипит, ругается и плачет
В мире абсолютной тишины.

Очень тихо тикают часы,
Стрелок фосфорических усы.
Он лежит — седой и одинокий —
Посреди нейтральной полосы.

Светом алюминиевым ракеты
Догорают, и грохочет гром.
Время меж закатом и рассветом
Человек проводит под огнем.

1948

ПРИМЕЧАНИЕ. *Нейтральная полоса* — участок, разделяющий боевые порядки противников.

* * *

Приснилось мне жаркое лето,
Хлеба в человеческий рост
И я — восемнадцатилетний —
В кубанке овсяных волос.

Такой, как на карточке старой:
Без шрамов военной поры,
Еще не выдавший пожаров,
Еще не ходивший в прорыв
На танке гвардейской бригады
По дымному тракту боев,
Еще не писавший в тетради
Ни строчки военных стихов.

Во сне в ту далекую пору
Я глянул с улыбкой, а там
Парнишка с доверчивым взором
Шагал напрямик по полям.

Веселый, счастливый, довольный,
Ничуть не тревожась о том,
Что девушка в садике школьном
Впервые тоскует о нем.

Шагал, не жалея пшеницы,
Шагал, тишины не ценя,
Не слушая песенку птицы,
Что встала у солнца, звеня.

На русого мальчика глядя,
Мне так захотелось сказать:
«Вернись к этой девушке в садик,
Ей легкие руки погладь».

На тропку сверни из пшеницы,
Почувствуй, как тихо вокруг,
Послушай залетную птицу, —
Не поздно пока еще, друг».

Но тут же я вспомнил о том, как
Ревел над землею металл,
Как в черных окопных потемках
Я письма твои ожидал;

Как небо казалось оттуда
Синей, чем любимой глаза,
И тишь приходила как чудо,
Когда умолкала гроза;

Как падал я в травы устало,
Не помня уже ничего...

Его впереди это ждало —
И я не окликнул его.

1952

9 МАЯ 1945 ГОДА

Я помню эту дату в сорок пятом.
Еще война гремела на войне,
А мы, отвоевавшие солдаты,
Ловили рыбу на реке Шексне.

Гребли вдвоем — он левою, я правой.
Вытаскивали сети не спеша.
Под носом лодки расступались травы
И за кормой смыкались, чуть шурша.

Огромный шар поднялся из-за елей
В заре, не догоревшей до конца.
И мы тогда на солнце загляделись,
Не пряча глаз, не отводя лица.

Река неслась, как время, в дымке алой,
Бесшумно отражая небеса.
И ни одной пылинки не упало
Еще на листья, травы и леса.

А в устье, так, что весла гнулись с треском,
Ворвалась лодка с озера одна,
И в лодке весть на все лады, как песню,
Несли и пели: «Кончилась война!»

Так вот он, мир! И, позабыв про сети,
Причалив лодку к берегу, бегом
Мы побежали к людям на рассвете,—
Мы не могли тот день встречать вдвоем.

Багровый флаг горел, кипел над крышей.
И, может, как в семнадцатом году,
К нему народ бежал, ту весть услышав,
Детишек подбирая на ходу.

С пустыми рукавами председатель
Все речь хотел сказать, как будто спеть,
И молча отворачивался к хате,
А слезы было нечем утереть.

Сейчас для нас как символ день победный,
Победе нашей грозной десять лет,
А он тогда был днем войны последним
И днем начала мира на земле.

Его установили мы, солдаты —
Танкисты, минометчики стрелки, —
Для всех друзей в том мае, в сорок пятом,
Всем недругам на свете вопреки...

С тех пор не раз цвели сады на свете,
Но мне то солнце утра не забыть, —
Оно всем людям мира в мире светит,
И никому его не погасить.

1955

ПРИМЕЧАНИЕ. ...как в семнадцатом году — как во
время Октябрьской революции 1917 г.

* * *

Старый снимок
Нашел я случайно в столе,
Среди справок,
В бумажной трухе, в барахле.

Старый снимок далеких,
Но памятных лет.
Ах, каким я красивым
Был тогда на земле!

Шлем ребристый кирзовый
Да чуб в три кольца,
Зубы белой подковой,
Веснушки — что солнца пыльца.

Не целован еще
И ни разу не брит,
Крепко через плечо
Портупеей обвит.

Вдаль гляжу я веселый,
Прислонившись к броне,
Среди сосен и елок,
На великой войне.

Светит солнце на траках,
Дымится броня.
Можно просто заплакать,
Как мне жалко меня!

Время крепости рушит,
А годы летят...
Ах, как жаль мне веснушек
Ржаной звездопад!

1958

* * *

Витька, Коля, Саша и Петро —
Песня, доброта, отвага, сила.
Медные ладони над костром,
С пшенной кашей черное ведро,
В лапах сосен льдистые светила.

Витька, Коля, Саша и Петро —
Экипаж, друзья мои, солдаты.
Кашу ждут зимой в сорок втором,
Лица жарко вымыты костром,
Спины от усталости горбаты.

Позади и впереди война,
За спиною гати и болота,
А у ног одна лужайка сна
На снегу, тепла и зелена.
Есть охота, очень спать охота.

И мечта клокочет на углях,
Дышит пшениным теплым ароматом...
Это только в песнях и стихах
На привале думают солдаты
Всё о славе бронзовой в веках.

Рядом с ними перед тем костром
Я сижу на лапах мерзлой хвои,
Слушаю тревожный зимний гром,
Лью газойль на сучья под ведро,
Глажу пламя по спине рукою.

Тени жестки, быстры и прямы,
Смотрит танк орудья черным оком,
Весь в мохнатом инее зимы,
В даль, которую откроем мы
На рассвете заревом с востока.

Дорогие, верные дружки,
Рыжий Витька, белобрысый Саша,
Коля и Петро — мои годки,
Как вы далеки и как близки
В мире светлом и просторном нашем...

Каждый год в честь вас гремит салют,
Тени гаснут, облака цветут —
В небе пламя плещется костра
Вити, Коли, Саши и Петра.

1958

МОЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Как давно я не ходил в атаку!
Жизнь моя идет в тепле, в тиши.
Где-то без меня встают по знаку
В бой с позиций сердца и души.

Нет, они не стерлись, как окопы
На опушке леса зоревой,
Но давно уж к ним пути и тропы
Заросли житейской муравой.

Жизнь прошла с тех пор,—
Не просто годы.
А за ней, там, где огни встают,
В сполохах январской непогоды,
Возле самой смерти на краю,

Скинув молча полушубок в стужу,
Лейтенант в неполных двадцать лет,
Я ремень затягиваю туже
И сую под ватник пистолет.

Больше ничего со мною нету,
Только вся Россия за спиной
В свете догорающей ракеты
Над железной башней ледяной.

Вот сейчас я брошу сигарету,
Люк задраю, в перископ взгляну
Через окуляры на полсвета
И пойду заканчивать войну.

Я ее прикончу вместе с дотом,
Ближним и другим, в конце пути,
На краю земли.
Бело болото.
Только бы его сейчас пройти.

Страшно ли? А как же, очень просто:
С ревом треснет черная броня,
И в глаза поток упрется жесткий
Белого кипящего огня.

Только что́ в сравнении с Россией
Жизнь моя?
Она бы лишь была,
С ливнями, с мальчишками босыми,
С башнями из стали и стекла.

Далеко-далёко, спотыкаясь,
Черный танк ползет, как жук, в снегу.
Далеко-далёко, чертыхаясь,
Лейтенант стреляет по врагу.

А земля огромна, фронт безмерен,
Лейтенант — песчинка среди огня.
Как он там в огне ревушем верит
В мирного, далекого меня!

Я живу в тиши, одетый, сытый,
В теплом учреждении служу.
Лейтенант рискует быть убитым.
Я — из риска слова не скажу.

Бой идет. Кончаются снаряды.
Лейтенант выходит на таран.

Я — не лезу в спор, где драться надо.
Не простит меня мой лейтенант!

Он не хочет верить в поговорку:
«Жизнь прожить — не поле перейти».
Там друзья, там поровну махорка, —
Я ему завидую почти.

Надо встать, и скинуть полушубок,
И нащупать дырки на ремне.
Встать, пока еще не смолкли трубы
В сердце, как в далекой стороне.

Далеко не все добыты доты.
Время хлещет тяжело, люто, зло.
Только бы сейчас пройти болото,
Вот оно лежит, белым бело.

Ох, как трудно сигарету бросить,
Глянуть в окуляры лет — и в путь!
Я один. Уже подходит осень.
Может, он поможет как-нибудь?

Добрый, как Иванушка из сказки,
Беспощадный, словно сам Марат,
Мой судья, прямой и беспристрастный,
Гвардии товарищ лейтенант.

1963

ПРИМЕЧАНИЕ. *Марат* — Жан Поль Марат (1743—1793), деятель Великой французской революции, один из вождей якобинцев, сторонник крайних мер в политической борьбе.

* * *

Самые отважные солдаты
Были те, что не пришли домой,
В день Победы, в мае, в сорок пятом,
Став навеки Родиной самой.

Как редело наше поколение —
Звездам в небе гаснувшим сродни —
Знают только русские селенья,
Города да матери одни.

Как в жару в степи мелеют реки
И сады сгорают в тишине,
Лучшие друзья у нас навеки
В юности остались, на войне.

Не хотим мы выйти в генералы,
Меньше нас на этом, чем на том.
Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы, кроме нас, никто.

...Молча спят под бронзовую сенью
Памятников в скверах городских
Циолковский наш и наш Есенин,
Не раскрывши замыслов своих.

А года без них всё длятся, длятся.
Ах, как в мире холодно без них!
Цепь порвалась. Павшим не подняться,
Чтобы на земле согреть живых.

Только плещет пламя над гранитом.
Нерушима кладбищ тишина.
Кто забыт — не знаем. Что забыто?
Ничего не скажут имена...

1968

ВОСПОМИНАНИЕ О ТЫЛЕ

Однажды зимой в сорок третьем
Судьба фронтовая моя,
Как будто наградой отметив,
Закинула в наши края.

В ремнях, в полушубке дубленом
Мне был и мороз — не мороз,
С пайком на неделю законным,
Что выдал румяный начхоз.

Мне письма из дома писали:
«Живем мы неплохо, сынок...»
Я знал, что не так, но из дали
Представить всю правду не мог.

И, спрыгнув на станции Тихвин
С платформы состава пустой,
В вокзале полуночно-тихом
Я встретился с правдой самой.

В нетопленном спящем вокзале
Я в кружку набрал кипяток
И пахнувший хлебом и салом
Тугой развязал вещмешок.

И я бы поел, только тотчас
Почувствовал, севши к столу:
Две женщины (с матерью дочка)
Проснулись в недалнем углу.

Как на золотистое чудо
В багровой солдатской руке,
Они загляделись оттуда
В стыдливой и скорбной тоске
На хлеб,
Две проезжих хозяйки,
Что сами его и пекли
Для фронта в тылу,
Без утайки,
Как только они и могли.

Давно это было, а было...
Стал в горле кусок поперек,
Когда вдруг одна попросила:
— Продайте нам хлеба, сынок...

Продайте, отнюдь не подайте...
Еще не стара, молода,
Иначе не скажешь, — хозяйка,
Сама высока и горда.

Я слов благодарных не слушал
С росинками радостных слез.
Оставил недопитой кружку
И выскочил в ночь на мороз.

1972

ПРИМЕЧАНИЕ. *Тихвин* — город и железнодорожная станция в Ленинградской области.

* * *

Я ее вспоминаю снова
В полушубке солдатском, в каске,
В сапогах пудовых кирзовых,
В давней были, как будто в сказке.

Мины падали, снег сметая,
Обнажая до дна болото.
Кровью на снегу залитая,
Залегла — не встает — пехота.

Ткнувшись в снег головой неловко
Ни назад, ни вперед ни шагу.
За убитыми, как за бровкой,
Поле ровное, как бумага.

И горит там после атаки
За деревней Гора, у леса,
Наша рота, все наши танки,
На газойле горит железо.

А она мне встала навстречу,
Головою ткнулась под мышку
И свои подставила плечи,
Ты держись, говорит, братишка.

Ты держись. И скинула каску,
И пошли мы по полю с нею,
С нею, тоненькой и глазастой,
Нос веснушками весь усеян.

Про таких говорят заглазно,
Что ни кожи, ни рожи нету.
Шла она в снегу непролазном
От кювета и до кювета

Там, где пели пули и мины,
До деревни Гора к танкистам,
Да еще подставляя спину,
Да еще твердила — держись ты.

А потом она парабеллум
У меня взяла осторожно;
К рукоятке его прикипела,
Как перчатка, — с ладони кожа.

Постояла возле носилок
И ушла к пехоте без слова.
Это в сорок четвертом было
У деревни Гора под Псковом.

1972

Глеб Горбовский

* * *

*В заграничной гостинице
в час тишайший рассвета
я услышал по радио
сельский говор поэта.
Мне аукнулась Вологда!
Речь текла крутобоко,
и коробочка радио
вся тряслась, как эпоха.*

*Кто-то сморщился в номере:
— Слушай, сделай потише
или — выключи... Ну его! —
Но поэт их не слышал.
Но поэт разговаривал,
и в ушах его рифмы
и шрапнельно, и сабельно
шевелились, как гривы!
Вспоминал он товарищей,
как кричал! Как от боли...
В заграничной гостинице
стало жутко, как в поле,
как в дыму наползающем,
распирающем танки!
...Тридцать лет возвращаются
к сердцу барда атаки.
Тридцать лет под осколками,
весь в войне, до скелета.*

Он горит, и не выключишь,
не задуешь поэта!
Весь в ожогах, как в рытвинах,
как в цветах. Как дорога —
до победы, до истины,
до любви.
До итога.

Рождение ветров

Ветры рождаются в душе
и в сердце, и в крови,
и в каждом из нас,
и в каждом из нас.

Ветры рождаются в душе
и в сердце, и в крови,
и в каждом из нас,
и в каждом из нас.

Ветры рождаются в душе
и в сердце, и в крови,
и в каждом из нас,
и в каждом из нас.

* * *

По привычке дома не сидится.
Тянет в поле, лишь весна придет.
Вся земля за городом дымится,
В реках всех трещит и тает лед.

Я пойду подсматривать и слушать
Всех ветров рождение, всех цветов,
Всех дождей, и кваканье лягушек
Среди зацветающих прудов.

По горам пройду и по долинам.
На телеге с неба съедет гром,
И вожак из стаи журавлиной
Мне подарит для стихов перо.

1940

ПРИМЕЧАНИЕ. *На телеге с неба съедет гром* — мифологический образ, связанный с народным представлением о божестве-громовнике.

* * *

Это дождь идет по сельским трактам
В рыжих глинах и зеленых травах,
Гром гремит, отстав на четверть такта
От зигзага молний на завалах.

По земле бежит вода рябая,
Пузырясь, урча и закипая,
И, штанами волны загребая,
Мальчуганы по воде ступают.

Вся река усыпана гвоздями,
Шляпками серебряными книзу.
И деревья у домов ветвями
Шлепают по окнам и карнизам.

Утки крикают от наслажденья,
Гуси словно ошалелые гогочут,
Дождь — не дождь, а прямо наважденье,
Голубое наважденье. Точно!

1940

ОСЕНЬ В ПАРКЕ

В багрец и бронзу всю планету
В сумятице дождей убрав,
Здесь скорбно увядает лето
Над желтизной погибших трав.

И листья кленов, как ладони,
Здесь к солнцу тянутся дрожа...
Горит на дальнем небосклоне
Рябин малиновый пожар.

Здесь меж стволами запах прели,
Грибовый холодок, и близ
Беседок золотой метелью
Шуршит под ветром палый лист.

Пройдемся по аллеям хмурым —
Там сторожа у скамь пустых,
Где зябко мраморным скульптурам,
Снимают и увозят их.

1940

ПРИМЕЧАНИЕ. ...у скамь — у скамеек.

* * *

Как на родине? Осень.
В скирдах рожь на полях.
По-над золотом просек
Журавли в облаках.

Где родные равнины,
Милый с детства простор,—
Знамя алой рябины
Вынес ввысь косогор.

Ей гореть не сгорая,
Ярче алой зари.
По зиме прилетают
На нее снегири.

Скажет каждый прохожий,
Стороны моей гость:
До чего же похожи
На багряную гроздь!

В крепких валенках русских
Он пройдет на виду,
И снежок, как капуста,
Захрустит на ходу.

Только мне-то не скоро,
Обойдя все пути,
По родимым просторам
Легким шагом пройти.

Край любимый в тревоге,
Слезы в тихом дому.
Заплутали дороги,
Дали в рыжем дыму.

По-над дымной долиной
На рябины взгляну.
Как знамена, рябины
Нас зовут на войну.

1940

* * *

Как долго мы не получали писем!
Уже сентябрь — осенняя пора.
Леса стоят расцветки яркой, лисьей.
В траве сверкает иней по утрам.

А где-то там, за Вологдой зеленой,
В лесах родной затерян городок.
Мамаша ждет, наверно, почтальона:
Не шлет ей что-то весточки сынок.

Опять дорога письма затеряла.
Тяжелые бои идут вокруг.
И поезда с Московского вокзала
На Вологду отправятся не вдруг...

1941

МАТЕРИ

Ты обо мне, родная, не скучай,
Благословив в тяжелую дорогу.
Пройдет война, и я в любимый край
Опять вернусь к знакомому порогу.

Пролег на запад наших танков след,
Зовет земля, и мы, внимая зову,
Ведем машины вдаль, путем побед,
И в том клянемся верностью сыновьей.

Не надо слез над строками письма...
Встречая пепел вместо сел, среди поля,
И нам бывает нелегко весьма,
Но мы не плачем, зубы сжав до боли.

Сейчас на фронте месяц март, весна,
Уже покрылись ржавчиной дороги,
И так ясна снегов голубизна,
Что кажется, и в мире нет тревоги.

Сияет солнца непреклонный свет,
И снег в полях уж под лучами тает,
И нам идти за ясным солнцем вслед,
Как солнце снег, врагов с земли счищая...

Март 1942

ОСЕНЬ

Широким журавлиным клином
Последний выбит летний день.
Погреться у костров рябины
Сошлись избушки деревень.

Тоска, дожди, туман и слякоть,
Глубокой осени пора.
Как будто мир пришли оплакать
Кричащие в полях ветра.

Над красноватым эшелонном
Дымки — прощальные платки.
Мелькают в глубине вагонов
Шинели серые, штыки...

Под ветром шелестит березник,
Ему последний лист ронять...
И женщина у переезда —
Солдатская, должно быть, мать —

На поезд смотрит без движенья,
Подняв ко рту конец платка.
В глазах ее — благословенье
И древняя, как мир, тоска...

Ой вы, дороги верстовые
И деревеньки по холмам!
Не ты ли это, мать Россия,
Глядишь вослед своим сынам?..

* * *

Ходят тучи, сизые до злости,
Дождик начинается вдали.
На болотах в теплый край, как в гости,
Стаи собирают журавли.

Вся в крови над речкою рябина,
Все березки тонкие в бинтах.
Как кабан, тяжелая машина
В землю врылась в реденьких кустах.

Гром приходит, ударяя оземь,
Из-под ног его летит земля.
Наступает фронтовая осень
На родных израненных полях.

1943

* * *

Февраль приходит, как бесчинство вьюги,
В холодном царстве матушки зимы,
И колесят ветра по всей округе,
Темно в полях от снежной кутерьмы.

Бредут домишки, нахлобучив шапки
Почти до плеч, и ухают в снега,
Как будто сена белого охапки,
Несет и сыплет по земле пурга.

И все бело. Да, все повсюду бело,
Вот только за околицей ветла,
Черным-черна, куда-то очумело
Бредет, качаясь, в поле от села.

И только месяц тучи прорезает
Над головой, как бронзовый топор.
А я стою, дыханием стирая
Со стекол льда затейливый узор.

Но только стоит мне глаза зажмурить,
Как за окном начнется сенокос,
Запахнет мятой снеговая буря
И жаркой степью вдруг дохнет мороз.

1945

ЗИМА

Мир накренился, прям и светел.
Едва заметен поворот.
Но по планете хлынул ветер
Уже арктических широт.

Еще в пленение не веря,
Плескались реки в берега,
Когда седая, как поверье,
Вдоль по воде пошла шуга.

И, тронув дымчатым припоем
Излук и стариц тишину,
Мороз ударил в голубое
И затуманил вышину.

И белизной неповторимой
Окуталась тогда земля,
Когда торжественно зазимок
Упал на черные поля.

Бери двустволку и на вате
Фуфайку туго опояшь.
Ни пуха ни пера, приятель,
Пусть будет полон твой ягдташ!

Отсалютуй зимы началу
Утиной дробью вдоль бугра.
Вот осень русаком промчалась,
Двустволка вскинута... Пора!

* * *

Зима несет в серебряной пыли
Кудели снежной длинные волокна.
Сугробы, словно волны, подошли
И пеною захлестывают окна.

Несет избу в далекие моря,
В седую замять снеговых видений.
Хвосты жар-птиц в печи горят
На звонких на березовых поленьях.

Ковчег сосновый дранкою обшит,
Углом изба врезается в метели.
Качает землю, клонит и кренит,
И небо, словно парус, в самом деле.

А на столе веселый самовар
От счастья скалит золотые зубы,
И над конфоркою клубится пар
Лихим казачьим светло-русым чубом.

Что нам метель? Бревенчатый ковчег
Сколочен плотно, и пирует сказка
Над самобранкой белою как снег,
Вся в бусах и в кокошнике угластом.

Вся в лентах, в сарафане расписном
Моя Моревна с острова Буяна.
Мы в полночь непробудную плывем
По снежным безудержным океанам.

Пускай свистит разбойник Соловей
На той сосне косматой за деревней.
За тридевять земель сбежал Кащей,
Нам песни петь, мед-пиво пить с царевной.

1945

ПРИМЕЧАНИЕ. *Моревна с острова Буяна, разбойник Соловей, Кащей* — персонажи русского фольклора.

* * *

Январь трещит морозами,
Пургой дымят поля,
А май ударит грозами —
И зацветет земля.

Проходит ночь косматая,
Лишь звездами пыля,
Вспорхнет заря крылатая —
И свет во все края.

Пусть бедами, ненастьями
Нас обжигает век,
Но твердо верит в счастье
Упрямый человек.

1946

* * *

Живу как получается,
Один и налегке.
Весь дом мой помещается
В походном рюкзаке.

Во все четыре стороны
Открыты мне пути,
А я хочу нетореный
И пятый путь найти.

Хожу, где не положено,
Испытываю жизнь,
И пусть мне вслед прохожие
Кричат: «Чудак, вернись!»

1945

* * *

Снова где-то плачут коростели,
Желтая разрыв-трава шумит.
Умер день, упали тени,
Дождик застоялся у раки.

Снова я от грусти непонятен:
Смутные надежды растеряв,
Не ищу на свете благодати,
Слушая предсмертный голос трав.

Лето, лето, ты не время года,
Протестую, требую, молю:
Не сдавайся лютым непогодам,
Жизнь и свет, я так тебя люблю.

Знаю, по весне поднимут снова
Новые цветы свои глаза,—
Не хочу пришествия иного,
Пусть гремит вновь летняя гроза!

Мир в жестокой смене всех явлений,
Что ж, тебя приветствую таким
За череду несчетных обновлений,
Зная, что и сам я преходим.

1946

ГИДРОЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ

Здесь, сужаясь и приседая,
В темных зарослях ивняка,
Вниз с плотины, почти седая,
Вертикально летит река.

Опрокинутая на спину,
На лету превращаясь в гром,
Гулко падает в пасть турбины
И закручивается винтом.

Продолжают ее вращенье
Якоря динамо впотьмах,
И мы слышим ее гуденье
В металлических проводах.

На железных ногах по звеньям
Пропыленного большака
Здесь высокого напряженья
По стране шагает река.

1946

* * *

Этот поезд, идущий в лето,
По пути к дорогому, к заветному,
На него доставать билеты
Очень трудно простому смертному.

Надо с трудностями бороться,
Год сидеть за книгами честно,
И тогда для тебя найдется
Возле лампочки лучшее место.

Рюкзаки, как подушки,— в голову,
И — да здравствует наше лето! —
Едут в Киров, Свердловск и Вологду
Земляки по университету.

Поезд медленно с места тронется,
Зачарован навек простором,
И березы ему поклонятся
На опушке за семафором.

Лес протянет к нему зеленые,
От росы блестящие лапы.
Речка вынырнет под вагонами,
Вся рябая от солнца, в накрапах.

А в вагонах — все окна настезь,
Вьется кольцами дым веселый.
В область сердца, по праву счастья,
Едут юные новоселы.

Область сердца, область Сибири,—
Там в пшенице один заблудишься.
И по сердцу леса на Свири:
Что задумано — все там сбудется.

Поезд полон, как ветром, песнями.
Их везут, и на каждой станции
Песня спрыгнет с короткой лестницы
И среди тишины останется.

Вот одна завернула за здания
И звенит где-то там, за рожью.
Но короткие расставания
Никого не томят тревожно.

Вот уже семафор ладонью
Приказал паровозу: «Трогай!»
И на землю опять обронен
Гром, прикинувшийся дорогой.

Под него веселей живется,
От Москвы до Владивостока
Он не раз еще отзовется
Эхом юности в днях далеких.

К инженерам и агрономам
Вдруг при встрече случайной где-то
Подойдет, позовет знакомо
Этот поезд, идущий в лето.

1949

ПРИМЕЧАНИЕ. *Свирь* — река, вытекающая из Онежского и впадающая в Ладожское озеро.

* * *

Нынче видел я перед рассветом,
Или это почудилось мне,
Что везли по Литейному лето
Золотое на рыжем коне.

Вдруг по улице ночью осенней
Запах трав пролетел в октябре.
О ромашках напомнил весенних,
О косцах, об июльской жаре.

И, пугая ночные машины,
Рыжий мерин, подняв удила,
Будто конь с пьедесталов старинных
С сеном выехал из-за угла.

И пахнуло далеким раздольем,
И прохожие в поздней дали
По Литейному, будто по полю,
Среди трав и ромашек пошли.

Им казалось — иди вслед за возом,
И увидишь: стоит за Невой
В белоствольных зеленых березах,
Возле моста, июль золотой.

1949

ПРИМЕЧАНИЕ. *Литейный* — Литейный проспект
в Ленинграде.

В ПОЛЕ

Как девочка-подросток,
Стоит в хлебах березка,
Глядит в простор зовущий,
На небо и на травы,
На золотой, насыщенный,
Поспевший хлеб державы.

А в нем дороги лента
С холма на холм ложится —
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

По ней в кудлатой пыли
Полуторки грохочут.
И тень широких крыльев
Отбросил с неба летчик.

Как голубая птица,
С ученым полеводом
По ней «Москвич» промчится
И проползет подвода.

И пешим ходом просто
С тугим мешком заплечным
Веснушчатый подросток
Пройдет заре навстречу.

Он песенку затаит
Про парня из забоя

И на березку глянет —
Как позовет с собою.

И на дорогу-ленту
Она не наглядится.
Дорога до райцентра,
А может, до столицы.

Одна из тех на свете,
Каких повсюду много,
В огромном жарком лете
Знакомая дорога.

1949

ПРИМЕЧАНИЕ. ...песенку... *Про парня из забоя* — песню «Спят курганы темные» Н. Богословского на стихи Б. Ласкина из кинофильма «Большая жизнь» (I серия, 1940).

ПОЛК ОБЕДАЕТ

Встало солнце литое на небосклоне
В полуденной своей, самой яркой красе.
Ходят песни повзводно в этот час в гарнизоне,
Их выводят старшины из казарм на шоссе.

В гарнизонной столовой щи в котлах
прокипели,
Приготовлена рыжих буханок гора,
Жаром пышут котлеты, жир стекает капелью,
Черпаками орудуют повара.

А за окнами лето, в гимнастерки одето,
По дорогам полсвета прошагало чуть свет.
Пыль клубит каблуками, бьет железом
о камень,
Загорелое лето идет на обед.

А к его гимнастеркам травинки прилипли,
Солью тронуты плечи, щеки выдубил зной,
Но к ветрам и дорогам недаром привыкли,
Рубят правофланговые шаг строевой.

Над столами в столовой бачки, словно боги,
До сиянья надраены мелким песком,
Мисок жаркие диски, запах щей на пороге,
И дежурный с повязкою перед полком.

Полк столы занимает, шумный, бритоголовый,
По команде пилотки летят на скамью.

Хорошо поработать солдату в столовой,
Поработав до пота в учебном бою!

А за окнами клены, в плащ-палатках зеленых
Встали, как часовые. Птичий смолк перещелк.
Солнце над гарнизоном. Небосвод
прокаленный.
Тишина на дорогах. Обедает полк.

1950

БЕРЕЗА

А лето уже на исходе,
Кузнечики в травах стучат.
И звездные ливни проходят
Над темной землей наугад.

Звенят августовские росы
Опять за туманной рекой.
И ты мне с заволжского плеса
Отчетливо машешь рукой.

Сменяется лето зимою,
Дымятся сугробы в полях,
Ты гнешься одна над рекою,
Серебряным иньем пыля.

Ударит апрель снеготалом,
В степи задымит чернозем,
И ты как ни в чем не бывало
Займешься зеленым огнем.

Как будто зима не курила,
И вьюга тебя не секла.
Упрямая гибкая сила
Гудит под берестой ствола.

Ни злобы, ни грусти не зная,
Какою-то тайной сильна,
Стремишься, береза простая,
Сквозь годы куда-то одна.

Как будто за мглой и метелью,
За маем и за январем
Открылись великие цели
Тебе золотым октябрем...

1951

Сверху их вожаки скликают,
Манят, машут, долго крича,
Но редуют в дороге стаи
От Цимлы и до Калача.

1952

ПРИМЕЧАНИЯ. *Цимла* — река, протекающая по территории Волгоградской и Ростовской областей; впадает в Цимлянское водохранилище. *Калач* — город в Воронежской области.

* * *

Низко пригибая травы лета,
Шла гроза, огнем грозя земле,
В буре электрического света,
В фиолетовой слепящей мгле.

А под нею, тенью злой застигнут,
Белый голубь крыльями хлестал
Частого дождя косые иглы,
Воздуха похолодевший вал.

Легкий лепесток живого света,
Погасить его хотела тьма,
Но, с земли давно завидя это,
Мальчуган на крыше не дремал.

Он, шестом вооружась как пикой,
Весь взъерошен и взаправду зол,
Воздух свистом рассекал и гиком
И плевал на то, что дождик шел.

Сам не зная, как могло случиться
То, что с крыши в страхе не удрал,
Беспокоясь всей душой за птицу,
Он ее подбадривал и звал.

И когда над ним разверзлись громы,
Он, чердак закрыв за голубком,
Заплясал, охвачен незнакомым
Чувством, в этот миг рожденным в нем.

Молнии ломались по соседству,
Но, по крыше вдруг пустившись в пляс,
Он грозил им кулачком детским,
Ничего на свете не боясь.

1952

* * *

Утро было. Одевшись теплей по привычке,
Я на улицу вышел, любуясь на осень,
На веселое солнце, на избы, на птичник,
Возле речки стоящий на рыжем откосе.

Вдруг слышались сверху какие-то звуки,
Сердце разом задевшие зовом и грустью.
Синь плеснула в глаза. Взял шапчонку я в руки:
Улетали, кружа над деревнею, гуси.

Долго белые гуси кружили над лугом,
Над речушкой холодной, над птичником теплым,
Где их братья, тесня в это время друг друга,
Гоготали в кругу перед птичницей Феклой.

Из корзины она рассыпала им зерна,
И они их клевали, глотая проворно,
И с чиновною важностью белые шеи
Гнули перед корзиной все злее и злее.

А над ними над лугом трубою сигнальной,
Одинокой, призывной, прощальной, печальной,
Плотный ветер крылами наотмашь сминая,
По-солдатски равнялась гусяная стая.

И ложилась на курс, ей завещанный, древний,
С ливнем, с бурями, с лютой тоскою
По озерам полесским, по русской деревне...
До сих пор эта стая меня беспокоит.

ВЕСНОЙ

Все предвещает в мире перемены:
Скворец на ветке, радуга в полях,
И жемчуга на ниточке антенны,
И окна неба в синих облаках.

Все в мире предвещает перемены:
Росток зерна, пробивший пласт земли,
Далекий ливень, лебедь в хлопьях пены,
Трубящие тревогу журавли.

Рев олених на тундровых угодьях,
И в устьях рек кипящий ход кеты,
И солнца с неба кинутые сходни
На синих плесах в зарослях тресты.

И спящих женщин жаркие колени
Полны предвестьем дрожи перемен,
Рожденья жизни, завязи цветенья,
Бессмертного в пожаре тока вен.

Все ожиданьем перемен чревато,
Чревато, даже если не полно:
Леса, поля, рассветы и закаты,
Высь поднебесья и морское дно.

Пусть кто-то по иным приметам судит,
По звону стали и счетам измен,
И думает, что никогда не будет
На всей земле счастливых перемен.

* * *

Весна —
Пора любви, рождения.
Ах, эта истина от века!
Сосулька на капель разменяна,
Но льды уже трещат на реках.

Что без весны деревья рослые
И даже малые растенья, —
Они под солнцем и под звездами
Молчат, как призраки и тени.

Весна —
А что она для пахаря?
Протравленная солью пота,
Под небом золотым, распахнутым
Весна —
Тяжелая работа.

До ломоты в костях без роздыха,
До черноты дубленой кожи,
Но без весны он, как без воздуха,
Самим собою быть не может.

Попробуй от утра до вечера
Песка и глины мир ворочать,
Но пахарь ожидает встречи с ней,
Как ждут любви, цветов, пророчеств.

Прекрасен отягченный брашнами
Роскошный август, бахарь красный,

Но всю его красу на пашне нам
Весной
Творит из глины мастер.

Он просыпается с рассветами,
Минуты в ней не упуская.
Для дела древнего, заветного
Весна
Ему — как мастерская.

1961

* * *

На крышах солью выступает иней,
С утра дорога в лезвиях ледка,
Поля лежат, как черная пустыня,
И задевают землю облака.

Ничто вокруг ни взора и ни слуха
Не радуется в промозглой этой мгле,
Как будто силу творческого духа
Природа исчерпала на земле.

Но вдруг мороз, и с высоты неожиданной
Не солнца свет, но и уже не тьма,
Враз осветив леса, дома, поляны,
Снег упадет, и через час зима.

Земля лежит, как новая планета,
На ней еще ни тропок, ни дорог
На всех ее меридианах нету,
Все вдаль зовет, и снова путь далек.

1962

* * *

Начало лета —
Как начало лет,
Где любят женщину
И ценят друга.
Где да — есть да.
Где нет — уж точно нет.
И мир очерчен,
Но не замкнут кругом.

Начало лета...
Зной еще не зной,
Листва упруга, говорливы травы.
Виски не облепило сединой,
И воздух полон ожиданьем славы.

...Как замирают зубчики резной
Ромашки и пугливой маргаритки.
С размаху ливни, вставшие стеной,
Ко мне идут, стремительны и зыбки.

Я верю в парус и люблю весло,
И утром, на окраине рассвета,
Куда меня нежданно занесло,
Ломаю хлеб, благословляя лето.

Ах, птицы с веток, небеса в дыму,
Сирень на камне, хруст песка у плеса
И занавески белые в дому,
Летающие вослед разноголоса.

Мир полон превращений и чудес,
В нем хмель вина, соль медленных
раздумий,
Пир за полночь, дорог далеких вес,
Оазисы мои и Каракумы.

Моя обетованная земля —
Улыбка женщины, рукопожатье друга.
Моей охоты трудные поля
Лежат за рощей моего досуга.

Успех дешевый я отверг давно,
Смешны мне резвых мальчиков забавы
И с ними беспокойство заодно
Тупых, самодовольных, величавых.

Начало лета...
Крыл невидных свист.
День, словно подвиг, и высок и звонок.
Как тоненько подрагивает лист,
Промытый ливнем, огненного клена.

Наверно, собирается жара:
Край радуги в столбах аквамарина.
Ах, как утешна зайчиков игра —
Всегдашний тьмы и света поединок.

1965

* * *

Какое лето шло по всей стране,
Все в ливнях зноя, тишины и света,
Когда война, готовая к войне,
Ждала сигнала!.. Ах, какое лето!

Хлеба стояли на полях стеной,
Шли к морю поезда с отпускниками.
За город собирались в выходной
Компаниями, школами, цехами.

А в Греции и в Африке бои.
А в Бресте у старинных казематов
Грохочут на закате соловьи
И спать ложатся с песнями солдаты.

Нам с той поры не позабыть вовек
Той тишины, спустившейся на травы,
На роци и на русла синих рек,
На города и веси всей державы.

.....

Не шутки шутим, на земле живем,
Ее железом били, кровью мыли.
И даже в день, когда замолкнул гром,
Мы этой тишины не позабыли.

Мы не забыли сорок первый год.
Да, мы солдаты, с той поры солдаты.
...Какое лето по земле идет,
В хлебах и травах, пахнущее мятой!..

* * *

Красное в разгаре лето.
В знойной тишине
Дятла дробь в бору прогреетом,
В небе, на сосне.

Загадай желанье,
Веря или нет,
И кукушки предсказанье
Прозвучит в ответ.

Прозвучит и канет в синий,
Голубой простор,
В глубине твоей России,
Юной до сих пор.

1969

* * *

И черная случается весна,—
Ни в небе нет, ни на земле нет света.
Черна земля, и туч гряда темна,
Черны деревьев голые скелеты.

На реках синий грязноватый лед,
Туман просторы мгlistые заносит,
И дождик серый целый день сечет,
Как будто это не весна, а осень.

Но снег в полях быстрее день ото дня
Пора такая запросто съедает.
Земля в грязи и жиже, как квашня,—
Вздывается, восходит, набухает.

В лесу, в оврагах, в поле, на земле —
Повсюду что-то новое творится.
Как только солнце выглянет во мгле,—
Весь мир мгновенно с ним преобразится.

И никаких на нем следов зимы:
Он весь прозрачен — голубой и рыжий.
Вот — солнце в луже, в золоте холмы,
И с черных пашен свет до неба брызжет.

1973

* * *

Появились на дорогах вепри.
Грозы шли и падали трескуче.
Дули ветры. Задували ветры,
И сшибались, словно кони, тучи.

Лето было полное знамений,
Но никто не замечал их просто,
И никто не думал, что за тени
Поднимались от земли под звезды.

Просто в суете и суматохе,
Вовсе оторвавшись от природы,
Всё валили чохом на эпоху,
Думали — и тут она подводит.

Но валились с корнем наземь сосны,
Мачтовые сосны — исполины.
Ни с того и ни с сего в покосы
Реки выходили на равнину.

Радуги, как будто полотенца,
Полоскались над любою крышей.
Май такие выдавал коленца
С перепадами от грома к тиши,

Что хватались люди за газеты,
По привычке думая, что эта
Связана с политикой примета,
И спокойно дрыхли до рассвета.

Но к бензоколонкам и киоскам
Выходили вепри, словно к кочкам.
Падали, срываясь, в полночь звезды,
Петухи кричали неурочно.

Лето было полное знамений,
Непрочитанных и странных очень...
А для всех лишь — недоразумений
С отпусками, с дачами и прочим...

1974

ЗАПЕЛИ САНИ...

За высокими лесами,
В стороне от автострад,
Слышите — запели сани,
Снег полозьями примят.

Снег свистит, поет, хохочет,
На снегу сверчат сверчки,
Брызжут в небо вдоль обочин
Голубые васильки.

Жаром улица искрится,
На домах стоят дымы...
Хорошо бы закатиться
В царство матушки-зимы!

1974

* * *

Синь все небо уносит,
Солнце волны листает,
А у вас, видно, осень
В эти дни золотая.

Лист ложится багряный
На зеркальные лужи,
Набегают туманы,
Тучи ходят натужно.

Поспевают рябины,
Кисти — как семафоры
Над асфальтом пустынным,
Убегающим в город...

1975

* * *

За окнами белая стужа
И свет, что действительно бел,
Морозный, туманный и вьюжный,
Свет бел за окошком, как мел.

По крыши дома оснежены,
И белого леса стена,
И черная только ворона
Сидит на заборе одна.

Случайна, как черная клякса,
Но с нею белей белизна.
Смотрю и дивлюсь я, ах как с ней
Мир бел за проемом окна.

1 января 1976 г.

ПРОЩАНИЕ С ЛЕТОМ

Грохочут в небе дни, как поезда,
Все в молниях, ветрах и ливнях плотных.
Уходит лето через города,
Как праздники, легко и беззаботно.

Не надо ждать неожиданных перемен
И радостей каких-то неизвестных.
Уходит лето в травах до колен,
В хлебах по пояс, плечи в перелесках.

Уходит лето... Не остановить.
Не сесть за стол — давай раскинем брашна
И будем петь и будем вина пить,
Как было в мае...
Ну и пусть. Не страшно.

Еще ветра, пожалуй, по пути,
Еще как будто не остыли воды
Реки, что в синем золоте летит
И белые качает пароходы.

Но дни летят — не оглянуться вслед
Теперь уже ни при какой погоде.
Не череда неторопливых лет, —
Уходит лето... Навсегда уходит.

Йоле Станишич

* * *

*Сегодня утром каменные листья
срываются и падают в траву,
роются буквы и боятся мысли
беды, произошедшей наяву.*

*Сергей, Сергей! На темном небе танки
тяжелой преждевременной грозы.
И не тебе глядеть из черной рамки
на этот мир с газетной полосы.*

*Багровые на низких тучах блики
и на траве багряная роса.
Но у Победы на прекрасном лице
твоей судьбы солдатские глаза.*

*Грохочет бой. Огонь и сталь. И кроме
огня и стали ты передо мной
на поле боя в пламени и громе
надеждой освещаешь шар земной.*

*Да, ты горел, когда Светило слепо
закатывалось в огненную даль,
как черная, из каменного пепла,
пробитая осколками медаль.*

*И шар земной отяжелел от праха
твоих друзей — отважных сыновей*

*Отечества, но горький ужас страха
не тронул шрамов памяти твоей.*

*Сегодня туча, от беды отчалив,
легла на шрамы твоего лица.
И облако непрошеной печали
обволокло товарищей сердца.*

*Тыходишь в круг немого сна. И листья
слетают на колючее жнивье.
И больше пламя не играет мыслью
твоей судьбы и не палит ее.*

*Срываю с утра черную завесу
и наблюдаю в белой пене плёс
и голое смятение по лесу
над озером белеющих берез.*

*Еще я различаю понемногу
твоих тревог сигнальные огни,
еще я в силах выслать на подмогу
твоей судьбе моей заботы дни.*

*Спасенья нет от гибельного круга,
но, как всегда, встречая смерть в упор,
ты вздрагиваешь, видя слезы друга
и безутешный материнский взор.*

*Но знаю я: грядущим дням товарищ,
скрепленный с ними верностью одной,
ты свое имя, умирая, даришь
бессмертию Поэзии родной.*

Перевод с сербохорватского М. Дудина

Ход времен

* * *

Ночь бела. Закат идет в рассвет.
Отсвет звезд на башнях громобойных
Из далекой тьмы прошедших лет
Светит нам через года и войны.

Он сиял, быть может, тем войскам
Боевым на поле Куликовом,
По шеломам и стальным щитам,
За Непрядвой, от зари багровой.

Может, где-нибудь зажглась звезда,
Свет ее идет из дымной дали
И дойдет к земле через года.
На какой он засияет стали?..

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. *Поле Куликово* — место между реками Непрядвой, Доном и Мечей, где 8 (21) сентября 1380 г. объединенные войска русских князей одержали победу над монголо-татарской армией Золотой Орды.

* * *

Потомок наш о нас еще вспомянет
В каком-то многотысячном году,
В путь отправляясь на ракетоплане
На только что открытую звезду.

Не представляя, как от звона стали
Земля дрожала в пламени костров
И как ракеты толком начиняли
И посылали предки на врагов,—

Он скажет так (и прав, пожалуй, будет,
Лишь по преданьям знающий войну):
— В тот дальний век изобретали люди
«Катюшу» для полета на Луну.

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. «Катюша» — народное название боевых машин реактивной артиллерии, применявшихся советскими войсками в годы Великой Отечественной войны.

* * *

На городском валу заплачу
И ветром слезы осушу.
Мне вдовый жребий предназначен,
Но на судьбу не заропщу.

Он спит на поле Куликовом,
Мой князь, мой муж, и Русь его
Качает на груди пуховой,
Возлюбленного своего.

1945

* * *

Вновь над курганом Синеуса
Взошла червленная луна.
Над всею православной Русью
Как круглый русский щит она.

Пускай она в тысячеверстье
Там, за Непрядвою-рекой,
Князей отважных белозерских
Прикроет сталью броневой.

Там небо скрыто в тучах чадных,
Крик над мамаевой ордой,
Князя выводят полк засадный...
О Русь, вот день победный твой!

1945

ПРИМЕЧАНИЯ. *Синеус* — один из трех предводителей варяжской дружины, призванных, согласно «Повести временных лет», в 862 г. новгородскими словенами; Синеус стал князем «на Беле-озере», но через 2 или 3 года умер; возвышенность, именуемая курганом Синеуса, находится в окрестностях Белозерска. ...*Князей отважных белозерских* — отряды белозерских князей участвовали в Куликовской битве. *Мамаева орда* — монголо-татарской армией на Куликовом поле командовал темник (крупный военачальник) Мамай. ...*Князя выводят полк засадный...* — Неожиданный для Мамаев введ в действие русского засадного полка решил исход Куликовской битвы.

БЕЛОЗЕРЬЕ

Здесь ели — словно колокольни
Подняли к облакам кресты,
И древней темнотой раскольной
Темны овины, как скиты.

И за раздольем трав духмяных,
Болотных, рыжих и густых,
Над озером плывут туманы,
Плывет протяжный шум тресты —

Как гул молитвы староверской,
Сердца щемя глухой тоской...

О, край дремучий белозерский,
Старинный, озерной, лесной!

1945

ПРИМЕЧАНИЯ. *Белозерье* — территория, примыкающая к Белому озеру; входит в состав Русского Севера, но имеет и некоторые черты культурно-исторического своеобразия. ...*древней темнотой раскольной Темны овины, как скиты.* — Белозерский край, как и Русский Север в целом, был местом, где хранители старой веры (раскольники) спасались от преследования властей.

* * *

За слоем Хивсайда, за легкою пылью
Земной атмосферы безмолвье звучит.
Холодная вечность, дремучие крылья
Расправив, в мирах беспредельных парит.

Планеты плывут по орбитам с шуршаньем,
И где-то кометы, хвосты распустив,
Летят по путям громовым мирозданья,
Маршруты, как шпаги стальные, скрестив.

Дороги еще не изведаны эти,
Но время идет непреклонной судьбы:
Придет человек — от планеты к планете
Протянутся вдаль верстовые столбы.

1946

* * *

Утрами травы розовеют в росах,
Дымятся реки и шумят сады,
И на лесных заброшенных покосах
Отчетливы сохатого следы.

Он рвал осоку влажными губами,
Валялся в травах и ушел в леса,
Покачивая медными рогами,
Прислушиваясь к птичьим голосам.

Ведет тропа к заброшенным озерам,
Горит на поймах изумруд-трава.
Там скрыт от мира древний Китеж-город
На зыбких, будто морок, островах.

Выходит лось к широкому простору,
Глядит — не пьет, тревогой обуян.
Пред ним сосновый возникает город,
Окутанный в сиреневый туман.

Он окружен высоким частоколом,
Светлиц и звонниц острые верхи.
Но вот за сотню верст в далеких селах
Вдруг запевают третьи петухи.

И постепенно Китеж-город тает...
С востока ветер, зыблются дома,
И с клочьями тумана улетают
Неведомой постройки терема.

А с морды зверя тихо по шерстинкам
Стекают капли, и уходит он,
Меж сосен выступая по тропинкам,
Как будто между бронзовых колонн.

На миг застынет под густым навесом,
Прислушается и опять пойдет.
Серебряной жар-птицею над лесом
Рокочет пассажирский самолет.

Звучит далекий окрик паровоза,
О травы где-то звякает коса,
Поют негромким голосом березы,
Полны знакомых голосов леса.

1947

ПРИМЕЧАНИЯ. *Китеж* — согласно древнерусским преданиям, город в Нижегородской земле, опустившийся на дно озера Светлояра, как только к нему приблизилась орда хана Батыя; истинно верующий человек может увидеть этот город в воде или услышать звон его колоколов. ...*Вдруг запевают третьи петухи* — по народному поверью, третий крик петуха под утро разгоняет ночные видения.

* * *

Мне кажется, что это было так,
Что шли к Земле тяжелые ракеты
Сто лет подряд в багровых вспышках света,
Не возвращаясь никогда назад,
Покинув навсегда свою планету.
Встречала их Земля гремучим адом,
Потоками, низвергнутыми с неба,
Гигантскими деревьями, жарою,
Слепящим светом, бронебойным градом,
Над ней струился пар, клубились гады,
Железный воздух рвал грудные клетки,
И тяжесть разрывала сухожилья,
И от избытка влаги жгло сердца.
Но как они при этом были рады
Земному урагану изобилья —
Здесь жизни может и не быть конца.
Переplывая огненные реки,
Сражаясь с мастодонтами в чащобах,
Перелетая с полюса на полюс,
Они решились жить на ней вовеки,
Они остались здесь, на доброй, злобной,
Скупой и щедрой девственной Земле.
И где-то посредине океана
Огромный остров отвоеван был,
Как центр цивилизации урана.
И город здесь впервые воспарил.
О, белое виденье Атлантиды
В бездонной глубине памяти людской,
Висячие сады Семирамиды,
Воображенье с неземной тоской.

Как трудно отвоевывалось счастье,
Не уступал и не сдавался воздух,
От необычного пришельцы гасли,
Но не было уже пути назад.
И Землю в руки брал творец и мастер,
Уран был добыт, поднят город-сад.
Но в ночь одну погибла Атлантида.
Мне кажется, что это было так.

1948

ПРИМЕЧАНИЯ. *Атлантида* — по зафиксированному древнегреческим философом Платоном преданию, огромный остров в Атлантическом океане к западу от Гибралтара; земля на нем отличалась высоким плодородием, здесь существовала развитая цивилизация, которая погибла вместе с островом в результате мощного землетрясения. *Висячие сады Семирамиды* — одно из «семи чудес света», сады на крыше царского дворца в древнем Вавилоне; греческое предание ошибочно связывает их с именем ассирийской царицы Семирамиды (Шаммурамат, конец IX в. до н. э.); они были разбиты при царе Навуходоносоре II (начало VI в. до н. э.).

АКРОПОЛЬ

В незапамятном детстве раннем
Я увидел впервые город,—
Сказкою о царе Салтане
Он открылся мне с косогора.

Вал зеленый у вод блескучих,
Стены сахарные над валом,
Золотые луковки в тучах
Лента радуги обвивала.

Голубиная почта меркла
В синем небе над головою,
Звон катился на крыши с церкви,
С колоколен, медным прибоем.

Крыши крыты железом красным,
Окна в два ряда и заборы...
Потрясенный творимой сказкой,
Въехал я на телеге в город.

Первый город мой, в зорях алых
Щедро ты мне дарил открытья;
С чудом первой любви, пожалуй,
Мог тебя одного сравнить я.

И хотя на земле с тех пор я
Повидал городов немало,
Выходил к ним спокойно, к гордым,
Из ворот гремящих вокзалов,—

Но недавно, за синим морем,
В королевстве чужом, не в сказке,
Будто снова я въехал в город
На телеге мальцом вихрастым.

Белый мрамор колонн летящих —
С морем синим и небом рядом, —
На холме под солнцем палящим
Мне открылась земля Эллады.

И, увидев впервые город
Изо всех городов на свете,
Словно солнце и словно горы,
Переживший тысячелетья, —

Замер я, словно в детстве раннем,
Заглядевшись с косогора,
Перед молодостью сказанья
На земле сухой, словно порох.

Я уже никогда не забуду
В небе полные солнца колонны
И безгрешного детства чудо —
Мой Акрополь в лесах зеленых.

1956

ПРИМЕЧАНИЯ. Акрополь — находящаяся на возвышенности укрепленная часть древних Афин, где находились городские святыни; сохранившиеся до настоящего времени останки архитектурных сооружений Афинского акрополя являются культурным памятником мирового значения. ...Я увидел впервые город, Сказкою о царе Салтане — отсылка к следующим строкам известной

сказки А. С. Пушкина: «...И дивясь, перед собой Видит город он большой, Стены с частыми зубцами, И за белыми стенами Блещут маковки церквей И святых монастырей». *Эллада* — Древняя Греция.

У БЕРЕГОВ ИСПАНИИ

Для меня была Испания такой:
Времена смешались все и сроки,
Рог Роланда обливается тоской
И Филипп Испанский правит суд жестокий.

А по рыжей сьерре скачет Дон Кихот,
Карменсита каблучками бьет о камень.
И сражается в Мадриде интервзвод,
Окруженный марокканскими стрелками.

Для меня была Испания такой:
От Веласкеса до Лорки — всё в ней рядом,
Черных «юнкерсов» в высоком небе строй,
Бой быков и паруса морской армады.

Но однажды мне открылось с корабля
(Шел корабль у Гибралтара темной ночью),
Я увидел, что Испания — земля,
По подолу в огоньках короткой строчки.

Над проливом черной глыбою утес
Возвышался, весь из скал, в дыму, тумане,
Только небо чуть светлее в свете звезд
Позволяло разглядеть их очертанья.

Низким заревом Танжер налево плыл,
Ниже черных берегов того утеса
Ветер дальний запах гари доносил,
Чей-то крейсер шел, огни бросая косо.

Целый час я на Испанию глядел,
Целый час по борту волны били мерно.
Я друзей бы здесь, врагов найти хотел,—
Вот она, как ночь и звезды, достоверна.

Где они, морской армады паруса,
Дон Кихот, и звон гитар, и Карменсита?
Я глядел до слез, глядел во все глаза
На утес, ветрам Атлантики открытый.

Здесь живут и плачут, любят и клянут,
А Филипп давным-давно забыт навечно.
Святят звезды, спит земля, огни плывут,
И летит по морю сьерры дым навстречу.

1956

ПРИМЕЧАНИЯ. *Рог Роланда* — образ из старофранцузской эпической поэмы «Песнь о Роланде» (XII век); ее герой попадает в устроенную испанскими маврами засаду и трижды трубит в свой рог Олифант, призывая на помощь короля франков Карла Великого. *Филипп Испанский* — король из австрийской династии Габсбургов, правивший Испанией с 1556 по 1598 г.; он способствовал укреплению позиций абсолютизма и инквизиции в стране, присоединил к ней Португалию, усилил гнет в Нидерландах, находившихся под испанским господством, вел войны с Англией и Францией. *Дон Кихот* — герой романа М. де Сервантеса «Хитроумный идальго Дон Кихот Ламанчский» (1605–1615), странствующий рыцарь, ставший одним из культурных символов Испании. *Карменсита* — уменьшительно-ласкательная форма от имени Кармен; этим именем озаглавлены широко известные произведения — новелла П. Мериме и опера

Ж. Бизе; героиня обоих произведений — испанская цыганка, с образом которой связано представление о неодолимой силе и безудержной свободе любовного чувства; несмотря на то, что Кармен — создание французского искусства, она, как и Дон Кихот, является культурным символом Испании. *Интервзвод* — боевое интернациональное формирование периода Гражданской войны 1936–1939 гг. в Испании; такие формирования сражались против фашистов на стороне республиканцев и состояли из добровольцев. *Марокканские стрелки* — солдаты-пехотинцы Иностранного легиона, частично набранного в Испанском Марокко; они прославились как самые умелые и бесстрашные бойцы; 12 батальонов марокканских стрелков составляли основную ударную силу генерала Франко, поднявшего мятеж против республики. *Веласкес* — Диего Веласкес (1599–1660), испанский художник. *Лорка* — Федерико Гарсиа Лорка (1898–1936), испанский поэт и драматург, расстрелянный фашистами. «*Юнкерс*» — наименование немецких бомбардировщиков Ю-87 и Ю-88 по названию фирмы, выпускавшей их. *Бой быков* — традиционное цирковое зрелище в Испании. ...*паруса морской армады* — имеется в виду «Непобедимая армада», большой военный флот, созданный Испанией для завоевания Англии; в 1588 г. был разгромлен противником и сильно пострадал от шторма; эта неудача положила конец морскому могуществу Испании. *Гибралтар* — владение Великобритании на юге Пиренейского полуострова, у Гибралтарского пролива; права на него оспаривает Испания. *Танжер* — город и порт на севере Марокко, на берегу Гибралтарского пролива; в год написания стихотворения имел международный статус.

ПЕТР ВЕЛИКИЙ В ВОЛОГДЕ

Как колокольня ростом длинен,
Сажень в плечах, глазаст, усат,
Царь прибыл в город по причине
Совсем не царской, говорят.

В ботфортах, сшитых саморучно,
С дубиной, струганной ножом,
На складах пристанских, как крючник,
Царь околачивался днем.

Беседы вел с мастеровыми,
С купцами пил, табак курил
И, царское роняя имя,
Пешком по Вологде ходил,

Собак дубиной отгоняя.
Монашки, глядя вслед ему,
Крестами перси осеняя,
Гадали, что теперь к чему.

В глазах его бесовских пламя,
Дым из ноздрей, как две струи,
И кукиш делает перстами
Притом на храмы божии.

А паче, даже думать срамно,
Царь отбывает на покой,
Стуча перстом в перстне по раме
К вдове над Вологдой-рекой.

Ах, либе Анна, либе Анна,
Вдова голландского купца,
Добра, вальяжна и желанна,
Хотя и девочка с лица.

У ней атласы на перине,
Из Амстердама в склянках ром.
Что до утра в царевом чине
Он с Анной делает вдвоем?

Тут замирают дух и сердце,—
А царь по Вологде спешит,
Весь солнцем пропечен, как перцем.
Ушкуйник, а не царь на вид.

Он смел в любви и лих в застолье,
Но перед ним сейчас вдали
За речкою не лес да поле,
А море, флаги, корабли.

И Анне в горнице не спится:
Опять на дереве в окно
Поет томительная птица
И жжет в постели полотно.

1958

ПРИМЕЧАНИЯ. Петр I посещал Вологду в 1692, 1693, 1694, 1702, 1722, 1724 гг. В доме вдовы голландского купца Гоутмана он останавливался в последний свой приезд, когда возвращался с императрицей Екатериной Алексеевной с Олонецких марциальных вод. Любовная история в стихотворении С. Орлова является плодом художественного вымысла. *В глазах его бесовских пламя,*

Дым из ноздрей, как две струи — воспроизведение представления о Петре как о порождении сатаны, бытовавшее в среде противников его реформ; возможно, отсылка к роману Д. С. Мережковского «Петр и Алексей» (1904, заключительная часть трилогии «Христос и антихрист»): ...*Либе Анна* — дорогая Анна (немецк. *liebe Anna*). *Амстердам* — город в Голландии.

ДИОНИСИЙ

1

Умели деды строить грады
И веси на Руси святой.
Стоят они, очей отрада,
Красой равняясь с простотой.

На наших северных широтах,—
Видать, для света и тепла,—
Как солнышки ручной работы,
Горят над ними купола.

За Вологдой в дали таежной,
В конце проселка на пути,
Зайдешь под свод, и невозможно
Глаза от света отвести.

Веселый грешник Дионисий
Здесь песни пел и краски тер.
Он перенес на стены кистью
Тепло зари и синь озер.

Шеренги праведников рослых
Стремятся в рай, а там встают,
Толпятся мачтовые сосны
У Дионисия в раю.

Рай на горах, в бору с брусникой...
А может, правда, рай — в лесу?

Мой край родной, мой друг великий,
Как опишу твою красу?

Пылает северное лето.
Недвижны сосны. Спит вода.
И, на стожар в лугу надета,
Дрожит вечерняя звезда.

А в дальней дали с новой силой
Через дремучие леса
Старинный град, райцентр Кириллов,
Плывет, расправив паруса.

2

Я видел рай не на небе,
Он в душу мне запал.
Его художник нанятый
В церквушке написал.

Но неподкупна кисть его.
И вот живет века
Работа Дионисия,
Как поле, как река.

Рай с соснами косматыми,
В бору заречном он,
С брусникою, опятами,—
Я в этот рай влюблен.

А он, видать, без памяти
Любил свой бедный край,

Его на стенах каменных
Изобразив как рай!

1958

ПРИМЕЧАНИЯ. *Дионисий* (ок. 1440 — после 1502) — древнерусский иконописец, создатель фресок в Ферапонтовом монастыре. ...*старинный град, райцентр Кириллов* — город Кириллов, ныне районный центр Вологодской области, возник как слобода при Кирилло-Белозерском монастыре в начале XV в.; статус города получил в 1776 г.; Ферапонтов монастырь находится в его окрестностях.

СКАЗЫ О ДИОНИСИИ

*Рубить в высоту,
как мера и красота скажут.
Из старинной грамоты*

С теплохода бросают трап
В синеву, в тишину, в березы,
В пенье птах, в полыханье трав,
Под дожди, облака и звезды.

И взыскующий града народ,
С рюкзаком на плече, с транзистором,
Как десант веселый, берет
На Шексне голубые пристани.

За спиной его — в проводах,
В ливнях вздрагивающих неона
Миллионные города,
Космодромы и циклотроны.

За спиною ревущий век
Конференций, джазов, молелен
С дымным прищуром из-под век
Неусыпно в душу нацелен.

Бомбой атомной осенен,
На полотнах разъят на части,
Взвешен, выверен, расщеплен,
Засекречен, распахнут настезь.

Но летит деревянный трап,
И петух, как на крае света,

За густым частоколом трав
Запеваает горласто где-то.

Возникает голос ручья,
И за белой рощей туманной,
Незаемная, вся своя,
Открывается вдруг неожиданно,

Простодушна, пряма, чиста,
Пережившая все на свете
Неразменная красота
Нестареющего бессмертья.

А дорога в Кириллов вьется
От холма долиной к холму,
То вернется, то вбок метнется.
А к чему бы это, к чему?

Ну к чему бы?..
Умна дорога.
Гудом ноги уже гудят.
А она — подожди немного...
Холм подкинет: взойди-ка, брат.

Как свеча, как парус крылат —
Вот он рядом, Кириллов град.
Вот он — только сойди с холма.
Ах, дорога, себе — сама!

Видно, был палата ума
Тот мужик, что ее торил.
Он торил ее, как творил,
Силы путнику впрок дарил,
Все поманивал — глянь-ка, брат,

Как свеча, как парус крылат,
Вот он рядом, Кириллов град.

Мастера воздвигали храм
До заката вплоть от рассвета,
И никто не мог мастерам
Ни перечить, ни дать совета,

И никто им был не указ,—
Стены, окна, притворы, двери
Воздвигали они на глаз,
Ну, а глаз — чем его измеришь?

Возникал, означался храм,
Рос, как сосны растут с рожденья,
К небу синему, строг и прям,
Будто в сказке по наущенью.

Прост, как небо, поле, река.
А стоишь, глядишь и глядишь, и...
А всего-то одна строка
Белых кружев камня под крышей.

А всего-то на нем сошлись
Мастера, забываясь в выси,
И кричал им: — Слезайте вниз,
Ну-ка дайте мне!.. — Дионисий.

Дионисий.
Синие выси.
Храм шатровый на берегу.
Он раздвинул его, возвысил

Кистью.

Как — понять не могу!

Разворачивая тряпицу,
Яйца в жестких пальцах лупил,
Обдирал сухую плотицу,
Запивал водой и всходил
На помост, к себе на тесинку
Восходил, как на край небес,
Прижимая с красками кринку
Ко груди,
И глядел через
Стены каменные навывлет...

Широко сияли глаза!
В них озера и гряды плыли,
Зори прядали, и гроза,
Травы синие Бородавы...
И он в озеро кисть макал,
А потом он макал в дубравы,
В алых зорь золотой накал.

А налево, да и направо,
Лишь леса в багреце, в дыму,
Было здесь ему не до славы,
А до правды было ему.

Кто давал ему это право,
Кто позволил это ему?
Но взрывались листвой дубравы,
Но всходили до неба травы,
И несли реки свет во тьму.

И глазасты, высоколобы,
Выше сосен, сильнее рек,

Души плотников, землеробов
Словно молнии били в век.
Не унижены, не убоги —
Просветленные люди-боги.

А тесинка под ним качалась,
И сидел он на ней один,
Сокрушенный, и звал, печалась:
— Встань-ко, сын, погляди-ко, сын...

А тесинка под ним плясала,
Словно ярмарка на юру.
— Глянь-ко, женка, — рука писала.
Полюбуйся, а то сотру!

Дионисий.
Синие выси.
Кисть как факел в его руке.
Изумрудное солнце виснет
В крупной капле на кончике.

Факел?..
Кисти кидал за спину.
Били хряка дымным ножом,
Драли с теплой шкуры щетину
И смывали с нее назем.

Он стоял, бородат и странен,
Закатив рукава. Босой.
Рыжий, будто мирской крестьянин
Над невспаханной полосой...

В век космических скоростей,
Кибернетики, и нейлона,

И штампованных впрок страстей
Не хватает людям озона.

Люди жаждут, ищут, таращатся,
Широко раскрывают губы.
В океане зеленой ящерицей
Остров всплыл.
Люди ахают — Куба!

Из межзвездного океана
Человек на ракете выплыл,
Но несут по землям и странам
Не ракету — его улыбку.

В кедах, в алых и голубых
Бедных стеганках из синтетики
Дети атомного столетия
Застывают у стен лесных.

Над стыдливым пожаром лиц,
Как озера, глаза смятенны.
Даль без края и без границ
Открывают пред ними стены.

Молчаливо они стоят,
Дышат свежестью чуда росной.
Дети физиков и солдат,
Разгорающиеся звезды.

Там, где Чудь чудила и Меря,
Где семь верст до небес,
Она
Начиналась не в веке — в вере,
И не в спорах — в сборах.

Со дна
Русь по капле росы сбиралась
И копилась в реки в тиши.
С вольных душ людских начиналась
На борах, на горах, в глуши.

Сталь калила, камни гранила,
На траве белила холсты,
Скатный жемчуг песен хранила.

Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьём не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скарб, а за красоту.

Ту, что не увязать, да в торок,
И на спину коня, да в орду.
Ту, что не запалить, как город,
Не купить ничем красоту.

Ту, что можно, пожалуй, кистью,
Как жар-птицу, взять на лету.
Не крестьян писал Дионисий,
Не святых писал —
Красоту.

Вот она из камней упрямо
Воздвигается к облакам.
Пусть каменья на стройке храма —
Это камни лишь, а не храм.

Пусть каменья грубы, щербаты,
И в навозе они, и в пыли,

Но из них, как солнце, палаты
На зеленой заре земли.

На траве во дворе дрова,
Горкомхозовские поленницы,
Неба синие острова,
Птиц серебряные коленца, и
Сошлись посреди двора
Вместе — атомной эры жители
И безвестные мастера,
Воздвигавшие днесь обители.

Вот сошлись и держат совет,
Одного они роду-племени.
Разных душ во времени нет,
Самого нет на свете времени.

В небе белый ракетный след.
Рев турбин.
А внизу под высями
Льется добрый и чистый свет
Стен, расписанных Дионисием.

Ни ярыг архиерейских нет,
Ни царей, ни владык, ни иноков.
Мастера сошлись на совет
Дела верного и взаимного.

Отделяется свет от тьмы.
Это наше было и будет.
Словно реки, поля, холмы,
Это людям дарили люди.

Льется, льется листва берез
Бело-белых средь дымной сини.

Сколько глаз горит, сколько звезд.
Как похожи они в России!

Дионисий.
Ступаю ввысь
Вместе с теми,
Кто был и будет.
Освещает, как факел, кисть
Путь сквозь время идущим к людям.

1962

ПРИМЕЧАНИЯ. *Взыскующий града* — здесь: желающий приобщиться к вечным духовным ценностям. *Бородава* — река, вытекающая из Ферапонтовского озера и впадающая в Шексну. *Люди ахают — Куба!* — В начале 1960-х гг. Куба, свергнувшая диктаторский режим, не желавшая мириться с давлением США и установившая дружеские связи с СССР, воспринималась как «остров свободы». *Из межзвездного океана Человек на ракете выплыл, Но несут по землям и странам Не ракету — его улыбку.* — Речь идет о Ю. А. Гагарине, совершившем первый в истории человечества полет в космос (1961); улыбка стала неотъемлемой частью его образа, широко тиражированного во всем мире. *Чудь чудила и Меря* — переключка со стихотворением А. А. Блока «Русь моя, жизнь моя, вместе ль нам маяться?»: «Чудь начудила, да Меря намерила Гатей, дорог да столбов верстовых...» (Чудь и Меря — финно-угорские племена, жившие к востоку от Онежского озера и в Волго-Окском междуречье). *Скатный жемчуг* — крупный, ровный, круглый жемчуг. *Горкомхозовский* — принадлежащий городскому коммунальному хозяйству.

ПТИЦА СИРИН

На клочке пергаментных забот
Я прочел значки полуустава —
Птица Сири́н в уши там поет...
И тревожно мне донельзя стало.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Посреди гиперборейских вод
Скалы, как ножи, встают над ними.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
На пять тысяч верст зеленый лед,
Солнца шар над ним в шерсти и дыме.

Птица Сири́н в уши там поет
Голосом далеких и любимых...
Красный Марс во весь обзор встает
Со своими лунами пустыми.

Птица Сири́н в уши там поет...
Гаснет парус, замерзают ноги.
Дюзы разрывают звездолет —
Птица Сири́н встала на дороге.

1962

ПРИМЕЧАНИЯ. *Птица Сири́н* — полуженщина, полуптица, персонаж произведений древнерусской словесности. *Гиперборейские воды* — северные воды (в древнегреческих сказаниях гипербореи — народ, живущий далеко на севере и пребывающий в вечном блаженстве).

ПЕСНЯ О МАМОНТЕ

Вымирали мамонты на свете,
Рыжие, огромные, в шерсти,
И на всей земле, на всей планете
Было некому по ним грустить.

Их никто не ел, никто не трогал их,
Шерсть не стриг с них — зря она росла.
Бивнями тяжелыми дорога их
Сквозь века проложена была.

Были мамонты венцом творения,
Сущего в то время на земли,
Сильные и добрые, как гении,
Только выжить все же не смогли.

То ли изменились вдруг условия,
То ли жить мешала им среда,
Только стала им земля надгробием:
Горы, доли, небо и вода.

Наступило некое столетие —
Полегла царей природы рать.
Каково ж в нем одному, последнему,
Было жить? Не то что умирать!

Тучи шли косматые над чащами,
И, оставшись на земле один,
Их приняв за братьев уходящих,
Затрубил косматый исполин.

Над лесами древними, дремучими
Рокотала скорбная труба.
Тучам что! Они ведь были тучами,
Их не трогала его судьба.

Только эхо в дальних далях дрогнуло,
Из-под ног рванулся зверь в кусты,
Замерли цветы четверорогие,—
Огляделся мамонт с высоты.

Жизнь вокруг вершилась непонятная:
Волки, лисы, тигры, барсуки
Жаркими в лесах мелькали пятнами
И друг друга рвали на куски.

И тогда за тучами бегучими,
Бросив благодатные края,
Он пошел живой шерстнатой тучею,
Чтоб не видеть сущего зверья.

Он пошел от них в пустыню белую,
Как в изгнанье, за Полярный круг.
Ничего не прыгало, не бегало
И не мельтешило там вокруг.

Шел, питался вереском и ветками
И дошел до тех равнин вдали,
Только силы стали очень ветхими.
В сон клонило. Был здесь край земли.

Океан гремел пустыми волнами,
Солнца шар не мог подняться ввысь,
Падал снег, как белое безмолвие.
Уходила из-под сердца жизнь.

Лег он, к небу выставив точеные
Бивни, не бывавшие в бою...
...Через сто веков его ученые
Так и отыскиали в том краю.

Говорят, что, сытые и рослые,
Живы братья мамонтов — слоны.
Только мне бывает жалко до смерти
Мамонтов
Средь белой тишины...

1963

* * *

Та глина, из которой нас лепили,
Вся заскорузла. Времени ветра
Ее лупили и огнем палили.
На ней следы мороза и костра.

Но есть на ней не то что благодати —
Запечатленный до скончанья лет,
Как родинка, среди борозд и вмятин,—
На ней цветка неразличимый след.

1967

ПРИМЕЧАНИЕ. ...глина, из которой нас лепили — библейский образ (в Книге Бытия повествуется о том, как Бог вылепил первого человека из глины).

ПАМЯТИ ЭРНЕСТО ЧЕ ГЕВАРЫ

Че Гевара уходит в горы,
Возвращается в мир Гевара.
Так крестьянин бросает город —
Потянуло к пенатам старым.

Ничего не надо Геваре —
Ни портретов, ни кадиллака.
Он Гаване улыбку дарит
И уходит в свою атаку.

Десять раз его похоронят,
Десять раз его позабудут.
Будет взрывом он и погоней,
Только смерти его не будет.

Он ушел к рыбакам соленым
И к видавшим виды солдатам.
И сегодня среди девчонок
Он пирует запанибрата.

Во главе миллионных армий
Он поднимется только завтра.
Че Гевара ушел не даром
К тем, кто рубит тростник на сафре,

К тем, кто водит машины с ветром,
К острословам — лихим шоферам.

Где-то есть на земле бессмертье —
Че Гевара уходит в горы...

1968

ПРИМЕЧАНИЯ. *Че Гевара* — Эрнесто Гевара де ла Серна (1928–1967), латиноамериканский революционер; родился в Аргентине, с 1956 г. участвовал в Кубинской революции, после ее победы был президентом Национального банка Кубы; с 1966 г. руководил партизанским движением в Боливии; погиб в плену; на Кубе и в СССР его образу придавались черты пламенного борца за свободу. *Гавана* — столица Кубы.

ИСТОРИЯ

История. Скрипя пером гусиным,
Не небеса, так тишь благодаря,
Как лушь, над ней склонялся некий инок,
Ее в тиши кириллицей твоя.

Все будет так, как он ее напишет,
Деяния царя Руси всея,
А под полом скребутся где-то мыши,
Скорбит душа, хоть в пятках, да своя.

И может, только в строчке или в слове,
Средь подвигов, свершений и щедрот,
Она нальется в черных буквах кровью
И солью пота издали блеснет.

История. О давнем, незабвенном.
Трещит от споров некий храм наук.
Но вот она, как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг,

И ход времен движенье обретает
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.

* * *

*«Долго ли муки сея, протопоп, будет?»
— Марковна, до самыя до смерти! —
«...Ино еще побредем».*

Житие протопопа Аввакума

Ах, этот протопоп опальный,
Фанатик, еретик, крикун,
Известный на Руси скандально,—
Ну да, конечно, Аввакум!

Чего достиг он обличеньем
И потрясением основ,
Путем бессмысленных речений
При помощи никчемных слов?

И нищ и наг, гоним по свету,
Взывая к совести,— ну в ком
Он пробудил ее при этом
У тех, кто был его врагом?

И кто раскаивался в мерзкой
Лжи? Ну хотя б на краткий миг,
Когда он в яме в Пустозерске
Костями костил земных владык.

И нет иных, и те далече,
Но что бы стало, если б вдруг
Они его прониклись речью
И все покаялись вокруг?

Случись такое, словно в сказке,
В какой лишь правда и права,
Давно пропали б без огласки,
Как без нужды его слова.

А так из уст в уста и книги
Всё будут, ложь пока жива,
Грохочущие, как вериги,
Звучать скандальные слова.

И даже эти с тихой болью,
Но не сравнимые ни с чем:
— Терпеть мучения доколе?
— И — ино побредем еще...

1970

ПРИМЕЧАНИЯ. *Протопоп Аввакум* (Петров, 1621–1682) — публицист, писатель, один из идейных вдохновителей раскола, создатель выдающегося памятника древнерусской словесности «Житие протопопа Аввакума»; подвергался гонениям со стороны светских и церковных властей, был сожжен вместе с ближайшими сподвижниками. В качестве эпиграфа к стихотворению взят фрагмент из его «Жития...». *Марковна* — жена протопопа. *Пустозерск* — город у озера Пустое в низовьях Печоры, место ссылки и казни Аввакума. *И нет иных, и те далече* — измененная цитата из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» («Иных уж нет, а те далече...» — Глава восьмая, строфа LI).

НА СЕБЕРЕ

Какие ветры ходом здесь прошли,
Срывая кровли и круша каменья!..
Алели долго на груди земли
Одни остатки кладок, как раненья.

Леса редели. Заросли росли
Кустарника в полях — где ни попало.
Сыны взошли в иных краях, вдали,
Как семена, что ветром разметало.

А здесь — болото, глина да подзол,
Да лишь о предках праведная память.
Но рожь всходила, лен неспешно цвел,
И шли плоты по рекам с костерками.

Знать, не сорвало, вдаль не унесло
Того, кто в берег вросся, как ракета,
Кто оставался парусом, веслом,
Избой и пашней, песней позабытой,
Всем бурям и ветрам наперекор.

И вот, как будто не было и было, —
Звенит топор, пытит дымком мотор,
Смолою пахнут белые стропила.

Над крышами двадцатый век занес
Уже и здесь свои телеантенны.
А на лугах заречных сенокос,
И тишина вокруг благословенна.

Лениво над рекой звенит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака несет,
То вся светлея разом, то темнея.

В реку глядится с берега посад,
А на пригорке, темнолиц и светел,
Стоит мужик, сам черт ему не брат,
У ног его улегся в травы ветер.

1971

СТАРАЯ ФРЕСКА

Повстречались мы на заре
Белой ночью в веке двадцатом.
На кольчужном их серебре
След зари блестел розоватый.

Копья, словно солнца лучи,
Были в их ладонях зажаты,
А у бедер остры мечи
И щиты у плечей покатых.

Лица юны, добры, строги,
И ни злобы в них, ни печали,
Будто их на пути враги
Смертью лютою не встречали.

Будто виделся им другой
Мир прекрасный в подлунном лоне.
Белой радугою-дугой
Тонконогие гнулись кони.

Перезванивали стремяна,
Пела в облаке птаха где-то,
И ни дали, ни времена
Были здесь ни при чем при этом.

Молвь людская и конский дых
Плыли в белом льняном просторе...
И застыл я, смирен и тих,
На вечерней заре в притворе.

И стоял я, видя не храм,—
Где-то лес палило пожаром,
Города по крутым холмам
Купола вздымали к стожарам.

Сосны в кронах качали дожди,
Солнце в синих катилось высях.
Голос был мне. Он звал: входи,
Это я зову, Дионисий.

1971

ПРИМЕЧАНИЯ. *Стожары* — народное название созвездий Плеяды и Большая Медведица. *Дионисий* — см. примечания к одноименному стихотворению.

БЕЛОЗЕРСК

*В июне 1972 года праздновали
1110 лет Белозерску*

С размаху ахал барабан,
Труба пронзительно дудела.
У городка была судьба,
И в ней, как видно, было дело.

Судьба.
Одиннадцать веков,
Считай не сосчитаешь годы,
Как цокот воинских подков,
И скрип телег неблагогородный.

На свете не было Москвы
С ее державными делами,
А он уже «ходил на вы»,
Светил по свету куполами.

С его районной тишиной
Никто не станет нынче спорить,
Но, деревянный и льняной,
Он помнит тысячу историй.

Поет оркестр, кумач зовет,—
Как видно, не отшибло память.
Неунывающий народ
Идет, как в сказке, сам с усами.

Букеты синих васильков
Цветут на площади, как в поле.

Глядят одиннадцать веков
Вниз с уцелевших колоколен

На огородах сизый дым,
На город в крапинках ремонта
И щит серебряный над ним —
На озеро до горизонта.

1971

ПРИМЕЧАНИЯ. *Белозерск* — самый древний город не только Вологодской земли, но и всего Русского Севера; впервые упоминается в летописи под 862 г.; его местоположение на берегу Белого озера несколько раз менялось. ...«*ходил на вы*» — воевал; по свидетельству летописцев, киевский князь Святослав Игоревич (X в.), начиная войну, посылал к врагу гонцов с вызовом: «Иду на вы» («Иду на вас»). ...*кумач зовет* — в годы советской власти неизменным атрибутом официальных торжеств были алые флаги и лозунги, написанные на кумачовой (ярко-красного цвета) ткани.

Конь мой гривой мотает рыжей,
Прыщут тучей на солнце стрелы.
Кычут коршуны, кружит крыжень,
А какое до них нам дело!

Как орда Мамаю качнется,
Как мы ляжем костями на поле,—
Так Россия с нас и начнется
И вовек не кончится боле.

1971

ПРИМЕЧАНИЯ. О Куликовской битве, описываемой поэтом, см. в примечаниях к стихотворениям «Ночь бела. Закат идет в рассвет» и «Вновь над курганом Синеуса...». «Сказание о Мамаевом побоище» — памятник древнерусской литературы первой четверти XV в. ...*Нету только еще России* — поэт имеет в виду мощную державу, объединенную общенациональными интересами; слово «Россия» стало употребляться как название страны и государства с конца XV в. ...*лучше быть убиту* — цитата из «Слова о полку Игореве» («И сказал Игорь-князь дружине своей: “О дружина моя и братья! Лучше ведь убитым быть, чем плененным быть...”»). *Прыщут тучей на солнце стрелы* — реминисценция из «Слова о полку Игореве» («Ярый тур Всеволод! Стоишь ты в самом бою, прыщешь на воинов стрелами...»).

НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вы верите в зеленые дворы?

Сергей Наровчатов

Я по мосткам скрипучим по дощатым
Прошел на лаву и через канал
На озеро, — там, где песок крупчатый
Когда-то белым пламенем пылал.

Там нынче валунов гряда лежала
И с озером мешались облака.
Шагнешь и в небо упадешь, пожалуй,
И камнем канешь в нем наверняка.

По горизонту весь в огнях, как город,
К причалу приближался теплоход,
А рядом двое с тихим разговором,
Девичьи руки белые на взлет.

В камнях сплетались медленные струи,
Звоня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Я слышал, в даях звякали подковы
И воинская плакала труба.
«Да где же это поле Куликово?» —
Звала тревожно девичья мольба.

Ответный голос плыл по глади водной.
Звучал вблизи, уже во мне почти:

«Да что ты, это конных переходов
Считай не больше двадцати пяти».

Сошлись в ночи и годы и разлуки,
Я их не звал, а я их просто знал,
И я был юн и над плечами руки
На берегу в предгрозые разнимал.

И сразу «мессера» над головою,
Трещал прошитый пулями большак,
Гудериана танки под Москвою,
Ростов оставлен, к Волге рвется враг.

Шли эшелоны в зареве багровом.
И где сходились небо и вода:
«Да где же это поле Куликово?» —
Звучало вновь, как в древние года.

И снова две зари передо мною,
Как жизнь назад, над озером горят,
Но уж не мы, а эти юных двое
Сейчас прощанье наше повторят.

Огни причала и огни простора
Сближала даль, как две цепочки звезд.
Сном праведника спал в березах город,
А мне в тревоге смутной не спалось.

В камнях сплетались медленные струи,
Звеня копилась в капельки роса,
Рождались тени, длились поцелуи,
Мерещились слова и голоса.

Казалось, вдруг сейчас раздастся снова,
 Плеснет через разлуки и года:
 «Да где же это поле Куликово?» —
 Там, где сошлись и небо и вода.

1971

ПРИМЕЧАНИЯ. Эпиграф — из стихотворения «Зеленые двory» (1966) поэта-фронтовика С. С. Наровчатова (1919—1981). «Мессера» — «мессершмитты», немецкие истребители. *Гудериана танки* — танковая армия немецкого генерала Х. В. Гудериана.

Высылает Америка против Америки танки.
Не какие-то там мировые глобальные
страсти,
Непонятные людям, бушуют по свету —
Слезы, боль и надежды на хлеб и на
счастье,
Как всегда, сотрясают планету.

1970-е гг.

ПРИМЕЧАНИЯ. ...державу в ее апогее богатства и власти Вдруг потрянули в течение ночи Гарлема — расовые волнения в США, начавшиеся 18 июля 1964 г. с Гарлема, негритянского квартала Нью-Йорка. «Роллс-ройс» — марка престижного автомобиля, выпускаемого в Англии. ...бомбовозы, летящие джунгли бомбить — имеется в виду война, которую вели США против Демократической республики Вьетнам в 1964–1973 гг.; бомбардировки территории Вьетнама начались 5 августа 1964 г.

* * *

Европа покрылась жирком,
Полночные бары хохочут.
И опыт летит кувырком,
Чтоб не был помянутым к ночи.

Вновь за полночь где-то штабист
На карте кроит континенты.
История помнит моменты,
И время орет: оглянись!

Дешевле ситро динамит,
А хлеб все дороже, дороже.
От пагод и до пирамид
Мороз пробегает по коже.

И снова всплывает строка
Забытого всеми пророка,
Что запад есть запад, пока
Восток пребывает востоком.

1972

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*запад есть запад, пока Восток пребывает востоком.*— Отсылка к «Балладе о Востоке и Западе» английского поэта Р. Киплинга («О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд».— 1889).

ИКАР И ДЕДАЛ

Это было, считают,
Еще до Христова рождения даже.
С ног сшибая щитами,
Пробилась к упавшему стража.

Там, где люди в карьерах
Валились и мерли, как падаль,
Где никто еще с верой
В свободу не падал.

Распластались рабы на камнях
Со страху сначала,
Когда в небе весеннем
Икар появился с Дедалом.

Молодой появился Икар
И крылатый,
Солнца бронзовый шар
Головой закрывая кудлатой.

Всем лежащим у скал,
Как сардины на блюде,
Сверху он прокричал;
— Встаньте, люди!

Но крыло подвернулось
Под солнечным бризом,
Но земля покачнулась
И ринулась снизу.

Кровь смешалась с песком,
Закружились какие-то перья.
Он был всем им знаком,
Каждый в крылья поверил.

Не египетский бог возле скал
На земле распроклятой, —
Раб, фракиец, Икар
Умирал человеком крылатым.

Мысль пронзила навек
Даже ту оробевшую стражу.
— Сможет все человек,
Став крылатым однажды!..

А Дедал?
Что Дедал?
Улетел. О Дедале забыли:
Ведь никто не видал,
Да, никто не видал
Его крылья...

1972

ПРИМЕЧАНИЯ. *Икар и Дедал* — персонажи греческого мифа, согласно которому искусный мастер Дедал научил летать на сделанных им крыльях своего сына Икара; неосторожный юноша поднялся слишком близко к солнцу, воск, скреплявший перья, растаял, и Икар упал в море. *Фракиец* — выходец из Фракии, области на востоке Балканского полуострова.

* * *

Замечаю, происходит что-то:
Облик изменили облака,
Птицы задержались с перелетом,
Вскрылась ото льда зимой река.

Где-то, говорят, летит комета,
За Полярным кругом, говорят,
Необыкновенно жарко летом,
А на юге хлещет снегопад.

Не вступаю в споры, разговоры,
С тишиной как с азбукой друга.
Стал невыносимо дешев порох,
А насущный хлеб подорожал.

1974

НА ШЕКСНЕ

Ю. Бондареву

Взъерошенная синяя река
Открылась вдруг с железного парома
Простором, уплывающим в века,
А не в леса за кромку окоема.

Даль не сводила вместе берега
И даже не сближала перспективой,
И, словно бы гигантская дуга,
Река в нее входила всем разливом.

И горожанам, повидавшим свет,
Давно решившим, что он мал и тесен,
Почудилось, что края свету нет
И не бывать, да он и неизвестен.

В просторе синем белый пароход
Как будто парус засверкал, и сразу
Подумалось, что с вольницей плывет,
Не ровен час, навстречу Стенька Разин.

И, даже след дюралевой стрелы
Был в грозном небе след не самолета,
А след стрелы, запущенной из мглы,
Перуна в небе росчерк беззаботный.

1975

просят огня», «Последние залпы», романов «Тишина», «Берег», «Выбор» и др. произведений. *Стенька Разин* — народное именование Степана Тимофеевича Разина (ок. 1630—1671), атамана донских казаков, предводителя антиправительственного восстания 1670 г. *Перун* — верховное божество древних славян, покровитель князя и его дружины, бог грозы.

КИРИКИ УЛИТЫ

Леониду Буркову

Церковь Кирики Улиты,
Рыжий красный березняк
Почему-то не забыты,
Не забудутся никак.

Вспоминаются нежданно
Без причины и тоски
Небеса, в лесу поляны,
Под ногами рыжики.

А от церкви следу нету,
Только этот березняк
Льется, льется белым светом,
Продувает, как сквозняк.

Церковь Кирики Улиты
Вся рассыпана давно,
И ищи ты, не ищи ты —
Не отыщешь... Все равно.

Почему-то не забыты
И звучат, плывут слова...
Церковь Кирики Улиты,
Словно в небе острова.

1976

политического училища, после войны работал в вологодских газетах. *Церковь Кирики Улиты* — точнее, церковь мучеников Кирика и Иулиты в лесном массиве на берегу реки Шограш близ Вологды; в 1917 г. в ней венчались Сергей Есенин и Зинаида Райх.

СЕМЬ ДНЕЙ ТВОРЕНЬЯ

(Из поэмы)

День первый

Улетали с Марса марсиане
В мир иной, куда глаза глядят.
И не в сказке, не в иносказаньи —
Двести миллионов лет назад.

Гасло солнце в далях безответных.
Гасло солнце! Что еще искать?
Умирала ржавая планета —
Родина, всего живого мать.

Вымерзли моря, уплыли реки,
Опустели в недрах города.
Меркли светы, день умолк навеки,
Час настал последнего суда.

Был исчислен, взвешен и измерен
Красный Марс и вычерпан до дна.
Найден был для жизни новый берег,
Но дорога до него темна.

Тыщу лет катились вспышки света
Через космос, в сторону Земли.
На нее, на синюю планету,
Молча улетали корабли.

Там с небес, как реки, ливни били.
Лес вставал до солнечных высот.

Тяжесть разрывала сухожилья.
Кровь сушил под кожей кислород.

Грозный мир был бесконечно юный,
Все готовый сизнова начать.
Разбивались корабли о луны,
Сорвана была с Земли печать.

Те, кто послабее, оставались
Умирать с самой судьбой в ладу.
Те, кто улетали, не сдавались,
Веруя в свирепую звезду!..

До сих пор хранит следы посадок
Марсианских кораблей Луна:
Кратеры и белой пыли гряды,
Как лучи на лунных валунах.

До сих пор на марсианских лунах
Красные ржавеют стапеля
На камнях оплавленных, чугунных —
Память о гигантских кораблях.

День второй

Мир был синий, золотой, зеленый,
У лесов, болот, озер и скал,
Он рычал, ворочался и стоны
Лютого восторга испускал.

На столбах воды и ливнях света
Ходуном ходили гребни гор,
Были ослепительны рассветы,
Оглушителен земли простор.

Ящеры пикировали в тучах,
В небесах кишмя кишела жизнь,
Молнии ломались в белых кручах
И огнем с холмов стекали вниз.

На глазах росли леса, как травы,
Ярусами плыли небеса,
И плескались огненные лавы,
В сопках гор гремели голоса.

По ночам из голубого мрака
Поднималась желтая луна...

1977

ПРИМЕЧАНИЕ. По содержанию поэма связана со стихотворением «Мне кажется, что это было так...»; в основу обоих произведений положена гипотеза об инопланетном происхождении земной цивилизации. Название поэмы образно перекликается с библейским мифом о создании Богом мира и человека (Бытие, гл. 1).

Петр Ойфа

БЕЛОЗЕРСК

Сергею Орлову

*На Белом озере туман,
и все так зыбко, так непрочо,
как этот матовый молочный
на Белом озере туман.*

*Там деревянный городок,
где храмы каменные встали.
Особой светлостью хрустален
тот стародавний городок.*

*Он долгой дамбой огражден,
от волн озерных обособясь.
От княжеских междоусобиц
он дамбой века огражден.*

*На Белом озере туман.
Рыбачий бот идет с радаром.
А было: парус падал старый
на Белом озере в туман.*

*Я невзначай зашел сюда,
вот так порой велят года нам,
и этот край стал столь желанным —
вновь невзначай зайду сюда.*

*Чтоб в сумрак неба и воды —
мне с палубы под гул машинный*

*открылся городок старинный
сквозь сумрак неба и воды.*

*На Белом озере туман,
но Русь шумит волной проточной.
И вдруг рассеялся непрочный
на Белом озере туман.*

1967

Свет
простых чудес

ТЫКВА

В жару растенья никнут,
Бегут от солнца в тень.
Одна лишь чушка-тыква
На солнце целый день.

Лежит рядочком с брюквой,
И кажется, вот-вот
От счастья громко хрюкнет
И хвостиком махнет.

1938

В ОГОРОДЕ

Топорщит перья сизый лук
На грядке в огороде.
Стою с ведром, смотрю вокруг,
Как зелень дружно всходит.

Вдали, поднявшись словно флаг
Над боевым парадом,
Пылает ярко-красный мак
С горошком светлым рядом.

Горошек закрутил усы,
Он выглядит гусаром.
Напившись допьяна росы,
Стоит вояка старый.

Все тянет к солнцу стебелек,
Цепляется за прутик...
Капуста смотрит и в клубок
Листочки в смехе крутит.

Но смех заметен не для всех,
Беззвучен он, как вечер.
Она рассыплет хрусткий смех
Лишь осенью под сечкой.

* * *

Он шел по дороге в большое село,
Прохладный, прозрачный, веселый, зеленый.
И люди ему улыбались светло,
Встречая приветливо с низким поклоном.

Навстречу ему выносили цветы —
Герани и розы на тоненьких ножках.
Он шел по хлебам шелковистым густым,
Обрызгав до пят опаленные рощи.

Все ждали... И он не прошел стороной, —
Он хлынул на жадную землю со звоном.
И люди кричали: — Какой он грибной! —
И капли со смехом ловили в ладони.

1939

НОЧЬ

Давным-давно огни погасли в хатах,
А коростель скрипит, во ржи скрипит.
Над полем месяц тонкий и горбатый,
Как будто серп, на гвоздике висит.

Хлеб жала девка. Тяжко пояснице.
Окутал землю вечер полутьмой.
Серп на звезду ближайшую, как спицу,
Повесила и спать ушла домой.

1940

ВОДОЛАЗ

В голубоватой мгле реки,
Как дождь серебряный, мальки.

И длинных водорослей лес
Качается у самых глаз.
Реки сверкающий разрез
Увидел водолаз.

По дну, как будто водяной,
Идет он на задание
И раздвигает лес рукой
С особенным вниманием.

Над медной головой река
В голубоватых бугорках.
Идет он, наклонясь слегка,
В пудовых башмаках.

На это желтое плато
Ни разу не ступал никто.
Как на иной планете,
Идет он лесом этим.

Покой, ничем не нарушим,
Здесь пребывал от века.
В коронах золотых ерши
Глядят на человека.

Из-под коряги смотрит сом,
Свернувшись серым колесом.
И золотыми плахами
Лещи сверкают бляхами.

1940

НА РЕКЕ

Высокий берег прям и крут,
Ивняк сползает вниз по склону...
С утра малиновки поют
Над миром, синим и зеленым.

Кувшинки, как следы зверей
Никем не виданной породы,
Они, должно быть, на заре
Проществовали здесь по водам.

Тресты упругие ножи...
От радости, не зная страха,
Как очумелые, стрижи
Бросаются в реку с размаха.

А там, в прозрачной глубине,
Сиги проходят голубые,
Ерши с короной на спине,
Лещи, как плахи золотые...

И, все венчая, над рекой,
Как памятник, как некий бонза,
Рыбак уселся молодой,
По пояс отлитый из бронзы.

Ему подвластно все вокруг,
Он глубь реки лесой измерил,
Проверил тишину на звук,
И он в свою удачу верит.

* * *

Тополь встанет молодой,
Рожь взойдет над головой,
Журавли перо обронят,
Вдаль летя своей тропой.

Будут лить дожди косые,
Будут петь снега...
Будет жить твоя Россия
Всем назло врагам.

Вырастут на свете люди,
Что еще не родились.
Смерти никогда не будет —
Будет жизни!

1943

* * *

Где ядра раскаленных помидоров
С мохнатых стеблей шлепаются наземь,
Стучал кузнечик маленьким мотором,
Как робот, голенаст и несуразен.

Шли муравьи, закованные в латы,
Тяжелыми клешнями угрожая,
Как войска неизвестного солдаты,
Мне в руку шпаги яростно вонзая.

Рогатый, как олень, с какой-то целью
Упрямый жук ворочал комья глины,
И пыль на металлическую спину
Ему ложилась.
На зубах хрустели

Песчинки, как булыжник. Жизнь кипела.
Точили листья гусеницы. Травы,
Топча друг друга, пробивались к небу —
Жить непременно все имели право.

Качалась на цветке и руки мыла
Оса, в трико с полосками одета.
А я, как бы на мир иной планеты,
Глядел на все и заслонял светило.

1945

ПРИМЕЧАНИЕ. По характеру образности стихотворение близко к поэме Н. А. Заболоцкого «Людейников» (1932–1947).

ЗАКАТ

Мир был оранжев, синь и розов
За гранью видимой черты.
Он был поэзией — над прозой —
Необычайной красоты.

Шли облака, как волны газа,
Червонный оставляя след,
И вдруг над горизонтом разом
Зари опальный вспыхнул свет.

Как будто покачнувшись странно,
Свод раскололся золотой,
Открылась некая поляна,
Сияя неземной травой.

Она неистово манила,
Восторгом душу цепеня.
В каких лугах, какая сила
Взрастила эти зеленыя?

Они цвели одно мгновенье,
Позолотившись по краям,
Но красок новое смещение
Все разрубило пополам.

Как будто кто-то электродом
Провел по щели сгоряча,
Сварив края литого свода
Огнем последнего луча.

И фиолетового дымкой
Расплавленный прогнулся свод,
И, подобравшись невидимкой,
Ночь из-за дальних туч идет.

И купол неба остывает,
Сияя в даль и глубину,
И вот уж искры звезд взлетают,
Потрескивая, в вышину.

1945

* * *

Облако за месяц зацепилось,
За рекой кричали поезда.
Ничего такого не случилось,
Только грусть пропала без следа.

Просто захотелось оглянуться,
Постоять у моста, у воды,
До́ неба тростинкой дотянуться,
Прикурить сигарку от звезды.

Услыхать травы произрастанье,
Трепет заполуночных планет
И еще того, чему названья
В нашем языке, пожалуй, нет...

1945

ЖИВАЯ ВОДА

Шел солдат из похода. Жара плыла.
Гимнастерка белым-бела.

Но взлетело на гору шоссе, как струна,
И открылась ему Шексна.

Сто нерусских — зеленых и синих — рек
Пересек для нее человек.

Он с горы сбежал и забрел в реку,
Будто десять лет пареньку.

Снял пилотку, умылся речной водой —
Был седой, а стал молодой.

И легко пошел и решил тогда:
Есть на свете живая вода!

1946

БАКЕНЩИК

Река разлившаяся, быстрая
В туманах по ночам плывет.
Но бакен вдруг горячей искрою
Из тьмы приветливо мигнет.

И пароход идет уверенно
От огонька на огонек
Фарватером реки проверенным,
И пусть туманный путь далек;

Пусть мели есть в реке опасные,—
Доставить нужно грузы в срок...
Горит, горит косынкой красною
Во тьме далекий огонек.

А бакенщик, сев в лодку древнюю,
Огни вывозит каждый раз,
Когда закаты за деревьями
Здесь догорают в поздний час.

Живет на берегу он издавна,
И в дождь и в бурю, вопреки
Стихиям всем, на совесть призванный
Следить за вехами реки.

И рулевые в ночь туманную
Добром вспомнят каждый раз
Его, когда огни багряные
Вдали увидят в поздний час.

А он, совсем о том не ведая,
Наверно, чинит фонари,
Вставляя сам в оправы медные
Кусочки алые зари.

1946

* * *

На рассвете холодок от плит
Каменных. Пустынные кварталы.
Город, окна занавесив, спит,
Натянув по плечи одеяла.

Спать на подоконниках цветам,
Сторожа в тулупах не проснуться,
На каналах выгнутым мостам
Хочется калачиком свернуться.

Тишина стоит на площадях.
Кажется, что в ней услышать можно,
Как под самым Тихвином в лугах
Кони щиплют травы осторожно.

1947

ПРИМЕЧАНИЯ. В стихотворении отображены ленинградские впечатления.

* * *

Над городом синие тени,
Закат отгорел и погас,
И света и тени смешенье —
Какой-то особенный час.

Какой-то торжественный сумрак,
Какая-то на сердце грусть,
О светлом, несбывшемся думы,
Знакомые мне наизусть.

1947

* * *

Самое тихое время суток...
Кажется, в мире даже дорог нет.
Воздух, как спящий ребенок, чуток,—
Ладонью ударь, и он сразу вздрогнет.

Дальнее эхо пойдет по плесу,
На лес, на дома, на холмы натыкаясь.
Вскрикнет спросонок в кустах и подбросит
Уши, как столбики света, заяц.

Где-то дергач приоткроет дверцу,
Петли немазанные тревожа
В тереме травяном,
И сердцу
Нет ничего-ничего на земле дорожке.

1948

В ТЕПЛИЦЕ

На улице снежная вьюга метет,
А в двери войдешь ты с мороза —
И августом жарким навстречу пахнет
В тепличном хозяйстве колхоза.

В зеленое пламя ботвы помидор
Тебя поведет от порога
Прямой, убегающий вдаль коридор,
Как будто бы в поле дорога.

Здесь, словно подсолнухи, лампы стоят
Под небом стеклянным рядами.
Краснеет редиска, клубится салат,
Соседствуя с огурцами.

И капли воды на крупинки росы
На листьях мохнатых похожи.
Озябли слегка пузаны-огурцы —
В пупырышках нежная кожа.

Забудешь, что стекла от снега белы...
Горят огоньки желтоцвета.
И лишь не хватает гуденья пчелы
В теплице для полного лета.

Да пения иволги над головой,
Когда от клубники багряной
Пахнёт на тебя сенокосной порой,
Лесной земляничной поляной.

* * *

В грохоте ветров нельзя молчать.
Пусть не обессудят нас потомки —
Чтоб самим грозу перекричать,
Научились мы словам не громким.

«Мама», «хлеб», «любимая» и «дом» —
Разве их не будет в жизни вашей,
В той, в которой вновь мы оживем,
В громе слов, речей, фанфар и маршей?

В медсанбатах черных на снегу
Те слова шептали, умирая.
На глухом, последнем берегу
Говорили: «Мама», «Хлеб», «Родная».

1949

ЖЕРЕБЕНОК

В день ярмарочный на площади
Отстал стригунок от лошади.
Его напугала сутолока
Людей, машин и телег.
Он в страхе на все натывается,
Копытца врозь разъезжаются...
Наверное, кажется глупому:
Останется здесь навек.

Среди помидор раскаленных,
Лука клинков зеленых,
Среди поросячьего визга,
Летящего из корзин,
Среди пиджаков, да жакеток,
Да разных сокровищ лета
Ему не найти дорогу,—
Куда побежишь один?

Но тут, раздвигая в стороны
Всю ярмарку разом, поровну,
Бензином и полем пахнувший,
Пофыркивая, напрямик,
Обрызганный, пропыленный,
На шинах с травой зеленой,
Через базарную площадь
Двинулся грузовик.

И, видно, уж так случается:
Стоит народ, улыбается,
Идет грузовик, покачиваясь,

А за грузовиком
Бежит жеребенок площадью,
Бежит, как будто за лошадю,
Копытца легко подбрасывая,
Помахивая хвостом.

1949

МАРЬЯ ГАВРИЛОВНА

У Марьи Гавриловны много хлопот:
Днем никогда она не присядет,
Ночью в любое время встает,
Встречает гостей, достает тетради.

Неловко рукой карандаш берет:
— Фамилия?.. Имя?.. Отчество?..—
И на свободную койку ведет,—
Спать ведь сердечному хочется.

— Тут и ложись, до утра поспи,—
Шепотом льется речь ее.—
Хозяин койки где-то в степи,
А утро мудренее вечера.

Ветром дыхания ночь полна,
Душная, напряженная...
Льется из окон на лица луна,
Сном до утра смягченные.

Спят инженеры, и техники спят —
Гостиницы маленькой жители.
Посмотрит, как на своих ребят,
Гавриловна на строителей.

Крайний наказывал в пять поднять,—
Надо чайку вскипятить заранее.
Плохо стал экскаватор шагать,
Мается парень с шаганием.

Покоя не знает даже во сне,
На узкой койке ворочаясь.
А ходики тихие на стене
Ночь прошивают строчкою.

Одежду упавшую подобрав,
Уложит, чтобы не морщилась,
Мария Гавриловна — зам и зав,
Директор она и уборщица.

Кто как зовет. А только ее
Мамою звать бы надо:
Помоет полы, постирает белье,
Везде наведет порядок.

Не перечислишь даже всего,
Что она за день делает.
И, словно не делала ничего,
В беседе общей — несмелая.

Такое уж свойство русской души...
Скажешь: — Да как вы одна с заботами?
— Чего уж заботы мои, не смеси,
Вот уж ребята — работают.

Будто чем виновата сама,
Что гор она не ворочает,
Не строит плотин, не возводит дома,
Лишь по хозяйству хлопочет.

А парни приходят, от пыли седы,
Спецовку долой и ботинки...
От ведер колодезной злой воды
Гремит умывальник цинковый.

Солнцем и степью веет от спин,
Глядит она, горькой любви не тая...
Был до войны у Гавриловны сын,
А теперь — только все сыновья.

1951

ПРИМЕЧАНИЕ. *Плохо стал экскаватор шагать* —
речь идет об экскаваторе на шагающем ходу.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ

Дождь прошел, и сторона лесная
Расступилась, и во всей красе
Встала в небе радуга цветная,
Как ворота на конце шоссе.

В створе расступившегося бора
За воротами — сады, дома,
Белый, красный, золотистый город,
Неба, солнца, красок кутерьма.

Будто зачарованный картиной,
Восхищенных глаз не отводя,
Смотрит пассажир автомашины
Сквозь стекло с веснушками дождя.

Кажется: пока что не открыта,
Там, за радугой лежит она —
Солнцем залита, дождем промыта —
Необыкновенная страна.

1952

* * *

Час назад сказал как можно строже:
«Спать пора!» Ссылался на часы.
Общими усилиями уложен,
Тихо спит под одеялом сын.

Брошенные возле печки в ящик
Слон с медведем, тишину храня,
Глазки неподвижные таращат,
Глядя удивленно на меня.

Да и как же им глядеть иначе:
Я ведь их — царей лесов больших —
Превратил в недышащих, незрячих,
Маленьких, тряпичных, неживых.

Сын для них привольные кочевья,
Реки и долины создавал;
Слон трубил, медведь ломал деревья,
Теплый ветер морды им ласкал.

Я разрушил этот мир руками,
Но ничто зверюшек не страшит:
Встанет их волшебник с петухами
И немедля словом воскресит.

1954

ДВЕ ДАЛИ

Даль одна, ближайшая, темна,
А за ней — прозрачная от света,
Золотой жары полным-полна...
Так бывает в середине лета.

Здесь вот-вот на тихие луга
Хлынет дождь и гром ударит зычно.
Там сгребают сено, мнут стога,
Медом зной стекает с плеч кирпичных.

Пятнами цветными на песке
Брошены у речки сарафаны.
Девушки купаются в реке.
Дали две — различные, как страны.

И кукушка там и тут слышна,
Счет ведет и радостям, и бедам,
Но звучит по-разному она,
Эта леса синего беседа.

Тем девчонкам под ноги летят
Без подсчета годы, как полтины...
Пропустить боясь, сижую, объят,
Словно грустью, песней кукушиной.

Прозвучит короткое «ку-ку»,
Жду, когда еще одно обронит,
Как колечко с камешком в реку,
Или замолчит и похоронит.

А девчонкам просто наплевать,
Распустили косы, ноги босы,
Сколько жить — считать не сосчитать,
Мять траву без спросу на покосах.

Солнышко у них над головой.
Отдаются небу, ветру, водам...
Тень и свет, прохладный день и зной
Под одним бескрайним небосводом.

1958

У КОСТРА

В глуши таежной на сплавной реке,
Воткнув багры, как будто копыя, в боны,
Как в песне, на песчаном берегу
Стоят, сидят и курят плотогоны.

Одним бы надо за пять верст в деревню,
Другим в барак бы рядом до утра,
Но вот они, большие, как деревья,
Сошлись у одинокого костра.

Уха в котле старательно клокочет,
И, руки на колени положив,
Перед явлением необъятной ночи
Они примолкли, обо всем забыв.

Как трещинка в стекле, как паутинка,
Звенит комар, а может, кровь звенит,
Неслышно закрываются кувшинки,
И льются струи на реку раки.

Омытые закатом, за лесами,
Как белый город, встали облака,
И между смоляными берегами
Недвижна света полная река.

Тяжелые, сколоченные грубо,
Из рук не выпускавшие багра,
С реки не уходили лесорубы,
Бывало, от утра и до утра.

Не уходили и не замечали,
Среди какой красы они живут:
В безлунном блеске белой ночи дали —
Леса и взгорья, сказка наяву.

А тут костер, свободная минута,
Сверкнула в небе золотом стреха.
Стоят и не уходят почему-то,
И выкипает на костре уха.

Стоят, как будто в храме, лесорубы,
И тень улыбки бродит по губам,
И, словно в детстве, вздрагивают губы,
Как будто что-то шепчут по складам.

1958

СВЕЖИЙ ХЛЕБ

Рукав просторный засучив по локоть,
Сжимая пальцы в узел кулака,
Его валяют на столе широком
И бьют его с размаху под бока.

Нет, это не обычная работа,—
Священнодействием пахнет на столе;
Встречаются здесь грохот обмолота
С порой весенней сева на земле.

Полет ладоней яростен и нежен,
Все праздничней крутая пляска рук.
Валяют хлеб на кухне первый, свежий,
Труда и счастья замыкая круг.

Дожди и ветры пролились на камень,
Гром прогремел заслонкой, день окреп.
Веснушчат, рыж и кругл, как солнца пламень,
На кирпичах благоухает хлеб.

О нем звенит считалка, пляшут дети,
Газеты пишут, и в штормах судеб
Есть мера высших ценностей на свете —
Любовь как хлеб и дружба словно хлеб.

А в кухне окна настезь, пахнет мятой,
Горячей глиной, молоком парным,
Хрустящей коркой, дымом горьковатым
И полевым простором распашным.

На полотенцах петухи горласты,
Белы полы, как на реке песок,
И все предметы к торжеству причастны,
А день просторен, светел и высок.

1958

ПРИМЕЧАНИЕ. ...о нем звенит считалка — имеется, вероятно, в виду следующая считалка: «Катилася торба С великого горба. В этой торбе Хлеб, рожь, овес, пшеница. С кем ты хочешь поделиться? Говори поскорей, Не задерживай добрых людей!»

КРУЖКА МОЛОКА

Гончар на круге деревянном
И отдал взмах руки своей,
А после печи цвет каляный,
Пожар малиновых углей.

Огня, воды и глины дружба
Састыла каменным цветком.
Ах, эта глиняная кружка
С парным душистым молоком!

Сухим, ромашкового цвета,
Белей любых берез в селе,
Дар утренней зари и лета
На белом скобленном столе.

Под ручку пальцы вдеты снова,
В ладони кружка улеглась.
Слоток — как вдох в бору сосновом,
И вот уж утвердилась связь

жарой, где воздух сенокоса,
Звеня, пронзают овода,
Большим зеленым лугом росным,
Где речка стынет, как слюда;

Где женщина по рани первой,
По знобкой рани босиком,
Еще не выспавшись, наверно,
Уже прошла, звеня ведром.

Ах, эти глиняные кружки
 С парным душистым молоком!
 Как их берут поутру дружно
 Детишки, вставшие кружком,—

Белоголовы, синеглазы,
 В рубашках, стиранных сто раз,
 Двумя ладошками, как вазы
 Берут хрустальные у нас.

Блестят от соли скипы хлеба,
 Сопенье слышится одно,
 И не глаза глядят, а небо
 Глядит на глиняное дно.

1958

ЩИ

Из лавки овощной доставленный,
Кочан капусты — это сгусток
Поэзии, но не прославленной,
Поскольку он — кочан капусты.

Кочан капусты — это золото
Дождей, качающихся, грузных,
И жарких дней, на солнце колотых,
В клубок закрученное с хрустом.

В нем пенье птиц, ветров смятение,
Прохлада тени, запах мяты,
И первое тепло весеннее,
И звон отточенной лопаты;

И холодок росинки маковой,
Алмазной, гордой и прозрачной,
На листике рассады лаковым
Оброненной зарей кумачной.

Поэзия опубликована,
Все начинается как вызов,
Сталь синяя секиры кованой
И плаха, струганная снизу.

Река в кастрюле медной взорвана,
Топочет пенными кругами,
Шипит плиты планета черная
И брызжет синими цветами.

О, георгины кухни газовой,
Железные цветы горелок!
Кочан капусты волей, разумом,
В своей работе наторелым,

Разделан на лапшу и звездами
Колючей соли пересыпан,
А вот уже и лавры возданы
И перцем сдобрены до всхлипа.

И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются могучие.
Над ними небеса и ветры.

Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия.
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!

1958

МЫТЬЕ ПОЛОВ

Как моются полы до белого каленья? —
Перегибая сильные тела,
Подолы подоткнув и обнажив колени,
Хозяйки моют пол в субботу добела.

Грохочут чугуны, гоняют тряпки воду,
Тяжелым косарем раздроблена дресва,
Со щелоком парным и грацией свободы
На праздник утверждаются права.

С угла и до угла летает поначалу
Березовый голик, раздавленный ногой,
Обсыпанный дресвой, пока молчат
мочала, —
Всему черед и честь, как в каждой
мастерской.

Здесь чистоту творят, а не полы здесь
моют,
Ладони горячи и рук полет широк.
И лифчики трещат. Здесь дело
не простое,
Здесь каждый бы из нас за две минуты
взмок.

А им хотя бы что! Они как будто рады,
Лукавы их глаза, и плеч изгиб ленив...
Я тоже мыл полы в казарме по наряду,
Но не был весел я, тем более — красив.

А во дворе горят половиков полотна,
 Как радуги на кольях у ворот.
 Хозяйки моют пол под праздник, в день
 субботний,
 И праздник настает...

1958

* * *

Снежок неторопливый, пристальный,
В снегу деревья, как в цвету,
Дымы уходят волокнистые
Прямолинейно в высоту.

Дома прикрыты, словно книгами
Раскрытыми, белы снега,
Лишь, как костры, горят за ригами
Соломы золотой стога.

И запах смол в лесу стеклярусном
В неведомую даль влечет,
И ель фрегатом многопарусным
Торжественно в снегах плывет.

1958

ПЕЙЗАЖ

В зеленых травах белая тропинка
Пересекает черное шоссе,
За ним она спускается в низинку,
Купается в серебряной росе.

Потом идет по красному болоту
Среди осоки, камышей, тресты —
И вдруг выводит словно бы к восходу
Упавшей с неба синей высоты.

И ты встаешь перед большим простором,
Где, как сады, клубятся облака
То розовым, то голубым, то черным,
Подернуты движеньем ветерка.

Там на столбах колеблющихся света
Стоит зеленый берег, бор стоит;
Деревня, дранкой золотой одета,
Плывет куда-то, трубами дымит.

Над ней лежат кувшинки, стебли спутав,
И лодка, опираясь на весло,
И выводок в нее ныряет уток,
Пока еще не ставших на крыло.

1962

КЛЮЧ

Все выше день. Идут на убыль,
Синея, тени от межи.
Поют берестяные трубы
Над голубым покоем ржи.

А меж корнями на поляне,
Раздвинув травы и цветы,
Вдруг небо из земли проглянет
Прохладой знобкой высоты.

Над ним раскрыта рамка сруба
Вчера, а может, век назад,
И терпкий свежий запах луба,
И смол янтарных звездопад.

Сквозь сито глины, камня, кварца,
Подрагивая, как кольцо
На счастье или как на царство,
Студеный ключ летит в лицо.

Лови сверкающие кольца
В ладони лунку на лету.
Прислушайся, как колокольцы
Звенят в тиши о пустоту.

Пьют воду, умывая лица,
В ладонях пробуя на вес,
Откусывая, словно птицы,
Студеный краешек небес.

Пьют воду, набирая силы,
И возвращаются к лугам,
К стогам, к светилу, к жару, к пыли,
Как будто в праздник к пирогам,

1964

БЕЛЫЕ НОЧИ

Вы слышали про белые ночи? Слышали?
Как заря полыхает в гранитном канале,
Как мосты поднимают пролеты, как крылья,
И черемухи цветом, как снегом, обильны.

Разве белые ночи бывают? Бывают.
Город отдан влюбленным, нет в нем
равнодушных.
Что такое? Здесь белую ночь открывают!
Открывают, как бал? Нет, скорее, как душу.

Рассказать вам, как это бывает,
Как и что происходит при этом?
Кто-то времени ход обрывает
И сближает закаты с рассветом.

Истончается мгла до предела,
Выявляется сущность пейзажа,
Ночь становится призрачно-белой
И слегка розоватою даже.

В парк уходят трамваи поспешно,
Убирают с проспектов машины
И приветствуют юность и свежесть
У дворцов над Невою старинных.

Факела зажигают на рострах,
Гасят все фонари, и, как в храме,
Все возвышенно, чисто и просто
Говорить начинают стихами.

Вы не верите мне? Вы забыли
То, что некогда вас окрыляло,
Что когда-то влюбленными были,
Что поэзия вас озаряла.

Людам нравятся белые ночи,
Люди не перестали влюбляться,
И ночей этих праздничный почерк
Им в сердца продолжает стучаться.

Светом хлещет он в девичьи очи,
И героев в мальчишках он будит.
Людам нравятся белые ночи,
Люди черные ночи не любят!

1965

ПРИМЕЧАНИЕ. ...на *рострах* — на ростральных колоннах, украшающих стрелку Васильевского острова в Ленинграде.

РАКОВИНА ЗАЛИВА ХА ЛОНГ

Медлительный и молчаливый
Рыбак поднес ее к губам,
Как белый рог, и над заливом
Запел, зарокотал Вьетнам.

Призывный звук, тревожный звук,
Летающий к небу, к солнцу, к скалам.
— Возьми ее на память, друг,
И звук возьми с собой,— сказал он.

Плясала джонка на волне,
Звенел в заплатках парус рыжий,
Ворчал прибой на пляжах ближних,
И пели птицы в душу мне.

И незнакомые деревья,
Как ливни, рокоты несли,
И били в барабан деревни,
И в слюдяных полях вдали
Вздыхали буйволы на межах
Огромные, как валуны,
И ветер белых побережий
Нес всплески бурь и тишины.

Я все увез в Россию в ней,
Закрученной на совесть круто,
Облитой жарким перламутром
Больших тропических морей.

И только к уху подниму,—
 Неутихающий упрямый
 Я слышу дальний гул Вьетнама
 В России у себя в дому.

1967

ПРИМЕЧАНИЕ. *Ха Лонг* — бухта на побережье Южно-Китайского моря, одно из живописнейших мест Вьетнама.

* * *

Вечернее мычание коров —
Деревни нашей древняя молитва —
Хозяек вызывает со дворов,
Ворота раскрывает и калитки.

Они идут. Им улица узка.
Бык впереди, как будто холм горбатый,
А на рогах дожди и облака
Иль чистый пламень тихого заката.

Аркадия, пастушечья страна,
По улице течет живой рекою,
Тяжелые качая вымена —
Колокола домашнего покоя.

Подойники ответно им звенят,
Петух крылом на полотенце машет,
Коричневые кринки встали в ряд,
Стол хлебом-солью, как престол, украшен.

Поет струя парного молока.
Вы слышите, как цвинькают синицы,
И вспыхивают вдруг издалека,
Из детства залетевшие зарницы.

Строители дорог и городов,
Солдаты и пилоты космодромов,
Вам всем она с младенческих годов,
Как песня колыбельная, знакома,

Та песенка подойника — без слов,
И руки материнские над нею
У розовых с шерстинками сосков,
Полынью отдающих и шалфеем.

Вы слышите, строители веков,
В местах, ничем другим не знаменитых,
Вечернее мычание коров,
Деревни нашей древнюю молитву?

1967

ПРИМЕЧАНИЕ. *Аркадия* — область в Греции; в литературе изображалась как счастливая страна с патриархальной простотой нравов.

* * *

Мы, дети природы, забыли природу.

Она нам не враг и не друг.

На лоне ее не бываем по году.

А годы — костры на ветру.

Ревут города нам в притихшие души

Неоном, бетоном, стеклом.

Ракетные скорости кровь нашу сушат,

И мы забываем о том,

Что где-то на сине-зеленой опушке

Стоят неподвижно дубы.

Там дрема ромашки, там слезы кукушки

И вздох журавлиной трубы.

Там ивовый прутик, как радуга, гнется

С цветной стрекозой на спине.

И кольца судьбы в деревянном колодце

Негромко звенят в глубине.

Там пахнет пылью медово и горько

От пыльной и теплой земли.

И солнце встает за ближайшим пригорком,

А не в космодромной дали.

Там вечностью веет от крыл комариных,

От ветра мгновенного смол,

От шлепанья на землю спелой малины

И тихого рвения пчел.

УХА

Как строится рыбацкая уха —
То хлёбово времен палеолита,
Которое в легендах и стихах
Воспето и доныне знаменито?

В янтарных звездах благовест с дымком —
Уха тройная. Край обетованный.
Там ходят рыбы в реках косяком
И люди погружаются в нирвану.

Скрестили ноги, вперили глаза,
И нет огромных городов на свете,
Парламентов, газет, ракет, казарм
И даже тец двадцатого столетья.

Реки рассветной одинокий плес
Или лесное озеро возьмите.
Щепоть зари и танец двух стрекоз
Над поплавком азарта и открытий.

Возьмите неба синего полней
С застывшими, как иней, облаками,
С курлыканьем в болоте журавлей
За рыжими от солнца тростниками.

Кувшинки вздох белее снега гор,
Свист иволги веселый и печальный,
И тишины торжественный собор,
Над всем вокруг встающий вертикально.

Потом костер, в ведро воды улов,
Картошки штук пяток, головку лука.
Уха клокочет, и не надо слов,
Берите ложку. Вот и вся наука,

1969

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Что происходит в этом мире?
Гремит, скрежещет и трещит
Мир, пойманный в ночном эфире
И нами поднятый на щит.

Сшибаются походных раций
И мощных станций голоса.
Поди попробуй разобраться
Во всем как есть за полчаса,
Что в этом мире! Ты им пойман,
Прикован к грохоту земли.

А на реке в туманной пойме
Трубят негромко журавли.

Неслышно рыбы бьют хвостами
Луну на глади сонных вод.
А на бугре, за тополями,
Беззвучно в трубку рожь идет.

Кузнечики чеканят росы,
Петух пропел и смолк в селе...
Ответь попробуй на вопросы,
Что происходит на земле.

1969

РАССВЕТ

А когда на землю пал туман,
Показалось, что ее не стало,
И вокруг простерся океан
Без конца совсем и без начала.

Канули не только что леса,
Все долины и холмы и хаты,
Даже небеса — и небеса
Канули, бесследные, куда-то.

Тишина дремучая легла,
Стало все, как в первый день творенья,—
Первобытная седая мгла,
Дымное смешенье света с тенью.

И лишь только через два часа
Волны заструились, засветились,
Отдышалась твердь, и небеса
Синие от тверди отделились.

А потом поднялись холмы,
Расступились сосны по ранжиру,
И к утру из первозданной тьмы
Совершилось сотворенье мира.

* * *

Как будто древних царств реликт,
В час эры атомной, машинной
Я услышал победный крик
Перед рассветом петушиный.

Еще не колыхнула тишь
Иглой сосновой и травинкой,
Росинки с невысоких крыш
Не обронила на малинник.

Весь мир еще и мглист, и сед,
И сумрак все глубок и прочен,
А он уже поет рассвет,
Не просто смену дня и ночи.

Ах, сколько связано в былом
Надежд и веры с этим кличем!
Крик петуха, и над селом
Он был не просто пеньем птичьим.

Один. Вослед другой за ним.
Светает. Ночь переломилась.
Еще восток неразличим,
Но что-то в небесах свершилось.

Я в них внимательно смотрю
И слушаю до удивленья
Предвосхищающих зарю
Давно не слышанное пенье.

После всегдашней чепухи
И сутолоки дня базарной
Поют нежданно петухи
Светающе и светозарно.

1975

Пятна крови на нем,
опален он огнем,
и осколок оставил свой след...

Молодой командир не погиб от свинца,
мир в то время не знал про него...
Это первая книга поэта-бойца,
но бессмертная книга его.

3

Друзья уходят.
Надо мыслить чище.
Переписать — в чем грешен — набело.
И не застолье нынче,
а кладбище
меня с тобою в августе свело.

Но ты воспел
отвагу битв
и поле,
и ты в завидной памяти живешь:
тебе с Россией вместе быть, доколе
венчает землю золотая рожь.

Светлый север

---

* * *

Всплошную голубым узором
Мороз разрисовал окно.
Темно становится. И скоро
Зажгут огни. Пора б давно...

Сверчок скрипит в углу за печкой,
А я глаза закрою вдруг,
И мне покажется — кузнечик
Трубит на весь в ромашках луг.

Качнутся легкие березы,
Как луг запахнет старый дом.
Но это мать вошла с мороза,
Внесла подойник с молоком...

1939

* * *

Далеко течет река Шексна,
Волги нареченная сестра.
Я ее увижу только в снах
Редких и коротких у костра.

Высоко зеленая звезда,
Свет ее сияет над Шексной.
Легкая певучая вода
Очень схожа цветом со звездой.

Белые березки на лугу,
Русские, знакомые до слез.
Так же вот на дальнем берегу
Шелестит листва родных берез...

Сядь же рядом, друг, поговорим,
Что-то смолк в лесах орудий гром.
Полчаса осталось до зари,
Тишина, знать, не перед добром.

Видишь над Ведлозером пожар,
Знать, отходят наши, тяжело.
Яростен врага слепой удар,
Много здесь товарищей легло...

Ты откуда сам, с реки какой?
Трудно... На войне как на войне!
Если что, поклон последний мой
Передай моей реке Шексне.

1942

* * *

Светлый север, лес дремучий
В узорочье, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели — словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье весел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что самый лучший,
А милей всех сердцу край!

1945

НА ПРИСТАНИ

Гудком прощальным пароходным
Осенний вечер оглушен.
Отчалят чалки, примут сходни,
И пароход уйдет в затон.

Залепит снегом расписание
Декабрь на пристани опять.
И график встреч, разлук, прощаний
Никто не будет соблюдать.

По льду на розвальнях разлапых
Обозы с сеном поплывут.
Пахнёт щемящий сердце запах,
Как будто лето провезут.

Почудится, что не хозяин
На пристани седой декабрь,
Что вновь встречают, провожают
И смотрят в голубую рябь.

Но снег залепит расписание,
И до июня вплоть опять
Никто ни встреч и ни прощаний
Не будет график соблюдать.

1945

* * *

Л. П.

Опять пойдут хлестать метели
Вдоль деревенок и дорог,
Опять почти на две недели
Пути отрежут в городок.

На пятый день придут газеты
На тройке из Череповца.
От сельсовета к сельсовету
Негромок голос бубенца.

Тулуп на ямщике, как пламя,
Горит один среди зимы,
И кони, фыркая, ноздрями
Учуют дальние дымы.

Наутро рыжий письмоносец
Опять письма не занесет...
Я не порадуюсь на просинь,
Что в низком небе настает,

Не поделюсь грустью с ближним...
В лесу, петляя, шла лиса.
И уведут надолго лыжни
Меня в глушковские леса.

1945

ПРИМЕЧАНИЕ. Л. П. — Людмила Пономаренко, любовь поэта со школьных лет.

ЖУРАВЛИ

Сыплет ветер северный, раздобрясь,
Золото деревьев вдоль земли,
В Африку, в египетскую область,
Улетают в небе журавли.

Улетят они в страну чужую,
На прощанье обронив перо.
Будут жить, по родине тоскуя,
Зиму проклиная и мороз.

Крокодилы на далеком Ниле
Журавлям напомнят топляки,
Что плывут посередине милой
Северной сплавной Шексны-реки.

Возле фараоновой гробницы,
Там, где пальмы, камни и пески,
Будет им все время север сниться,
Светлые от звезд березняки.

И, презрев природы изобилье,
В час, когда трещит на Волге лед,
Журавли, свои расправив крылья,
В яростный отправятся полет —

Через ветры, холода и грозы,
Пух в пути теряя и перо,
К рыжим поймам, к тоненьким березам
Голубой весеннею порой.

Так бывает с русским человеком:
Час придет — родимая земля
Через океаны, горы, реки
Позовет к отцовским тополям.

И ничто его не остановит,
Словно бы летящих вдоль морей
Из Египта к давнему гнездовью
Молодых горластых журавлей.

1945

ПОЕЗДКА В КОВЖУ

Ивану Бузину

Это мне запомнится — начало
Лета, уходящего в леса.
Чайки подрались у причала,
Плачут, надрывая голоса.

Ветерок, излюбленный «шолонник»,
В мокрое уперся полотно.
Чайки вслед затеяли погоню,—
Только не догнать нас все равно.

Вот уже белеет церковь Спаса,
С берега донесся запах трав,
Дым жилья, к себе зовущий властно,
Шелест зацветающих дубрав.

Дранкой, будто рыбьей чешуею,
Крыты избы ковжских рыбаков.
Будут там нас потчевать ухюю,
Сладкой жарениной из снетков.

1945

ПРИМЕЧАНИЯ. *Ковжа* — местечко в Белозерском районе. *Иван Бузин* — земляк поэта, в послевоенные годы партийный работник.

* * *

Невтерпеж ходить по осени
По булыжной мостовой.
Стосковались ноги до смерти
По дороге полевой.

Вся земля в гранит закована
И асфальтом залита,
Сталью рельс перелинована,—
Не житье, а маета.

Сруб веснушчатый, бревенчатый
И тесовое крыльцо.
С тишиной навек повенчанный
Мир мой дедов и отцов.

Там затопят печку рыжую.
Награжденный самовар
Будет петь, сверкать и пыжиться,
Ипуская чайный пар.

1946

* * *

За Вологдой метели с бубенцами,
Летят, поют живые голоса,
И где-то за горами и лесами
Спокойно спит душа моя краса.

Я песню-сказку выведу к воротам,
На голубой дорожный поворот.
Она стоит, готовая к полету,
Копытом тонким скалывает лед.

Звезда упала молча у порога,
Под кем-то тихо скрипнуло крыльцо,
И развернулась скатертью дорога,
Пахучим припорошена сенцом.

1946

ДЕРГАЧ

Зацвели за Вологдою ивы,
Вскрылась полноводная Шексна.
В эти дни меня зовет призывно
В отчий край раздольная весна.

В тонкий ствол оттаявшей рябины
Прянул сок могучею струей.
Из Египта устремились клином
Журавли горластые домой.

И бежит через края чужие
Все пешком домой дергач, пешком,
По земному шару всё в Россию —
Тонкий, голенастый, хвост торчком.

1946

* * *

Есть где-то моря-океаны,
Где волны до неба летят,
А здесь у руля капитаны
Спокойно в туманы глядят.

Ни лоции нет, ни компаса,—
Знакомая с детства река,
Как выверена по ватерпасу,
Пустынна, тиха и гладка.

Беляны, груженные тесом,
Избушки на грузных плотях,
Речные высокие плесы,
Свистки куличков в камышах.

Плывут работяги-буксиры,
Натянут канат, как струна.
Ровняет плоты по ранжиру
Зеленой линейкой Шексна.

Работают молча матросы,
Тоскует на барке гармонь,
А вечером мачты выносят
Под звезды зеленый огонь.

Скрипучею дремой парома
Навстречу пройдет перевоз.
Пахнёт сенокосом знакомо
С парома осанистый воз.

— Ну как там, Фадеич, с покосом? —
Картуз приподняв, капитан
С буксира паромщика спросит,
Вглядевшись в вечерний туман.

Ему, как и волку морскому,
На сушу не скоро ступать:
Он в плаванье тоже — и дома
До осени, зная, не бывать.

1946

НОЧЬ

Петух грудастый прокричал спросонок,
В хлеву с навозом смешан запах нив.
Во сне вздыхает глупенький теленок,
Жует корова, и комар звенит.

Хозяин спит с хозяйкой на полатах,
Окончен день, и току отдых дан.
И к ребятишкам рыжим, чернопятым
Приходят сны из неизвестных стран.

Деревня спит, домишки сбились в кучу,
Поблескивают крыши, как хребты,
Под месяцем рогатым и колючим,
Глядящим на деревню с высоты.

Но где-то возле сельского Совета
Еще играет вальсы гармонист,
Еще не все частушки перепеты,
Не все с парнями девки разошлись.

У гармониста на груди медали.
Про Венский лес играет вальсы он.
И девушек, что Вены не видали,
Притихшей стайкой парень окружен.

Гармоника кирилловской работы,
По-русски Штраус у нее звучит.
Недаром за рекой, за поворотом,
Лес вологодский сказочный стоит.

В густом лесу спокойствия нарушить,
Покачиваясь, травы не велят.
Волнушки, словно розовые уши,
Насторожила рыжая земля.

И валуны, мохнатые как совы,
Глядят во тьму, в сиреневую муть,
И соловьям в кустарниках лиловых,
Ликующим в ночи, не продохнуть.

Сиги голубоватые в озерах
Ворочаются в водорослях, где
Бездомных звезд взрывающийся порох
Бесшумно угасает на воде.

По сосенкам чешуйчатые шишки
Запутались, как рыжие ерши.
Грибы — толстоголовые мальчишки —
Собрались в кучу и сидят в глуши.

Как леший, где-то филин прохочет,
И вновь ничем, ничем не нарушим
Торжественной, неповторимой ночи
Покой дремучий сказочной глуши.

И вот, бесшумно, медленно ступая,
Выходит волк из чащи. Под луной
Вся шкура глянцеvито отливает
То голубой, то золотой волной.

Деревья узловатыми руками
Поддерживают землю... Запах трав.

Шум ветра. Месяц с желтыми рогами
Над комариным звоном переправ.

1946

ПРИМЕЧАНИЕ. *Про Венский лес играет вальсы он.* — Т. е. играет вальсы австрийского композитора И. Штрауса (1825—1899); один из наиболее известных его вальсов — «Сказки Венского леса».

* * *

Может быть, столичный житель этот
Городок в краю лесных озер
Назовет не в шутку краем света,
Чудом уцелевшим до сих пор.

За сто верст не слышно паровозов,
Только ветра вой и кутерьма.
Дремлют в палисадниках березы,
Заметают улицы, дома.

Выйдет месяц кованый и тонкий,
На сто верст леса, куда ни глянь,
В клубах пляшут в валенках девчонки
Старомодный танец падеспань.

Сторож, будто колокол овчинный,
На пустынной площади застыв,
Слушает до полночи старинный,
С юности заученный мотив.

Только это вовсе не приметы
Старого, лесного городка.
Гром дизельмоторного рассвета,
Слышишь, залетел издалека.

Тонкие поют электропилы,
Трактора уходят не спеша,
Ставят где-то плотники стропила,
Санная дорога хороша.

Рыбаки в отменных полушубках,
От коней усталых пар валит.
И снежок морозный, звонкий, хрупкий,
Словно дымчатый хрусталь, звенит.

1946

ПРИМЕЧАНИЕ. *Гром дизельмоторного рассвета* —
здесь: шум дизельных моторов на рассвете.

ПЛОТОГОН

Ему пятнадцать лет под осень
Исполнится всего, а он —
В отцовском пиджаке, курносый —
Уже заправский плотогон.

На бревнах дерн уложен клумбой
У ног его для огонька.
И босоногому Колумбу —
Как океан Шексна-река.

Плывет он, земли открывая,
С багром тяжелым на плоту.
Костер горит и осыпает
Сухие искры в темноту.

Перекликаются с буксиром
Далеким эхом берега,
И Млечный Путь блестит над миром,
Как неизвестная река.

Вот будет осенью рассказов,
Когда он станет вспоминать,
Что видел, где друзьям ни разу
Не приходилось побывать!

Жизнь перед ним — рекой широкой,
Как в реку, он в нее влюблен.
Минуют пристанями сроки,
И капитаном станет он.

А волны плещутся о бревна,
 До Щербакова путь далек.
 Горит на клумбе яркий, ровный
 Костра дремучего цветок.

1946

ПРИМЕЧАНИЕ. *Щербаково* — пристань на берегу Рыбинского водохранилища.

В РЫБИНСКОМ МОРЕ

От Черéповца до Щербакова,
В сто кило́метров ширины,
От ненастья почти лиловы,
Ходят волны, как валуны.

Там, где лес побасенки баял,
Пел, шаманил,— прошла вода,
Сосны каменные срубая,
Свирепея, как никогда.

И в медвежьих берлогах ныне,
Двухпудовые, среди тьмы,
В шубах бархатных на резине,
Как чугунные, спят сомы.

Парохода железная туша
Прет уверенно напролом.
Победители моря и суши
Крепким балуются чайком.

Сапоги снимают в каютах,
Гасят свет и в тиши кают
Дерматиновому уюту
Молча должное отдают.

Что им мокрой воды стихия —
Пена белая на ветру!
Им дела предстоят такие,
Позавидуют все вокруг,—

Горы с места сдвигать и доли,
Реки на плечи поднимать...
Пароход, как огромный молот,
Плющит волны... Я лягу спать.

Пусть вода меня укачает,
Убаюкает, сон придет,
Как волна, на ветру крепчая,
Из неведомых мне широт.

И приснится под гул ненастья,
От Мегры до Череповца,
Край огромных работ и счастья,
Перестроенный до конца.

1947

* * *

Поют невидимые птицы,
Деревьям шевельнуться лень,
И знойным маревом струится
Спокойный и пустынный день.

Идет дорога полевая
И счет следам весь день ведет:
По ней неспешно проплывают
Возы тяжелые вперед,

Прямые ленты оставляя
И полумесяцы подков,
И с правого обычно края
Следы хозяйских сапогов.

Грузовичок пахнёт бензином.
Узор, как птичий след, хитер,
С горы спускается в низину
И вновь бежит на косогор.

Вот трактора — прямой, глубокий —
След отпечатанный. Под ним
Велосипеда змейка сбоку
И лунки пяток ребятни.

Читай дорогу, словно повесть
Об этом крае, что иным
В траве, в густых лесах по пояс
Покажется пустым, глухим.

УТРОМ

Луч ударил по гребню крыши —
Вся в червонном огне стреха.
Будят радиотехника Гришу
Утром рано два петуха.

Два пернатых горластых, алых,
Шпоры медные, хвост трубой,
В синих сумерках сеновала
Запевают наперебой.

А заря промывает стекла,
Поднимает птичий трезвон.
Легкий, рыжий, веселый, теплый
Гриша вскочит, отбросив сон.

Умывальник ночной прохладой
Плещет пригоршнями в лицо.
Как снежинки, летят по саду
Лепестки цветов на крыльцо.

В клубе — комната. Дверь направо, —
И с картинки из «Огонька»
Сам профессор Попов лукаво
Заглядится на паренька.

1949

ПРИМЕЧАНИЯ. «Огонек» — популярный журнал с цветными наклейками. Попов Александр Степанович (1859–1905/06) — физик и электротехник, создатель одного из первых радиоприемников.

В ЛЕСУ

Входит это утро к лесорубам
Запросто, как друг на огонек.
За столами, тесанными грубо,
Пьют они степенно кипяток.

Перекусят, перекурят, встанут,
Выйдут из барака на мороз,
На светающее небо глянут
В облаках серебряных берез.

Снег летит, сечет с размаху лица,
Здесь ветра острее топора.
Лес еще туманами клубится,
А они уж говорят: «Пора!»

На плечо берут электропилы,
Под сосной обтаптывают круг.
И летит необоримой силы
По лесам пилы поющей звук.

Как костры, тулупы на сугробах,
Любо запах терпких смол вдыхать.
Древесина самой высшей пробы —
Золотая, глаз не оторвать.

Падает, расталкивая кроны,
На землю зеленая краса,
Чтобы плотникам, в дома влюбленным,
Вновь поднять ее под небеса

Белыми стропилами, столбами,
Что хранят в жару, в дожди, в метель
Запах смол, о синем лесе память
От тайги за тридевять земель...

Хруст капустный мартовского снега,
Небо первородной чистоты.
Видно, скоро зашумит Онега,
Поднимая тяжкие плоты.

И, тугие воды раздвигая
На буксире номерных судов,
Двинется Онега золотая
К новостройкам наших городов.

1949

ПРИМЕЧАНИЕ. *Онега* — река в Архангельской области; вытекает из озера Лача и впадает в Онежскую губу Белого моря.

У КОСТРА

Костер в лугу горящий, над рекою,
Вдруг осветивший прошлое огонь.
Иду к нему по светлому покою
Намокших трав, сквозь голубую сонь.

Иное детство стережет сегодня
В ночном коней иного табуна.
Но над водою золотую сходню
На темный берег бросила луна.

Пускай войдет по ней воспоминанье
На этот берег детства, наугад,
Ведь времени невидимые грани
Не составляют для него преград.

Здесь все, как встарь: ты слитки золотые
В костре тяжелой палкой вороши
И, слушая истории ночные,
От страха и восторга не дыши.

Кури сигарки толстые из моха,
Босые пятки согревай в золе.
Да, было детство прожито неплохо
На этой стародедовской земле.

И до сих пор дымок костров недаром
Неведомым волненьем обдает,
Как летним опьяняющим угаром
Прошедшее из памяти встает.

И вдаль идет, где все ему знакомо,
Бесшумен плеск огня багровых крыл...
Я много лет в деревне не был дома,
Я у костра сегодня загрузил.

1950

СТУДЕНТКЕ

Там замечает улицы зима,
Как по морским волнам плывут дома,
Мальчишки пробивают лыжню к школе,
Когда еще царит поутру тьма.

А здесь шумит в метели Ленинград,
Автобусы по Невскому летят,
В цветочных продают живые розы,
И дворникам лишь страшен снегопад.

А ты могла бы в городке чужом,
Когда одни метели за окном
Трубят в свои сверкающие трубы,
Не тосковать о городе большом?

Могла б ты, сняв тяжелые пимы,
Устав от всей ребячьей кутерьмы,
Под абажуром разложить тетради,
Где строчки угловатые прямы,

И по страницам угадать в тиши
Черты тебе раскрывшейся души,
А по рисунку — что грядущий мастер
Попробовал на нем карандаши?

И так — пока в предутреннюю сонь
Спать не уйдет из лампочки огонь
И ты услышишь, как палит из пушки
Мороз на всю Шексну или Шелонь.

Спит сторожиха, в школе тишина...
В окно плывет торжественно луна,

На нем цветут тропические розы,
Из льда и снега южная страна.

Поленья рассыпаются в печи,
Сверчок в углу настойчиво стучит
Малюсеньким упругим молоточком
О жаркие сухие кирпичи.

А за стеною в облаках берез
Затихнет мир. Сиянье синих звезд.
И ты сидишь, накинув шаль на плечи,—
Забыла про метель и про мороз,

Решив, что день делами был богат...
И скучно вдруг без гомона ребят,
И хорошо тебе, коль скоро к школе
Они по лыжне тропу проторят.

Уходит прочь косматая метель,
Свою на Невском бросив канитель.
Тебе на Мойке в общежитье снятся
Снега вокруг на двадцать пять недель...

Ты далека, но за пургой ночной
Тебя я вижу именно такой.
Ты приезжай, таких там ждут и ценят,
Таких, как ты, там примут всей душой.

1950

ПРИМЕЧАНИЯ. *Невский* — Невский проспект в Петербурге (Ленинграде). *Шелонь* — река на северо-западе Европейской части России; впадает в озеро Ильмень. *Мойка* — река в Петербурге, приток Невы.

* * *

Болото, да лес, да озера,
Да выцветший купол небес.
Деревня взбежит на пригорок,
И снова болото да лес.

Там сплавщик встает над рекою,
Багор занеся, как копье.
И ветер, не зная покоя,
Старинные песни поет.

Там солнце — в рыбацкие сети —
Запуталось в белую ночь,
И парус трещит на рассвете,
Не в силах волны превозмочь.

Дарил меня первой любовью,
И горем, и радостью он,
И славой своей, и присловьем —
Всем, чем и богат и силен.

И в нем понимать я учился
Травы и деревьев язык,
В воде и огне окрестился,
К веслу и винтовке привык.

До песен и сказок охочий,
Хранящий и радость и грусть,
Мой северный край. Заволочье.
Моя журавлиная Русь.

1952

ПРИМЕЧАНИЕ. *Заволочье* — историческая область в бассейнах рек Северная Двина и Онега.

У СЕБЯ ДОМА

Я давно, признаться, не бывал
В городке зеленом, деревянном,
Там, где я десятый класс кончал
И на будущее строил планы.

Было мне все время недосуг,
Некогда домой собраться было:
То меня на север, то на юг
Дальняя дорога уносила.

Где-то город строили в лесу,—
Мне командировка открывала
Новой жизни первую красу,
Будущего самое начало.

Где-то знаменит на всю страну
Стал колхоз успехами своими.
Крыльями фанерными качнув,
Плыл ПО-2 над далями лесными.

Каждый раз зимою я решал:
Вот домой поеду нынче летом.
Но на Волге строили канал,—
Как мне было не увидеть это!

Но в каком бы ни был я краю,—
Милую районную столицу,
Тихую провинцию свою
Вспоминал — пусть нечем ей гордиться.

В стороне от всех больших дорог,
От железной за сто километров,
Маленький зеленый городок,
Старый друг с черемуховым ветром.

С вымпелами в зелени рябин,
С поясом тесовых палисадов...
И казалось мне, что он один
Не растет, не строится, как надо.

Вкруг него, как видно, не найдут
Никаких таких месторождений,
Только реки сонные текут,
Льны цветут, да облака плывут,
Да базар шумит по воскресеньям.

На его дощатые мостки
Наконец ступил я нынче летом.
Повстречались мы как земляки
И протолковали до рассвета.

Он мне все показывал лицом,
Просто и без хвастовства, как надо:
Новый тротуар, и новый дом,
И деревья выросшего сада.

Обошел я тот знакомый сад.
Там уже без орденов и планок,
Пиджаки накинув на девчат,
Ходят парни под его баяны.

Я тогда спросил его о том,
Где теперь знакомые ребята,

С кем ходили в детстве босиком
И из юности ушли в солдаты?..

Не узнать ребят — по всей стране
Крупными ворочают делами,
И выходит так, что наравне
Славой мы с большими городами.

1952

ПРИМЕЧАНИЕ. *ПО-2* — самолет, разработанный под руководством Н. Н. Поликарпова; применялся как в военной, так и в гражданской авиации.

ФОТОГРАФ

На углу, на площади базарной,
В домике, где солнце в окна бьет,
Маленький, смешной и популярный
Мастер фотографии живет.

Здесь по воскресеньям утром ранним,
С важностью особой на лице,
В праздничных костюмах горожане
Вытирают ноги на крыльце.

В доме белокаменные горы,
Лодка на волнах, как на пиле,
Конь-огонь, — ударь с размаху шпорой
И на край земли лети в седле!

Есть для малышей свисток отличный,
Чтоб на мир глядели малыши
(Вот сейчас вспорхнет навстречу птичка)
И смеялись ото всей души.

Мастер посетителей встречает
Как гостей, которым очень рад,
Молодых и старых величает,
Полчаса наводит аппарат.

Подойдет, чуть-чуть поправит орден,
Чтоб сидел клиент во всей красе,
Шутит сам: «Снимаю!.. Снял!.. Испортил!»
Не испортит. Это знают все.

Весь район за стеклами витрины
Показал фотограф неспроста:
Женщины, мальчишки и мужчины,
Как в театре, заняли места.

Вот на старом снимке, как в тумане,
В мичманке парнишка юный встал.
На Великом-Тихом океане
Служит нынче грозный адмирал.

Закусив зубами папиросу,
На фанерном скакуне летит,
Русый, недозволенно курносый
Из села Ивановки «джигит».

Не пошел «джигит» по части конной,
И, как видно, не пошел не зря:
Знают все большие стадионы
Хватку молодого вратаря.

Рядом с ними (я скажу заранее:
Слава их не очень велика) —
Просто рядовые горожане,
Просто из соседних сел крестьяне,
Снятые на фоне городка.

Ну, а чуть повыше на витрине
Семь портретов с Золотой Звездой:
Две звезды заслужены в Берлине,
Пять — в колхозе, на земле родной.

Смотрят, как живые, с фотографий,
Ретушью прикрашены слегка,

**Люди незаметных биографий,
Люди всем известных биографий —
Жители родного городка.**

1952

ПОБЫВАЛЬЩИНА

Здесь лесов-то тьма, а в лесах Тотьма
Утонула — не видно крыш.
Как придет зима, занесет дома,—
Сверху Тотьмы не разглядишь.

Все леса, леса, вплоть до полюса,
И на юг леса, на восток,
За околицей хвоей колются,
Пробираются без дорог.

А в лесах она, река Сухона,
В ней веслом до дна не достать.
Как придет весна, думы вслух она
Начинает петь-напевать.

Она баскими дарит сказками,
А за сказками бает быль.
Быль неласкова, глубь опасная,
Разбиваются волны в пыль.

По реке плоты в сорок две версты,
До небес семь верст лесом все...
В небе тыщи звезд, месяц в полный рост,
И медведи ходят в овсе.

Хочешь, верь не верь,— приезжай, измерь,
Не мешай человеку врать.
Это просто проверить тебе теперь —
Самолетом рукой подать.

Полчаса не срок, городок у ног,
И леса стоят, как сказал,
Только вот, браток, что насчет дорог,
Про дороги я не соврал.

К нам дороги ягою мерены
Лет полсотни назад клюкой,
И клюка ее здесь потеряна,
В темном лесе за Юг-рекой.

1958

ПРИМЕЧАНИЯ. *Тотьма* — город на реке Сухоне в Вологодской области, известен с 1137 г. *Юг* — река, правая составляющая Северной Двины; на ней стоят Никольск и Великий Устюг — города Вологодской области.

ПРИГЛАШЕНИЕ

Запаситесь картою,
Поезжайте в Каргополь
Через реки синие
И леса
Зеленые,
Через птичьи голоса
И ключи студеные.

Каргополь, как Акрополь,
С храмами и высями,
На горе стал во поле
Гордо, независимо,
На Онеге во поле,
Чем не брат Акрополю.

Небо там старинное,
Стиранное ливнями,
С песнями, с былинами,
С елью, как с оливами.
Град стоит, красуется
С простотой естественной,
Возведен не суетно
Топором-кудесником.

А вокруг него холсты
Белые расстелены,
И утрами с высоты
Солнышки рассеяны,
Радуги расставлены

На российском Севере
В стороне прославленной!

1963

ПРИМЕЧАНИЯ. *Каргополь* — город в Архангельской области на реке Онеге, известен с 1146 г. *Акрополь* — см. примечание к одноименному стихотворению.

НА ВОЛГО-БАЛТЕ

Моей деревни больше нету...
Она жила без счета лет,
Как луг, как небо, бор и ветер,—
Теперь ее на свете нет.

Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.

Плывут над ней, взрывая воды,
Не зная, что она была,
Белы, как солнце, теплоходы —
Планеты стали и стекла.

И дела нет на них, пожалуй,
Уж ни одной душе живой,
Что здесь жила, пахала, жала
Деревня русская век свой.

Детей растила, ликовала,
Плясала, плакала, пила,
С зарей ложилась и вставала,
Гремя в свои колокола.

Стогов, домов, хлевов, овинов
В богатый год и в недород.
В чем невиновна, в чем повинна,
Теперь никто не разберет.

Я до сих пор твой сын, деревня,
Но есть еще двадцатый век,—
Вывертывает он коренья
И прерывает русла рек.

Что сделал он, то сам я сделал,
Никто другой того не мог,—
И этот лайнер снежно-белый,
И всплывший дедовский пенек.

И я пройду по дну всю пойму,
Как под водой ни тяжело.
Я все потопленное помню,
Я слышу звон колоколов.

А наверху, как плахи, пирсы,
В ладонях шлюзов — солнца ртуть.
Я с тем и этим крепко свыкся,—
Одно другим не зачеркнуть.

1963

КРУЖЕВНИЦАМ

За горами, за лесами,
В заповедной стороне,
Где поют в сугробах сани
С подрезами в тишине.

Снегу полная держава,
Вся земля белым-бела.
Там собором многоглавым
На юру стоит ветла.

Там дымки из труб, как спицы
В синей выси-вышине.
Звонко цвинькают синицы
На оранжевой сосне.

Из мороза, льда и солнца
Выстроены терема.
Белым пламенем в оконца
Смотрит алая зима.

Там полы белы намыты,
Занавески голубы.
Без утайки там, открыто,
Между делом вроде бы,

Сказки те, что все на свете
До сих пор как чудо чтут,
В кружевецком сельсовете
Бабы запросто плетут.

* * *

Мне нынче снится край родной ночью,
Воды большие светлы, и по ней
Я все плыву в веселье и в печали,
Как в дни далекой юности моей.

Я все плыву на родину и вижу,
Как изменилась там земля сама.
В воде высокий тонет берег рыжий,
И странные там люди и дома.

Вхожу в дома я, словно в отраженья
В воде зеркальной, преломившей свет,
Я помню все там с моего рожденья,
Все узнаю, и ничего там нет.

Там все не так и все не то, и все же
Над всем душа сжимается моя.
Тревожно и пронзительно похоже
Там все, что твердо знал и видел я.

И все плывет вода, и все струится
Куда-то вдаль, куда-то вдаль... Куда?
Старинные над ней восходят лица,
Как месяцы, как луны, как года.

Зеленые и вянущие травы,
Осенние березы и кусты
Недвижные, как будто бы неправда,
Среди равнины, словно у черты,

Где может все неожиданно оборваться
От шороха, как будто от беды,
И сладко там, и страшно оставаться
И сознавать мне этот сон воды...

1975

* * *

Будет печалить и радовать
В мире оно и без нас,
Белой нежданною радугой
Искрясь, как мартовский наст.

Там, где кончаются озими
И расступились леса,
Синее Белое озеро
Встало стеной в небеса.

Белой дугою очерчено,
Солнца касаясь и звезд,
Тихое, будто доверчивость,
Но с перезвонами гроз.

Нимбом, светящимся издали,
Встало над краем навек
Неотразимо и искренне,
Будто бы взгляд из-под век.

Белое озеро может быть
Цвета черемух полно.
Белое озеро — боже мой, —
Как это было давно!

1976

СЕВЕР

Может, он счастья спокойнее,
Правды, быть может, добрей.
Над тишиною и войнами
Светит копорский кипрей.

Ширь, даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать,
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.

И чтобы не убаюкала,
Чтобы прожгла глубина, —
Синяя капелька купола
На горизонте видна.

Радостей светлых и горестей,
Дней и ночей берега —
Севера древние прориси —
Озеро, лес и луга,

1976

ПРИМЕЧАНИЕ. *Копорский кипрей* — иван-чай, высокое травянистое растение-медонос с розовыми или пурпурными цветками.

Юлия Друнина

НА РОДИНЕ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

1

*Вологодский говорок певучий,
Над резными домиками дым,
Звезды, протаранившие тучи,—
Две с орбит сошедшие звезды.*

*Только две. Их не видала ране.
Может, родились они вчера?..
Как бинты на незажившей ране —
Считанные эти вечера.*

*Тропка к речке. Прорубь. Бездорожье.
Отступает боль, светлеет грусть.
Эти руки протянул Сережа,
Подарил мне Северную Русь.*

*Подарил мне над Шексною тучи,
Две, с орбит сошедшие, звезды,
Вологодский говорок певучий,
Вьюгу, заносящую следы.*

2

*Теперь я увижу не скоро,
Сергей, Белозерье твое,
Где женщины,*

Словно жонглеры,
Шестами полощут белье,
Красиво, уверенно, смело
Полощут белье в прорубях.
Где гуси над озером Белым
Тревожно и грустно трубят.
(Куда вы летите, куда же?
Меня прихватите с собой!..)
Здесь «Здравствуйте!»
Ласково скажет
Приедем к встречной любой.
Здесь мальчик,
С глазами, как блюда,
Вдруг мне подарил туесок.
Здесь с другом нам
В юность вернуться
Позволила жизнь на часок,
Там, где часовые-сугробы
На страже молчанья стоят
И где позабыли мы оба
Про тяжесть годов и утрат...

*Тайный
трепет*

В ЗЕМЛЯНКЕ

Что ж молчишь ты, товарищ бедовый,
И задумчиво смотришь в огонь?
Лучше с песней в землянке сосновой
Разверни на колене гармонь.

Отгремят, как тяжелые грозы,
Беспокойные эти года,
И к родным белозерским березам
Нас еще унесут поезда.

Там родные просторы безбрежны,
И летит над просторами прочь
Ветер Ладоги, ветер с Онежья
До Архангельска, в белую ночь.

Нам ли хмуриться грустью безвестной?
Как-нибудь проживем, ничего...
Здравствуй, тихая, светлая песня,
С говорком вологодским на «о»!

1942

ПРИМЕЧАНИЕ. *Ветер с Ладоги, ветер с Онежья* — ветер со стороны Ладожского и Онежского озер.

* * *

Соберет она на привале
В тесный круг на лугу солдат
И, подвластная запевале,
Грянет в небо, гармони в лад.

Вот солдаты идут на песню,
Как на светлый огонь костра.
Никому у нее не тесно
И не холодно до утра.

Отогрели сердца, как руки,
И легко нам и хорошо.
Пусть четыре года разлуки —
Мы, друзья, подождем еще.

Пусть греметь на пути пожарам
И смертям не стихать... Пройдем!
Ведь поется в песне недаром
О хорошей встрече потом...

1943

* * *

В танке холодно и тесно.
Сыплет в щели снег-пурга.
Ходит в танке тесном песня
Возле самого врага.

Крутит мерзлыми руками
Ручки круглые радист.
Из Москвы, должно быть, самой
Звуки песни донеслись —

Через свист и вой снарядов,
Через верст несчетных тьму.
В песне той живет отрада
Во высоком терему...

Хороша та сказка-песня,
Но взгрустнул водитель наш:
— К милой я ходил на Невский,
На шестой, друзья, этаж...

И пока гремят снаряды,
Горизонт за Мгой в дыму,
В Ленинград к моей отраде
Нету ходу никому.

Вот пойдем, прорвем блокаду,
Путь откроем в город наш,—
Закачусь к своей отраде
На шестой, друзья, этаж!..

А певец поет, выводит,
Так и хлещет по сердцам...
К ней никто не загородит
Путь-дорогу молодца!

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. *...живет отрада Во высоком терему; ...Нету ходу никому; ...никто не загородит Путь-дорогу молодца!* — Неточные цитаты из песни «Живет моя красотка...» (стихи С. Ф. Рыскина, музыка народная).

ПЕСНЯ О КОЧЕГАРЕ

Мы себе ее переложили —
 Песенку, в которой моряки
 В море кочегара хоронили.
 А у нас ни моря, ни реки...

Нету кочегара, но механик
 Рычагов не в силах удержать.
 От него напрасно ждет в Рязани
 Писем озабоченная мать...

Песню мы певали вечерами, —
 На рассвете снова жаркий бой.
 Знали мы:
 Кого-то между нами
 Ждет напрасно мать к себе домой.

Потому и пелось нам особо:
 Может, про себя ее поешь,
 Может быть, в брезентик вместо гроба
 Друга завтра в полдень завернешь...

Но хотелось очень, чтобы случилось
 Все не так, чтоб мать-старушка нас
 Все-таки с войны домой дождалась.

Песня, песня, где друзья сейчас?..

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. ...*Песенку, в которой моряки В море кочегара хоронили.* — Народную песню «Раскинулось море широко...» («Кочегар»), получившую широкое распространение с начала XX в.

ИРЛАНДСКАЯ ЗАСТОЛЬНАЯ

В землянке патефон поет
Застольную баском.
Окопный слушает народ,
Собравшись за столом.

Издалека в края войны
Пришла печаль сюда...
Поет сынам чужой страны,
И скорбна и горда.

Поет подряд который раз —
Уже не сосчитать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать...»

Шипит и молкнет черный диск,
Гремит война вокруг.
За дверью слышен мины визг
И в дверь — осколков стук.

Но тут же кто-то встал из нас
И начал напевать:
«Миледи смерть, мы просим вас
За дверью подождать!..»

1943

ПРИМЕЧАНИЕ. «Ирландская застольная» — ирландская застольная песня Л. ван Бетховена (русский текст А. П. Глобы).

* * *

Руками, огрубевшими от стали,
Писать стихи, сжимая карандаш.
Солдаты спят — они за день устали,
Храпит прокуренный насквозь блиндаж.
Под потолком копилка замирает,
Трещат в печурке мокрые дрова...
Когда-нибудь потомок прочитает
Корявые, но жаркие слова
И задохнется от густого дыма,
От воздуха, которым я дышал,
От ярости ветров неповторимых,
Которые сбивают наповал.
И, не видавший горя и печали,
Огнем не прокаленный, как кузнец,
Он предкам позавидует едва ли,
Услышав, как в стихах поет свинец,
Как дымом пахнет все стихотворенье,
Как хочется перед атакой жить!..
И он простит мне в рифме прегрешенье...
Он этого не может не простить.

Пускай в сторонку удалится критик:
Поэтика здесь вовсе ни при чем.
Я, может быть, какой-нибудь эпитет —
И тот нашел в воронке под огнем.
Здесь молодости рубежи и сроки,
По жизни окаянная тоска...
Я порохом пропахнувшие строки
Из-под обстрела вынес на руках.

* * *

И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова,
И тайный трепет вновь охватит душу,
И захмелеет разом голова,
И полночь вдохновенья не нарушит...

Быть может, предок дальний по реке
Плыл поутру и слушал скрип уключин,
Увидел дым становья вдалеке,
Холм, облака — весь мир в красотах жгучих,—

И вдруг запел, и звук пленил его,
Заныло сердце неизвестной властью...
Вот так и ты: творишь, и ничего
Нет выше для тебя, чем это счастье.

1945

ПЛАВУЧАЯ КУЛЬТБАЗА

На сцене культбазы плавучей,
В кисейное платье одета,
В тоске по Ромео измучась,
Прощается с жизнью Джульетта.

Девчата из ближних колхозов —
Доярки, вязальщицы, жницы —
Сидят, и нестыдные слезы
Дрожат у девчат на ресницах.

Молчат, загрузив, плотогоны,
Колышется занавес алый.
Печальная песнь о влюбленных
Почти полсела взволновала.

А в окнах речная прохлада,
Плывет вологодская осень,
Дыхание дальнего сада
И трав увяданье доносит...

Подходят буксиры и разом
Свой ход убавляют на малый,
Чтоб не потревожить культбазу,
Волною не стронуть с причала,

Как будто на мостиках знают,
Что здесь умирает Джульетта,
И, тихо штурвалы вращая,
Уводят буксиры к рассвету.

А осень шуршит по откосу
Осокой, засохшею в глине,
И ветер из поля доносит
Старинную песнь о рябине.

1946

ПРИМЕЧАНИЯ. ...*В тоске по Ромео измучась, Прощается с жизнью Джульетта* — один из финальных эпизодов трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта» (1595). ...*старинную песнь о рябине* — народную песню «Что стоишь, качаясь...» на стихи И. З. Сурикова (1865).

* * *

Поэтов бессонница мучит в квартирах,
Раздумья тяжелого медленный час.
Утыкана перьями медная лира,
Гудит над чернильницей медный пегас.

Зевают маститые члены союза,
Спят жены и дети, погашена злость —
Прописана теща, и только для музыки
Жилплощади, видимо, здесь не нашлось.

Но ей нипочем, и куда-то, быть может,
Филолог ее провожает опять,
Твердит о заоблачных высях и хочет
Ее по-земному за плечи обнять.

Она на прощанье над ним посмеется,
Уйдет, не вернется, а может, потом
Полюбит без памяти вдруг краснофлотца,
Бездомного парня с обветренным ртом.

1946

ПРИМЕЧАНИЕ. *Пегас* — в греческой мифологии крылатый конь, символ поэтического вдохновения.

ПЕСНЯ

Л. П.

Начинается песня эта
На делянке, там, где костер,
В дым кудлатый сверху одетый,
Лапы жаркие распростер.

Он ломает сухие сучья,
Плещет пламенем у виска,
И для песни, пожалуй, лучше
В полночь места не отыскать.

Высоко, высоко и тонко
Тенор песню вывел, — она
Все о том, как жила девчонка...
А за тенором, как со дна, —

Бас, упрямый, тяжелый, низкий,
Поднимается на снегу,
И летят светляками искры,
Пропадая, шипя, в кругу.

Бородатые, в полной силе
(Седина легла у виска),
О девчонке вдруг загрустили
И запели два мужика.

И не то чтобы счастье мимо
Пронеслось у них, стороной,
И не то чтобы нелюдимы,
Одиноки в стране лесной, —

Просто хожено было много,
Этак лет, наверно, с полста,
По тяжелым земным дорогам,
И давалась жизнь неспроста;

Просто были, видать, невзгоды,
Просто трудно было не раз,
Просто вспомнили вдруг про годы,—
Так вот песня и родилась.

Высоко, высоко и тонко
К синим звездам летит она,
Как жила за рекой девчонка,
За рекой, за Шексной, одна.

1950

* * *

Когда искусство не было товаром,
В тот отдаленный примитивный век,—
Одетый в шкуры, наделенный даром,
К нему воззвал пещерный человек.

Он силой своего воображенья
Создал охоты пышные поля:
На скалах вдаль легко неслись олени,
Шел грозный мамонт, бивни закругля.

Он в них направил каменные стрелы,
Уверенным стремительным штрихом
Черта на камне и стрела летела,
И падали олени кувырком.

Ему все это душу веселило,
И думал он, что горе не беда.
И сила эта новая сулила,—
Да, он все может в мире!
Вот тогда...
Тогда искусство просто жизнью было,
Как сон, как солнце, как сама еда.

1952

ШУРА КАПАРУЛИНА

Стол предрика в солнечных накрапах,
Тополь отражается в стекле,
И лежит велюровая шляпа,
Как зеленый холмик, на столе.

С лектором из областного центра
Петр Степаныч разговор ведет,
Машинистка в «ундервуд» за стенкой
Осторожно, деликатно бьет.

К ней в окно влетает зелень мая,
Стук подков, автомашин гудки,
И влетела с ними золотая
Песня-птица с берега реки.

В двери, не стучась, без промедленья
Машинистка — волосы вразлет:
— Петр Степаныч, я прошу прощенья,
Шура Капарулина поет!

Удивленье гостя замечая,
Ничего не говоря в ответ,
Петр Степаныч радио включает —
И ворвалась песня в кабинет.

Молодой грудной, щемящий, властный
Голос разом всех зачаровал,
Будто близко пролетело счастье, —
Кто из нас о нем не тосковал?

В девичьей косынке над рекою,—
Все его по-разному зовут...
Песня льется, душу беспокоя,
И молчит за стенкой «ундервуд».

«Но нельзя рябине к дубу перебраться»,—
Шура Капарулина поет...
А немолодому ленинградцу
По районам предстоит скитаться,
И жена уж третий месяц ждет.

Имена певиц перебирая,
Чуть взгрустнув — немножечко устал,
Вот сидит он, недоумевая,
Оперы любитель, театрал.

— Кто ж такая это, в самом деле? —
У предрика свет из-под бровей:
— Мастерница кружевной артели,
Гордость наша, местный соловей...

Песня то замрет, то с новым жаром
Городок весенний захлестнет,
Над притихшей площадью базарной,
Над рекой у пристани плывет.

В парке, где поют на кленах птицы,
Из окошка радиоузла
Песня льется. Где же ей вместиться
В микрофон-скворечник у стола?

И шофер-парнишка с грузом срочным
Выключил мотор возле ворот,—

Он от песни уезжать не хочет...
Шура Капарулина поет!

1952

ПРИМЕЧАНИЕ. «Но нельзя рябине к дубу перебраться» — цитата из народной песни «Что стоишь, качаясь...» на слова И. З Сурикова.

* * *

М. Исаковскому

Рыжий дождик бегал с ветром взапуски,
Речку затопили небеса,
Солнце по небу ходило запросто,
Но происходили чудеса.

С неба лес спускался к речке лесенкой,
Колокольцы падали с весла,
И нехитрая, как полдень, песенка
В том краю родилась и пошла.

С ней сдружились плотники и пахари,
А у них дела по всей земле;
Услыхав ее, баяны ахали
Даже в самом песенном селе.

А была она короче коротка,
Ничего особенного в ней,
Но, видать, в ней что-то людям дорого,
И они сочли ее своей.

Даже в океане Атлантическом
Кочегар сменился у котла,
И под небом душным и тропическим
Песня, как над Волгой, поплыла.

Значит, в ней жила, звучала русская,
Грустная в тот миг, душа-краса

И звала домой, как тропка узкая...
Так и происходят чудеса.

1953

ПРИМЕЧАНИЕ. *Исаковский* Михаил Васильевич (1900–1973) — русский советский поэт.

* * *

Человеку холодно без песни.
На земле, открытой всем ветрам,
Я не знаю: в мире место есть ли,
Где не верят песням, как кострам.

Песни на земле не сочиняют,—
Просто рота городом пройдет,
Просто девушки грустят, мечтают
Да гармошку кто-то развернет.

Белая береза отряхнется,
Встанет под окошками в селе,
Сердце чье-то сердцу отзовется,—
И поется песня на земле.

Как лесам шуметь, рождаться людям,
Ливням плакать, зорям полыхать —
Так и песня вечно в мире будет,
И ее не надо сочинять.

1957

ГАРМОНИКИ

Над базаром музыка властвует,
Сто гармоник поют в углу,
Голубые, алые, красные,
На морозе поют к теплу.

Пар кудлатый клубит над лицами,
Снег укатан, словно каток.
Люди скидывают рукавицы и,
Свой трех отвернув чуток,

Наклоняют ухо и слушают,
Выбирают ту, что нужна,
Чтобы тешила вдоволь душу им,
Голосиста была и нежна.

Выбирают свою, особую,
Среди тысячи голосов.
И на слух и на ощупь пробуют
Песню, пляску, грусть и любовь.

Уж чего бы так, ведь гармония,
Не орган тебе, не оркестр...
Эх, гармония — филармония,
Да и опера сельских мест.

За нее трудовые, кровные
Отдают без боли рубли.
На плечо ремешок, и, словно им
Привалило счастье, — пошли.

Лесорубы, шоферы, пахари —
Все поклонники красоты...
А гармони поют и ахают,
И цветут на мехах цветы.

А базар еще пуще прежнего
Дымный воздух рвет городской
Громкой удалью, грустью нежной,
Буйной радостью и тоской.

1958

ВЕЧЕР СТИХОВ В КОЛХОЗЕ

В колхоз далекий в пору сенокоса
Приехал я, чтобы стихи читать,
А после отвечать на все вопросы,
Какие станут люди задавать.

Здесь никогда поэтов не бывало,
Но мной в сельпо, между сапог и вил,
В строю брошюрок, желтых, залежалых,
Твардовский все же обнаружен был.

Вещала всем с дверей сельпо афишка
О том, что я писатель СССР,
А в клуб пришли девчонки и мальчишки,
Учительница, фельдшер, инженер.

Но я был рад. Колхоз встает с рассветом,
Лишь три часа за сутки спит колхоз.
Ему не до артистов и поэтов —
Бушует по округе сенокос.

Что мог бы я прочесть ему такое,
Достойное не просто трудовдня,
А солнца в сенокос, росы и зноя,—
Нет, не было такого у меня.

И среди белых полевых букетов
Над кумачовым заревом стола
Я призывал на помощь всех поэтов,
Которых мать-Россия родила.

А в зале льны цвели, цвели ромашки
На длинных лавках, выстроенных в ряд,
И тишина: ни шороха, ни кашля,
Лишь было слышно — комары звенят.

За окнами домой проплыло стадо,
Закат погас и смолкли петухи.
Три женщины вошли и сели рядом
В платочках новых, праздничных, тихи.

На темных лицах, как на негативах,
Белели брови, выгорев дотла,
Но каждая из них, видать, красива
Когда-то в девках, в юности была.

Они отдали все без сожаленья
Полям и детям, помня о мужьях,—
Мне пусты показались сочиненья,
Расхваленные критикой в статьях.

И я прочел для этих трех солдаток,
Примерно лет моих, немолодых,
То, что на фронте написал когда-то
Не как стихи, а про друзей своих...

1959

ПРИМЕЧАНИЕ. *Твардовский* Александр Трифонович
(1910–1971) — русский советский поэт.

* * *

О чем поют гитары в поезде
После недельного труда,
На лавках, в пригородном поясе,
О чем тоскуют города?

Поди послушай, сядь поблизости.
Под стук колес гитара бьет...
Но не спеши в итоге вывести:
Так вот о чем поет народ!

Поет! Ты понял? Черта лысого!
Ползут, грохочут поезда.
И в клубах дыма брызжут искрами
Натянутые провода...

1959

* * *

Как повелось издревле на Руси,
Стихи читали площадям поэты.
Они вставали не на небеси,
Но поднимали над собой рассветы.

Береза пела, рыкала труба!
Я не о тех, приказчиках с базара,
Кому его величество толпа
Была дороже истины и дара.

В развороченном бурей бытии
Один вставал, не вслушиваясь в рокот,
И уводил в луга, в поля свои,
Поближе к небу, в тишину, далёко.

Другой, когда и белый свет не мил,
Шел. Рукава засучены немного,
Наотмашь бил и в чувство приводил,
И слушали его потом, как бога.

Береза пела, рыкала труба,
Все рощи за одной и за другою
Неотвратимо, грозно, как судьба,
Шли, как войска, построенные к бою.

1959

КОНЦЕРТ

Начинается, начинается,
Алый бархат уходит вбок.
Выплывают на луг красавицы,
Оживает старый лубок.

Сарафаны цветные тканые,
Из сафьяна все сапожки.
Как негаданные, нежданные
Гуси-лебеди вдоль реки.

Гуси-лебеди, струи в лепете,
Ивы падают с высоты.
Солнце в небе встает из небыли,
Поднимается из мечты.

А по залу летит дыхания,
Вздоха радостный ветерок.
А на сцене зорь полыхание,
И под сердцем вдруг холодок.

Это так ведь мечтали прадеды,
Предки наши о красоте,
О несбывшейся и ненайденной,
Как о дали и высоте.

Пусть у нас своя, непохожая
И мечта есть и красота.
Непохожая, только что же мы
Восхищеньем томим уста?

Даль иная, высоты новые,
Только замер вдруг, замолчал
И любуется облюбванной
Красотою сегодня зал.

Видно, есть в ней самое главное,
Без чего не быть красоте,
И выходит она как равная
К нашим помыслам и мечте.

1961

* * *

Далекое становится все ближе,
Уже Луна — и та доступна нам.
Наука движется вперед и движет
Весь мир навстречу новым временам,

Когда близки любые станут дали
И суть вещей сокрытая ясна.
Но как измерить радость и печали,
Ее вершины и глубины дна?

Но как приблизить, одержав победу
Над бездной, разделяющей собой
Далекий, как созвездье Андромеды,
Мир человеческой души иной?

Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен,
Дант —

Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.

Они одни ничем не заменимы,
Без них на счете через все года
Немыслимы и неосуществимы
Гармония и счастье никогда.

1962

впервые достигла Луны в 1959 г. *Дант* — итальянский поэт Данте Алигьери (1265–1321), автор монументальной поэмы «Божественная комедия», философских и политических трактатов.

* * *

Я на войне писал стихи украдкой,
Скрывал стихи от посторонних глаз,
Под картой в сумке прятал я тетрадку.
Друзья просили: напиши про нас!

Про то, как писем ждем,
Про то, как у сержанта
Жена в тылу с другим,
Не прячься, не таясь...
Про то, как мы тоскуем.
Ты таланта
Не пожалей
И напиши про нас.

А я стихи писал, когда все спали.
Все про себя писал.
Как тосковал я сам,
Как писем ждал,
Хотел, чтоб вспоминали,
Не забывали... Я отказывал друзьям.

Я говорил им, сонным и усталым:
Отстаньте, я пишу письмо домой...
Домой! И лица им улыбка озаряла,—
Прости, пожалуйста, само собой...

Они валились в сны свои на нары,
Коптилка замирала в тишине,
И я писал, за то им благодарный,
Что не мешали мне.

А ночь в громах ворочалась снаружи,
 Стучала пулеметною строкой.
 Я юным был, и было мне не нужно
 Заемных чувств, чтоб быть самим собой.

1963

* * *

Леониду Мартынову

Говорил мне старый поэт,
Что он едет туда на лето,
Где ледник свой оставил след
И теперь давно его нету.

Есть там тихий лесной сельсовет,
Валуны на полях валяются;
Что там есть и чего там нет,
То найти он там попытается.

Должен там остаться след
Наших предков эпохи каменной.
Не горшки, не землянки. Нет!
След души их живой и пламенной.

Говорил это старый поэт,
Говорил и хитро поглядывал,
Что скажу я ему в ответ
И пойму ли это как надобно.

Я представил себе сельсовет,
Тихий, временем позабытый,
И как ищет старый поэт
След искусства палеолита.

Петухи в деревне кричат,
Валуны от росы намокли.
Вот идет он, палкой стуча,
По полям с голубым биноклем.

Слышен мамонтов грустный рык,
Горы льда в небесах, как кровля.
Наступает на мир ледник,
Гасит пламя костров в становье.

Но упрямо на валуне
Углем, глиной красной на плитах
Спорит с временем при луне
Человек из палеолита.

В бороде его тает лед,
С голодухи гнутся колени,
Но рубилом он создает
Образ девы и образ оленя.

Стаи птиц несутся на юг,
Как сухие листья по свету,
И резец кремневый из рук
Человек отдает поэту.

В небе белый ракетный след
Над лесным сельсоветом новым,
И стоит там старый поэт,
А в ладони резец кремневый...

1969

ПРИМЕЧАНИЕ. *Мартынов Леонид Николаевич* (1905—1980) — русский советский поэт.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ПУШКИНА

В Михайловском гремело лето
Во все свои колокола.
И птичьи пенья — хором с веток,
И в небе — волнами тепла.

Лесов возвышенные кущи
Купались в солнце и ветрах,
Был настужь день открыт, как Пушкин
Перед Россией на горах.

С утра к нему по доброй воле
Летели через всю страну.
И просто, как на богомолье,
Пешком шагали в старину.

Я вновь узнал тебя, Россия, —
У тихой Сороти-реки
В глазах негаснущею синью
Твои светились васильки.

Твои обветренные лица
Цвели крестьянской добротой —
В платочках праздничных из ситца
С застенчивою простотой.

И как на ярмарке гармони
Среди транзисторов редки,
Как средь машин лихие кони
Здесь становились на дыбки.

А люди шли и шли без счета,
Ревело от машин шоссе,
И радуга в свои ворота
Впустить не успевала всех.

И я, в густой толпе затерян,
Как в сказке мед и пиво пил,
Глядел, своим глазам не веря,
И веселился, и грустил.

Мне здесь на дружеской пирушке
Народ в тот день постичь помог,
Как Александр Сергеич Пушкин
Был в краткой жизни одинок...

1969

ПРИМЕЧАНИЯ. *Михайловское* — село в Псковской области, родовое имение Пушкиных. *Сороть* — приток реки Великой, на берегу которого стоит Михайловское.

САРЬЯН

Не о чужих заморских странах,—
Им всем привет, всем исполать! —
Я об Армении Сарьяна,
Где мне случилось побывать.

Там в деревянном мезонине
Сидит седой старик в углу,
Стоит картина на картине,
Лежат картины на полу.

Пчела по комнате летает,
Слегка кружится голова.
То красная, то золотая
Земля, и синь, и синева.

И я меж них, как бы по тропке,
На эти глядя чудеса,
Иду внимательно и робко,
Чтоб не сорваться в небеса.

В туманном граде Ленинграде,
Когда на выставках бывал,
Я, на его картины глядя,
Не очень краскам доверял.

И вдруг армянская столица,
И за окошком Арарат.
В картину можно оступиться,
И будешь сам себе не рад.

Прощай, искусства и науки,—
Меня сгубила бирюза...
Большие плотницкие руки,
Прямые цепкие глаза.

Что знал я раньше о Сарьяне?..
Ко мне неторопливо встал,
Весь солнцем обожжен, крестьянин
Среди своих долин и скал.

И стало все легко и просто,
Здесь не библейские поля,—
Его сады, озера, звезды —
Им сотворенная земля.

Трудился рук не покладая,
Был у него на это срок,
И так же в этот час, когда я
К нему переступил порог,

Уже уверен без опаски,
Что правда все, а не обман,
Как мир, в котором брал он краски,
Художник Мартирос Сарьян.

1972

ПРИМЕЧАНИЯ. *Сарьян* Мартирос Сергеевич (1880—1972) — армянский живописец, народный художник СССР. *Арагат* — вулканический массив Армянского нагорья; находится на территории Турции; отражен в библейском сюжете о Всемирном потопе; в наследии Сарьяна есть картина «Долина Арагата» (1945).

* * *

Дождик льет, собака лает,
Кот на крыше загорает,
В огороде мак цветет,
Ест медведь в саду малину,
Рыбы плавают в пруду,
Пруд замерз наполовину,—
На одном конце, на льду
На коньках идет катанье,
В теплых шубах детвора,
На другом всю купанье,
Золотой песок, жара...

Это все рукой отважной
В полчаса сотворено
На одном листе бумажном
И к стене приклеено!

1972

ГАРСИА ЛОРКА

*Художнику
Андрею Мыльникову*

Он убит и зарыт
При дороге в Гранаду.
Там и крест не стоит,
Да и, может, не надо.

Лишь колючки растут,
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.

Неизвестно деревни название,
Нет холма, где лежит его тело.
Говорят, что в Испании,
Говорят, что в Испании
Было совершено это дело.

Даже имя давно
Там на родине всеми забыто,
И молчит она.
Но
И молчит, потому что убит он.

Лишь колючки растут
И вдали поднимаются горы.
Совершается суд,
Совершается праведный суд
И не скорый.

Не отринув позора,
Бежит ручеек безъязыко.
Поднимаются горы
В молчанье великом.

И беззвучно гитары
Бренчат в кабачках до рассвета.
Не обходится даром,
Никому не обходится даром
Убийство поэта.

1975

ПРИМЕЧАНИЯ. *Гарсиа Лорка* Федерико (1898—1936) — испанский поэт и драматург; расстрелян фашистами. *Мыльников Андрей* Андреевич (род. 1919) — художник, автор «Испанского триптиха», в состав которого входит картина «Смерть Лорки». *Гранада* — город на юге Испании.

Виталий Коржиков

* * *

С. Орлову

*Шершавые пальцы темней наждака,
Тяжелые вены натруженной вязки...
— Зачем у поэта такая рука?
— А это от вахты, от кисти и краски.
Граненые скулы горят от рубцов:
Рубцы по надбровьям, ожоги — на темном.
— Зачем у поэта такое лицо?
— А это от боя, от шторма, от домны.
Крутые бугры напряженного лба
Над бегом штурвала, над трудной строкою.
— Зачем же поэту такая судьба?
— Такое призвание. Время такое.*

Во владениях любви

---

* * *

Обвалились небесные хляби,
Фронтovou дорогу гвоздя...
Мне припомнился город Челябинск
Весь в столбах голубого дождя.

И девчонка с туфлями босая
В подворотне случайно со мной,
И, плечами друг друга касаясь,
Разговор ни о чем под стеной.

А потом над рекою Миусом
Поцелуи. В кино шепоток.
Расставанье. И горлинкой грустной
Прозвучавший с перрона свисток.

Паровоза ответная песня,
Полный ветра и стука вагон,
И над поездом дождик отвесный,
Вслед летящий второй перегон...

Обвалились небесные хляби,
Льет вода через щели под люк...
Почему-то я вспомнил Челябинск
И девчонку далекую вдруг.

1942

ПРИМЕЧАНИЯ. ...над рекою Миусом — ошибка Орлова: Челябинск стоит на реке Миасс; Миус — река, протекающая по территории Ростовской области и Украины. ...под люк... — под люк танка.

* * *

Я своих фотографий тебе не дарил
И твоих не просил с собой,
О тебе никому я не говорил,
Уходя на рассвете в бой.

Это только поэты пишут в стихах,
Это только в песнях поют,
Будто женская верность на дымных полях
Охраняет солдат в бою.

Ожиданием пули не отведешь,
Заклинать судьбу ни к чему.
Будто ты меня силой любви спасешь,
Я не верю совсем тому.

Позабудешь, устанешь ждать за года...
Если мертвым я упаду,
Схорони, забудь,— я живой и тогда
Непременно назло приду.

1944

* * *

Знаю я, в песчаник иль суглинок
Мне придется все же мертвым лечь,
И земли тяжелой пол-аршина
Мне насыпят на воскрылья плеч.

Мне земли не скинуть, столб не сдвинуть,
Но по истеченью многих лет
Стану я песком, пахучей глиной,
И меня тогда на белый свет

Извлечет гончар, веселый, рыжий,
И из глины вылепит кувшин,
На огне меня до звона выжжет
И продаст на рынке за алтын...

И девчонка в жаркий, пьяный полдень,
Встретится с какой не довелось,
Ключевой водой меня наполнив,
Поцелует, жадная, взасос.

1945

* * *

Всю вселенную проехав с боем,
В городок сосновый вологодский
С орденами на груди, героем
Паренек из армии вернется.

В танке он прошел такие дали,
Видел Вену, Прагу золотую.
Нежные паненки улыбались
В Кракове ему напропалую.

Шел он по проспектам Бухареста
И по тесным улицам Софии.
Милых много видел, а невесту
Все ж придется выбирать в России.

Ведь недаром в песенке поется:
Не найти ее по всей вселенной.
В городке сосновом вологодском
Он ее увидит непременно.

В Белозерске, может быть, иль в Вашках
К пристани выходит, ожидая,—
Всех милей и всех на свете краше,
Светлая, хорошая, простая.

1945

ПРИМЕЧАНИЕ. *Вашки* — деревня на северном берегу Белого озера.

* * *

Я сегодня вышел в ночь влюбленный,
В мир до самых отраженных звезд.
Не дергач скрипел во ржи зеленой,
То земная скрежетала ось.

Шар крутился, накренясь грозно,
Так, что сосны дикие в лесу
С неба заполуночные звезды
Сучьями сшибали, как росу.

Как ерши в воде густой, зеленой
Стаями, сверкая чешуей,
Шишек рыжеватых миллионы
В хвое проносились предо мной.

И казалось мне, что стал я тоже
Деревом косматым средь дорог,
И по мне необъяснимой дрожью
Прянул жизни бессловесной ток...

1945

* * *

Падает с неба тихо звезда,
Травы звенят под ногами в росе,
Что мне сейчас на звезду загадать,
Чтобы желанья исполнились все?

Танцы играет гармонь за рекой,
Моет вода камыши в тишине,
Месяц березовой желтой клюкой
Щупает черные камни на дне.

Вот погрущу, у реки постою,
Встречи с тобой помяну и пойду,
И про рябину негромко спою,
И, помолчав, закурю на ходу.

1945

* * *

Любимая, ко мне приходит снова
Старинная изведенная грусть,
И я ее сегодня за основу
Беру и наговоров не боюсь.

Я шел к тебе по опаленным верстам,—
Еще ты дальше от меня сейчас.
Пусть стих мой на бессоннице заверстан,
А ты спокойно дремлешь в этот час.

Но я припомню старые рассветы
И те полузабытые слова,
Своей короткой юности приметы,
За далью различимые едва.

Что ж, в юности мы все клялись когда-то
Любить до смерти, глядя на луну,
Но, смерть и жизнь познавшие солдаты,
Над этим не смеялись и в войну.

Мы пронесли воспоминанья эти
В тяжелых танках, в дымной духоте,
Сквозь грязь и кровь по яростной планете
В своей первоначальной чистоте.

И я пришел, и я спросил в тот вечер,—
Ты усмехнулась, ведь любовь прошла,
Но даже дерзко дрогнувшие плечи
Сказали больше, чем бы ты могла.

Серебряным копьём пророкотала
Над миром журавлиная труба.
Да, злую шутку все-таки сыграла
Над нами пресловутая судьба.

1945

* * *

Пусть оборот вокруг оси
Земля спокойно совершила,
И прошлого не воскресить
Уже нам никакою силой.

Я все ищу вчерашний день,
Любые принимая меры...
Клубит по-прежнему сирень
По палисадникам и скверам.

Твой след, впечатанный в песок,
Давно исчез с дорожек сада.
Его сегодня пересек
Рассветный ветер без пощады.

А я хочу, чтоб миг любви
Весь мир вращающая сила,
Вспять шар земной оборотив,
Из прошлого мне возвратила.

1946

* * *

Не забыл я тебя,
Но грустить не грущу, не тоскую...
Просто ветры трубят,
Просто где-то кукушка кукует.

Дождь прошел стороной,
В небе радуга разом повисла
Над березкой лесной,
Надо мной золотым коромыслом.

Показалось мне просто,
Что все это было, все было:
Дождь, кукушка, березка,
Что ты обо мне не забыла...

Просто девушка встречная
Мне озорно улыбнулась
С золотого крылечка,—
И вдруг, без причины, взгрустнулось.

1946

* * *

О далеком селении Чайка,
О зеленой реке Шексне
Полюбилась мне сказка-байка,
Сказка-байка пришла ко мне.

У причалов навек знакомых
На зеленой реке Шексне
Кипень белых кустов черемух
Лебедями плывет по весне.

Подплывает к твоим окошкам,
Задевает тебя крылом.
По лесам расцветает морошка,
Земляника цветет за селом.

Ты окошко раззавеси,
Чтобы было светло, чтобы
Лебединым пухом и песней
Замело половину избы.

Гармонисты кадрили выносят,
Девки издали к ним идут,—
Только мне с тобой по покосам
Не ходить, как в ином году.

Не гадать по ромашке белой:
Любит, плюнет, к черту пошлет...
Синеглазый, русский, умелый,
Парень ждет тебя у ворот.

Я теперь далеко-далёко
 От тебя, от Шексны-реки,
 От черемухи белой, только
 Не уехать мне от тоски...

1946

* * *

Л. П.

Ты любовь не зови,
Коль ушла она прочь от порога.
От несчастной любви
Есть отличное средство — дорога.

Километрами меряй
Летающее время разлуки.
Позабудешь потерю,
Коль занято сердце и руки.

Поброди по тайге, задубей
От наждачных ветров на заимках,
От железных дождей,
От мороза и льда, от зазимка.

Топором поработай
И горы порви аммоналом,
Все забудь и, припомнив кого-то,
Вернись и влюбляйся сначала —

В синеглазую девушку,
Вовсе не схожую с тою,
Не подумавши (где уж там!),
Стоит любить иль не стоит.

И нагрянет любовь,
От которой некуда деться,
А коль влюбишься вновь —
Помогло, значит, верное средство!

1947

* * *

На чужое заглядеться счастье,
Загрустить о близком, о своем.
Если б это было в нашей власти —
То, что в жизни мы судьбой зовем.

Дальние неясные дороги,
Сроки расставаний, числа встреч.
Огонек неведомой тревоги,
Что до лет преклонных не сберечь.

Люди пьют свои воспоминанья
Будто многолетнее вино.
Там, в подвалах нашего сознания,
Напиталось крепостью оно.

Давности хотя бы пятилетней
Пью воспоминания глоток...
Девушка на розовом рассвете,
Сонных палисадов холодок.

Где она?.. Текут, как воды, годы.
Отхлестали штормы, тишина.
По веселой, солнечной погоде
Где-то ходит легкая она.

Вовсе о тебе не вспоминая,
По ночам в далекой стороне
Не твое — чужое называю
Имя неизвестное во сне.

У тебя же в войнах и дорогах
Все прошли другие стороной.
На сердце по-прежнему тревога
И тоски неназванной отстой.

Давние истершиеся даты,
Юность, счастье, светлая пора —
Стоят ли они одной солдата
Горестной улыбки у костра?..

1946

СТАНЦИЯ ВАЛЯ

Л. П.

Легким именем девичьим Валя
Почему-то станцию назвали.

Желтый домик, огород с капустой,
Поезд не стоит и двух минут,
На путях туманно, тихо, пусто...
Где ты, Валя, проживаешь тут?

Подступают к паровозу сосны,
Охраняя станции покой.
Валя, Валя, выйди, как березка,
К семафору, помаши рукой.

Видно, был влюбленным тот путеец,
Инженер, чудак немолодой:
Полустанок в честь тебя затеял
С краткою стоянкой путевой.

На минуту. Постоять, влюбиться!
Стукнут рельсы, тронется вагон.
Я хотел бы здесь остановиться
Навсегда у сердца твоего.

У тебя по самый пояс косы,
Отсвет зорь в сияющих глазах...
Валя, Валя, где-то за откосом
Голос твой мне слышится в лесах.

* * *

Без тебя и день не в день,
И время
Потеряло грани и черты.
Клятвами клянусь тебе я всеми:
Нынче миром управляешь ты.

Вдруг захочешь, чтобы мне светило
Солнце с неба, подойдешь одна,
Улыбнешься милой, самой милой
Из улыбок,— станет даль ясна.

Станет небо синим и огромным,
Все забуду, ревность и печаль,
Будто счастьем грозным, неумным
Одарила,
И ничуть не жаль

Ни ночей бессонных, ни мучений,—
Все отдам, и так готов года
Ждать опять подобного мгновенья,
Ревновать, казниться и страдать,

Чтоб потом, как бы средь страшной бури,
Погибая и идя ко дну,
Увидать вдали клочок лазури
И на миг поверить в тишину.

* * *

По одной нам земле ходить,
И под солнышком, и под месяцем,
Так положенный век прожить,
Что во веки веков не встретиться.

От печалей и от тревог
Не убавятся годы странствия.
Все мне чудится, как рожок
На забытой смолкает станции.

Все мне видится синий бор,
Желтый домик под красной крышею,
В чистом поле дымный костер,—
Только имя твое слышу я.

1948

ИЗ ПОЭМЫ «СВЕТЛАНА»

Вышел вечер, облака раскинув.
День окончил все свои дела.
Выйди на прогулку, Валентина,
Вдоль по главной улице села.

Мимо палисадников и окон,
Тонкая, в батисте голубом,
Повстречайся, будто ненароком,
С нами, Валентина, за селом.

Я уйду, я вам мешать не стану, —
Третий — лишний, что ни говори.
Вот уже неторопливо вянут
Краски застоявшейся зари.

Вышла.
— Вечер добрый!
— Добрый вечер! —
Вся она красива без прикрас.
Острые мальчишеские плечи,
Синее сиянье ясных глаз.

Голубая блузка, плащ внаброску
Белого, что пена, полотна.
Всем ветрам открытая прическа,
Как костер, закатом зажжена.

Счастье дай такой вот — не обронят
Ни в грозу, ни в бурю, ни в беду

Маленькие твердые ладони...
Что же, попрощаюсь и пойду.

— У меня дела...
— Идемте с нами.
— Нет, увольте.
— Ну, Степан, пока...—
Ухожу, ломая сапогами
Прутики сухого лозняка.

Огонек мерцает над плотиной
С неба опустившейся звездой.
Вот они проходят с Валентиной,
Тихие, над медленной водой.

Говорят, идут. Поцеловаться
Не спешат. На зоревом пути
Что спешить, когда им, может статься,
В жизни вместе далеко идти —

Так вот, никогда не разлучаясь,
У плеча плечо. А вечер тих...
Розовая пена иван-чая
Плещется на гребнях голубых.

Вот они поднялись на плотину.
Силуэты вычертил закат...
Вечер. Вербы. Тени. Валентина.
И во ржи коростели кричат!

* * *

Впервые в жизни на земле большой,
Где сто морей, материков и неба,
Я понял здесь, что мы живем душой,
И стал таким, каким еще я не был.

Не открывался предо мной простор,
Я не всходил на облачную гору,
Весь в медных пятнах полыхал забор,
И дым сирени стлался по забору.

Калитка да железное кольцо,—
Одно навек из колец обручальных,
И в темноте светящейся лицо
Вдруг полыхнуло вечной далью.

Здесь счастье мне сказала тихо: да!
И скрылось за калиткой, за забором.
Но дух перехватила мне тогда
Та высота, с которой меркнут горы.

1950

НА ВОКЗАЛЕ

Метет на перроне вокзала пороша,
Люди снежок у вагонов толкут.
Вот отправляется парень хороший,
Окончив строительный институт.

Целых полкурса пришло прощаться
Веселых, горластых, дружных парней:
Возле дружка своего толпятся,
А парень думает лишь о ней —

О ней, что вниманья не обращает,
Поближе к вагону не подойдет,
Ждет отправленья, видно, скучая,
От нечего делать перчатки мнет.

Стрелки торопятся по циферблату —
До отправленья минуток пять...
Нет чтобы тут вот уйти ребятам,
Другу несмелому не мешать.

Все, что в душе у него томится,
Руки на плечи ее положив,
Сердце заставив потише биться,
Он бы сказал — и остался жив...

А девушка, видно, о том не знает;
Из факультетских девчат она
Самая бойкая и озорная —
Вдруг присмирела, стоит одна.

Что-то глаза на ветру слезятся,
Руки со злостью перчатки мнут, —
Нет чтоб друзьям отойти догадаться
И отвернуться на пять минут.

И все, что в душе она год хранила
И не промолвила с глазу на глаз,
Тут бы сказала, не утаила,
Без недомолвок и колких фраз.

Но раздается гудок прощальный,
Зажег паровоз на груди звезду,
Тронулся, двинулся поезд дальний,
Прыгает парень в него на ходу.

Так и не сказано слово это,
Слово единственное на двоих,
Полное радости, счастья, света,
Самое лучшее слово для них.

Только ведь дело, друзья, не в этом,
Будут дороги и города,
Вечно летящие в зиму и лето,
Встречу сулящие поезда...

1950

* * *

На Большом Гнездиновском
В доме десять ли, восемь ли,
Что напротив аптеки,
Красным камнем одет,
Проживает красивая,
Рыжеволосая
Одинокая женщина
Двадцати восьми лет.

У нее есть друзья.
И звонки телефонные
Вопрошают квартиру
О ней допоздна.
У нее есть поклонники,
Честно влюбленные,
Но всерьез не считается
С ними она.

Утро раннее
Сыплет стальные горошины
Из будильника на пол,
И, словно в ответ,
Закрывая глаза
На мгновение ладошками,
Словно девочка,
Женщина смотрит на свет.

Тесных туфелек стук,
У кровати поставленных,
Открывает дорогу

Знакомых забот.
Папироска измятая
Ртом окровавлена,
Выпит чай,
Сунут в сумку с собой бутерброд.

Ах, как много их —
В тужельках дробных, начищенных —
С баннным ветром
Выносит метро поутру
На Тверском, на Арбате, на Пресне!..
И сыщешь ли
Ту, что тоже спешит
На студенном ветру?..

1953

ПРИМЕЧАНИЯ. *Большой Гнездииковский, Тверской, Арбат, Пресня* — переулок, бульвар и улицы в Москве.

СТИХИ О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Л. П.

Я встретил женщину одну
И вспомнил о девчонке русой.
Весь город был у ней в плену —
Глаз, песенок, проказ и вкусов.

Весь деревянный рай земной,
Черемуховый, двухэтажный,
Со средней школой, с тишиной,
Со змеем в облаках бумажным.

Мы не встречались десять лет.
Лет шесть не знали друг о друге...
Из-под ресниц прохладных свет
Метнулся в радостном испуге.

Она — и не она, собой,
Как светом, день преображая,
Красивая, передо мной
Стояла женщина чужая.

Я девочку любил тогда.
Есть память: с этого вокзала
И в юность ходят поезда.
«Ты помнишь?..» — девочка сказала.

Я оглянулся —
Сердце сжалось:
Разлукой сожжена дотла,

Любовь передо мной предстала,
Как степь от солонца бела.

Два-три куста воспоминаний
На ней пока еще росли,
Не зелень, а одно названье,
Все пожелтевшие, в пыли...

А дальше пепел трав горелых
И отпечатки в нем цветов,
Когда-то синих, алых, белых —
И я заплакать был готов.

Но предо мной, открыта свету,
Стройна, лукава, смущена,
Стояла и ждала ответа,
Как даль весенняя, она.

Звала она щемящей грустью,
В которой солнце, тишь, гроза...

И я забыл девчонки русой
Проказы, песенки, глаза.

1954

* * *

Над тихими столицами районов
Сейчас идет бесшумный звездопад,
И у калиток, райских врат влюбленных,
Негромко кольца на груди звенят.

В черемухе и звездах ночь кружится
Необычайной, редкой красоты.
В такую пору спать грешно ложиться,
А я домой пришел до темноты.

Попил чайку, перечитал газеты,
Спокойной ночи пожелал жене,
И вот она, своим теплом согрета,
С подушки рядом дышит в ухо мне.

И я прощался у калитки тоже,
Из рук любимой отбирал кольцо,
И целовал прохладное до дрожи,
Во тьме ночной сиявшее лицо.

И надо мной в черемуху летели
Бесшумно звезды с высоты небес,
Кружился мир и соловьи немели,—
Был полон белый свет простых чудес.

1957

* * *

Под атласным одеялом —
Солнцем полное плечо,
Лен волос, румянец алый,
Золотой пушок у щек.
Ты, наверное, не встала,
До сих пор ты спишь еще.

С вечера метель мела,
Мир калила добела,
Лес молил январь о чуде,
Но казалось, что не будет
Больше света и тепла.

А сейчас для всех влюбленных
В окнах свету терема,
Снегу полная зима,
День — царь-колокол червонный —
Полон звону, разума.

Милая моя краса,
Я ль не верил в чудеса,
Посмотри: не шелохнутся
Вплоть до полюса леса,
В воздухе дымки, как блюдца,
Днем с огнем в лесу лиса, —
Не пора ль тебе проснуться,
Милая моя краса.

1958

ИЗ ПОЭМЫ «ОДНА ЛЮБОВЬ»

Меня в любви не стерегли удачи,—
Любил ее, как грех, за красоту,
За низкий голос с трещинками плача
И смеха ключевую чистоту.

Волос летели солнечные кольца,
И, счастьем и разлукою грозя,
Глаза глядели серые, с монгольским
Косым разрезом, стрелами глаза.

А ноги были у нее от шеи,—
Попробуй за такую угонись,
Но если и погонишься за нею —
Так времени не хватит, надо жизнь.

Она, как ветер, не давалась в руки,
И вдруг сама могла тебя обжечь
И заявить, что это так, со скуки,
А не любовь, и не об этом речь.

Над городком сходились зори лета...
Черемуха гуляла, как зима.
Смолою пахли до ночи, нагреты,
Заборы, тротуары и дома.

Ночей июньских белый плеск и пламень
Стоял, бушуя, звезды погасив,
Над озером за синими лесами
Нас на короткий миг соединив.

Да, молодость была еще причиной,
Неясное брожение в крови.
Там, где бродили мы, как бедуины,
В торжественных владениях любви;

Где вдруг на миг она к тебе прижметя,
Пред тем как скрыться на крыльце впотьмах,
И женское мелькает превосходство,
И любопытства холодок в глазах.

Ах, эта дробь по мостикам дощатым!
Стучат, стучат беспечно каблучки.
Я слышу вновь их, как слышал когда-то,
Всегда близки и вечно далеки.

Стук каблучков по памяти, по датам,
По странам, по дорогам, городам
Мальчишке слышен, слышен и солдату,
И слышен нынче, к сорока годам..

1959

* * *

Две крутых соболилки
Над рекой-синевой.
С торжеством и грустинкой
Низкий голос грудной.

Темным вишеньем спелым
Тронут маленький рот.
Золотых, загорелых
Плеч покатый полет.

Словно вверх по ступеням,
На тропе полевой
С ней летит по коленям
Синий ситец волной.

И встает и не сводит
Глаз при встрече народ,—
Словно юность проходит,
Словно счастье идет.

1961

ЧЕРЕМУХА НА ПЕТРОГРАДСКОЙ СТОРОНЕ

На Петроградской расцвела черемуха.
Вы слышали, вы видели ее?
Она стоит вся белая, огромная,
Как сказка, опустившись в бытие.

На каменной земле, в ущелье каменном,
Как будто бы в лесу своем, она
Цветет себе торжественно и пламенно,
Среди деревьев парковых одна.

Вы скажете: как, в городе черемуха?
Да, в городе черемуха, скажу.
Воскликнете: цветущая, огромная?
Да, белая, — не зря о том твержу.

Не зря соседка-девочка до вечера
Крахмалила и гладила белье
И на иголках-каблучках доверчиво
Спешит сейчас, похожа на нее.

Идет, почти асфальта не касается,
Как песня, устремленная в закат,
Вдоль по проспекту Кирова, красавица,
И на нее все встречные глядят.

Ей мать твердила ласково и яростно:
«Ну что ты в нем хорошего нашла?
Не будет у него до самой старости
Ни славы, ни двора и ни кола».

А в городе светло. До часа раннего
Любовь, от робкой близости хмельна,
Гуляет без скупого, ресторанного,
Дешевого крепленого вина.

Весь город для нее — как зала тронная.
От Охты и до Стрелки, посмотри,—
Она повсюду шествует с короною
Немеркнувшего золота зари.

И я ее искал порой знакомою —
И не нашел. Но не виню любви.
На Петроградской расцвела черемуха,
А холодок сквозит у нас в крови...

1960

ПРИМЕЧАНИЯ. *Петроградская (сторона), Охта* — районы Ленинграда. *Стрелка* — стрелка Васильевского острова.

* * *

Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла,
Как будто тень и свет сменялись,
И людям все казалось мало.

Ей ветер обнажал колени,
Она подол рукою била
И хохотала в упоенье
Так, как она всегда любила.

И все вокруг переменялось,
Все стало праздничней и ярче,
Все сдвинулось, переместилось
И стало вдруг свежей и жарче.

А было лишь — такая малость:
Катилось, звоном озаряло.
Смеялась женщина, смеялась,
Как будто яблоки роняла.

1961

* * *

Муку надо же такую:
Все о чем-то вспоминаю,
Все ищу и все тоскую,
А о чем сказать — не знаю.

Все не те слова и строки,
Не о том печаль и радость,
Ближних дней и дней далеких
Память мучу — нету ладу.

Вроде было очень много
Встреч, прощаний, расставаний,
А молю, за-ради бога,
Об одном хотя свиданье.

С той невыдуманной, ясной,
Душу захватившей круто,
С жаркой, истинно прекрасной,
Озарившей ночь минутой.

Чтоб потом кому-то, где-то
Люди в трудный час сказали:
Повтори-ка снова это —
И минуту помолчали.

1961

* * *

Я давно увидел в первый раз,
Как оно меня ни ослепило,
Чудо женское зеленых глаз,—
Где, когда, не помню, это было...

Два дождя качаются в зрачках,
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

С той поры прошла землей война.
Государства в пепел рассыпались.
Годы отгорели в дым до дна.
Жизнь прошла, а вот они остались...

Я ее забыл. Я постарел.
Женщина моя со мною рядом
Средь своих забот, хлопот и дел
Взглянет вдруг каким-то странным
взглядом...

Два дождя стоят в ее зрачках,
Две реки, два леса, две дороги,
Неба два в лучах и облаках,
Радуг двух слепящие чертоги.

1963

СОЛЬВЕЙГ

Ты по утрам в горах на лыжах бегаешь.
Зима в горах — как новая планета.
И горы синие, от солнца пегие,
К тебе сбежались, в белый снег одеты.

Ты бьешь по солнцу прутиком бамбука,
Твои глаза — два радостные неба.
Они смеются в этот час без звука,
И вся ты — солнца, гор и снега слепок.

Деревья смотрят, поднимая кроны,—
Какая длинноногая явилась!
Им, одиноким и вечнозеленым,
Ты так понятна, как в лесу родилась.

А ты сбежала в горы к ним впервые,
Сама того не зная, что отныне
Всю жизнь с тобой вершины снеговые
Всё будут мчаться, белые на синем.

А наст звенит. По насту, как по озеру,
Летят удары лыж, колец и ветра.
Сиреневые, алые и розовые,
Прносятся по насту звуки света.

Все свет: и эти камни в жарком инее,
И горы, и меж них долины, лежа
Сверкающие, летние и зимние,—
Все свет, и ты его явленье тоже.

Глаза твои лучатся, небо пряча,
Ты розовой ладошкой ветер рубишь...
И все на свете ничего не значит
Без них, без этой занебесной глубли.

1964

ПРИМЕЧАНИЕ. *Сольвейг* — персонаж драматической поэмы норвежского писателя Г. Ибсена «Пер Гюнт»; это деревенская девушка, символ женственности, воплощение надежды, веры и любви.

* * *

Давно всему известно свету,
И это не его вина,—
Непогрешимых истин нету,
Но, может быть, права одна:

Стирает время в пыль державы,
И гордая стареет новь,
Бессмертная проходит слава
Легко, как дым,
И лишь любовь

Летит поверх барьеров Рима,
Сквозь все века и времена —
Добра, безжалостна, гонима,
Беспомощна, как смерть сильна.

1965

* * *

Уходит женщина. Уходит,
Как солнце с неба, как река
За горизонт по шатким сходям
Травы, кувшинок, тростника.

Уходит женщина так просто,
Без слов, без слез, без жалоб прочь,
Как в океане синий остров,
Как день уходит и как ночь,—

Естественно, обычно, вечно
Уходит женщина. Не тронь.
Так, уходя, идет навстречу
Кому-то ветер и огонь.

Как ливень с тысячей мелодий
Из поля в новые поля,
Уходит женщина. Уходят
И гаснут следом тополя.

Уходит женщина. Ни злоба,
Ни просьбы непонятны ей,
И задержать ее не пробуй,
Остановить ее не смей.

Молить напрасно, звать напрасно,
Бежать за ней — напрасный труд...
Уходит — и ее, как праздник,
Уже, наверно, где-то ждут.

* * *

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг.

Старая сказка у новых рек,
Только и ныне она близка,—
В атомный грозный двадцатый век
Легкой стрелою вошла строка.

Нет в ней ни звона, ни грома нет,—
Шорох березы, тишь ивняка,
Но посильнее стальных ракет
Эта есенинская строка.

Над опереньем ее золотым
Ни радиаций, ни пламени нет,
Только один тополиный дым,
Только рябины багряный свет.

Только надежда, радость и грусть —
То, чем на свете жив человек,
Только Россия, Родина, Русь.
Ранен стрелою двадцатый век.

Кто же не знает и кто не видал:
С крыльями мальчик, стрела и лук,
Выстрелил — в чье-то сердце попал,
Сердце любовь озаряет вдруг...

ПРИМЕЧАНИЕ. ...С крыльями мальчик, стрела и лук — греческий бог любви Эрот (в римской мифологии — Амур, Купидон).

Лариса Васильева

ИМЯ

В тишине опустелого зала,
память, милая, душу согрей —
я нечаянно громко сказала
огнестрельное имя:
— Сергей!

Ах, какое высокое эхо!
Отозвался и этот, и тот,
третий тоже, другим не помеха,
опустился с парнасских высот.

Ах, какое любимое слово!
Что дрожишь?
И кого ты зовешь?
Наровчатова или Орлова?
Самого ли Есенина ждешь?

В мире стало прохладно и пусто
среди жаркого летнего дня.
Ты напрасно, святое искусство,
звоном слов искушаешь меня.

Знаю: строки — бессмертье поэта.
Отдаю — ни единой не жаль —
за живое Сергеево лето,
за веселье его
и печаль.

Суть вещей

В ВАГОНЕ

Знакомый, привычный вагонный
Настойчивый стук колеса,
Пластинкою круглой, зеленой
Вращаются в окнах леса.

Как будто из школьной тетради,
То белый, то синий листок,
В четыре линейочки сзади
Квадратного неба кусок...

1939

* * *

Я друзей, которых ждал, не встретил.
Песен очень мало сочинил...
Где, не знаю, ходит в белом свете
Та, какую крепко б полюбил.
Кто она, хорошая, простая,
Может, и не встретить мне ее...
По планете войны полыхают,
Черной лавой катится зверье.
Молодость моя встает навстречу,
Ей идти в тяжелые бои,
Пулями, расплавленной картечью
Утверждая радости свои.
Может, упадет она на камень
В голубом отеческом краю,
И тогда не встречу я с друзьями,
С песнями прощусь, не долюблю...

1941

* * *

Зачем руда сто тысяч лет
В земле томясь лежала, зрела,
И рудокоп ее на свет
Извлек своей рукой умелой?

В вагранках плавил руду,
Усталый токарь слиток стали
Точил, и в роковом году
Снаряд на дальний фронт послали.

Был страшен взрыв, и не вздохнуть,
Осколком грудь моя пробита.
Зачем руда далекий путь
Прошла, чтоб мне лежать убитым?

1942

* * *

Ну что судьба — ты на нее не сетуй:
Неповторимо наше бытие.
Она тебя вела по белу свету
И сохранила в тысяче боев.
Мир многоцветен, груб и многогранен,
В нем жажды до конца не утолить,
И не предвидеть ничего заранее,
И никогда не отхотится жить.
Жить так, чтоб за спиной широкой вьюга,
Чтоб звездная метелица мела,
Морозы тундры, злое солнце юга,
И день и ночь, горячий свет и мгла,
Чтоб рушилось и снова возникало,
Чтоб солью пропитался воротник,
Чтоб в руки въелась изморозь металла,
Огонь в тугие мускулы проник,
Чтоб шли деревья сильными ногами,
Чтоб плакали и пели поезда,
Булыжники гремели кулаками
И трепетала синяя звезда,
Чтоб где-то на сосновом полустанке,
В далеком и неведомом краю,
Девчонка, босоногая белянка,
Вдруг загляделась в молодость твою.
Пройдут года, и с женщиной любимой
Когда-нибудь неправду ощутишь,
Ты вспомнишь полустанок, клубы дыма
И вновь о невозвратном загрустишь...
И вновь не будет на сердце покоя,
Тебе простор откроется иной.

Пить жар степей, смолистый запах хвои,
Цветов и трав томительный настой.
Лугам не сохнуть, не иссякнуть водам,
Не надыхаться воздухом тебе,
Не запроситься на покой и отдых,
Не изменить товарищам в борьбе.
Взгляни на мир широкими глазами,
Завещанный друзьями в смертный час,
И вот ты, весь его увидев, замер...
От полюса до полюса, лучась,
Земля вертится, накрываясь грозно,
И метлы палм на тропиках с небес
Сметают заполуночные звезды,
И вздрагивает в них, сверкая, Южный Крест.
Дымятся горы, необычно юны,
Пьянит кристальный воздух, как вино.
За жемчугом ныряльщики в лагунах
С ножом в руке кидаются на дно.
Геологи втыкают альпенштоки,
К отвесным скалам привалясь плечом;
И день встает горящий на востоке,
Не кончившись на западе еще...
Костры горели где-то на привалах,
Ни на минуту мир не замирал.
Все в нем перекликалось, трепетало,
Ворочалось, сшибалось наповал.
Невпроворот свирепая живучесть
Бурлит на скалах горяча.
Земля свою положенную участь
Несет, как солнце, на литых плечах.

1945

Литая профессора А. А. Сидорова

ПРИМЕЧАНИЕ. Южный Крест — созвездие Южного полушария неба, по форме напоминающее крест.

* * *

Нам уходить от милого порога,
Не возвращаясь много лет домой.
Опять под ноги падает дорога,
И остаются версты за спиной.

В лицо подул старинный ветер странствий,
Забудь бывшее и иди вперед.
Звезда мерцает в голубом пространстве,
Но, может, не мерцает, а зовет...

Гремят мосты, и наступают сроки
Нежданных встреч, негаданных друзей.
Жизнь — это путь, суровый и далекий,
Невыдуманных песен и страстей.

И если есть в конце его березка,
У каждого та, под которой лечь,—
Забудь о ней, живи легко и просто
И не тумань печалью радость встреч.

Есть в трепетанье наших рощ зеленых,
В ночных огнях далеких городов,
В березах белых, красноватых кленах
Дух вечной жизни и бессмертных снов.

Учись у сосен гордому упрямству,
Беспрекословно пробивайся ввысь,
И сохрани крутое постоянство
В любви к отчизне, и земли держись.

А если смерть негаданная встанет, —
Гляди в глаза, не отводи лица
И твердо стой на самой страшной грани
Жестокого, но славного конца.

1946

* * *

Из комнаты светлой и тишины,—
Порог, как мифическая черта,—
Я выйду за дверь. Ни звезд, ни луны,
А в воздухе духота.

Ночь непролазная, как тайга,
Выкалывает глаза.
Но где-то вода летит в лога,
Как поезд на тормозах.

Кричит заблудившийся пароход,
На мачте осколок луча,
И глухо двенадцать часов пробьет
Невидимая каланча.

В такое время из портов идут
Усталые корабли,
И раций в жарком и частом бреду
Зовут позывные земли.

1946

* * *

В ночи трепещет тонкая мембрана,
И слышим мы, к наушникам припав,
Как из пучин ночного океана
Поет нам голос, душу спеленав.

Как бы очищен от всего земного,
Тоскует он на страшной вышине,
К земным радиостанциям прикован,
О дальней межпланетной стороне.

Но нет ответа с Марса и Урана,
Немы планеты на краю орбит...
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.

1946

* * *

Узкий месяц, легок на вспомине,
Золотою лодкой из-за туч
Вдаль плывет торжественно на синем,
А земля как камень бел-горюч.

До вершин занесена снегами,
Холодна, пустынна и кругла,
Голубыми легкими тонами
На равнинах серебрится мгла.

Где сугробов голубые башни
До небес не достают чуть-чуть,—
Будто дымный след пурги вчерашней,
Распластался длинный Млечный Путь.

Затеряться б в призрачном сиянье,
И потом еще раз, в век иной,
Пролететь над спящим мирозданьем,
И погаснуть на земле звездой...

1946

ПРИМЕЧАНИЕ. *Камень бел-горюч* — мифологический образ: всем камням отец, центр мира.

* * *

Что-то в области сердца...
Умру не в постели —
На ногах, как солдат умирает в бою.
Смерть придет и пристрелит меня на панели,
Милицейские тут же меня отпоют.

Не хочу,
Чтобы мне подавали машину —
Голубую, с малиново-алым крестом.
Уберите от ног эти черные шины:
Я привык путешествовать только пешком.
Я умею ходить.
Подымите меня, ради бога,
Столько лет я учился ходить по земле,
Столько знал я дорог. И последняя эта дорога
Нипочем. Я дойду, хоть ее и не видно во мгле.

Не имеете права
Меня потрошить. Как вы смели?!
К черту морги, в них пахнет...
Откройте в земле мою дверь,
Постучите лопатой,
Взломайте ломами...
В апреле
Не оттаяла почва,
Но вы потрудитесь теперь.

* * *

Вот звезда покати́лась ранняя,
Очень близко, рукой подать.
По преданью, я желание
В этот миг могу загадать.

И оно непременно сбудется,
Так уж люди все говорят,
Что-то в этом хорошее чудится,
И придумано так не зря.

Что задумаю — жить до старости,
Может, тыщу друзей иметь,
С поездами дружить и с парусом,
А настанет час — умереть.

Так, чтоб люди сказали искренно:
Жил весь век, не кривил душой,
Жизнь любил, хоть немало выстрадал,
И хотел бы пожить еще.

1948

* * *

Без следа исчезну, только где-то
На земле дождинка упадет.
Перечтут мои стихи поэты,
Да забудут имя в тот же год.

Что тогда стихи мне, что поэты,
Что телячий оптимизм юнцов!
Падают закаты и рассветы,
Умирают все в конце концов.

Только остается супесчаник,
Память, словно эхо мертвеца,
И глухие зори мирозданья
Без начала вовсе и конца.

Свет планет, холодный и туманный,
Счет познаний вечных и смертей.
В мир приходит человек незванный,
И неожиданно подойдет к черте,

За которой темнота, вернее
Нету света, нету темноты,
Не морозит там, и там не греет,
В пустоте, где нету пустоты.

1948

* * *

Медленно вращается Земля,
И летят планеты по орбитам.
Молодой галактики поля
Мглой белесоватою покрыты.

А с Земли в упор на мир глядит
Человек, упрямый и смятенный.
Сколько человеку предстоит
Дела в неизведанной вселенной?

Сколько проторить еще дорог?
И, как будто в путь собираясь тут же,
Он подошвы пробует сапог
И ремень затягивает туже.

А под ним, на полюсах пыли,
Снегом освещенная и светом,
Медленно вращается Земля,
Не совсем обжитая планета...

1949

* * *

Как скучно иногда живут —
Заботы, служба, дом да гости,
Хотя в безмолвии ревут,
Поодаль чуть, грома и звезды.

Надел комбинезон пилот,
И через пять минут, не боле,
Стремительный восход, полет,
Рождение и проба воли.

В соседстве с солнцем и луной
Пилота утверждает скорость.
Созвездия над головой,
Бескрайность грозových просторов.

Он здесь хозяин сам себе
Единственный и полновластный,
Сам вызов бросивший судьбе,
Обретший знобкий август счастья.

Моряк встречает океан,
Рыбак — зарю и шторм в скорлупке,
Уходит в горы партизан, —
Все возникает из поступков.

Но как свалить граниты стен
Привитых правил и привычек,
Условностей железный плен —
Нам в акваториях обычных?

Нет крыльев, парусов, земли,
Горами вздыбленной над веком,
Которые бы помогли
Быть человеку — человеком.

Нет! И, закончивши поход,
Бывает осторожен воин.
Безволен иногда пилот,
Рыбак труслив, моряк запоен.

1949

* * *

Ни шороха, ни звука. Тишина
Ничем ненарушима над заливом,
Лишь на песок ленивая волна
Вдруг рассыпает пену прихотливо.

Глубокий вздох — и вдаль уйдет она,
И никогда ее ты не услышишь.
Над голубым заливом тишина,
Спокойно лето северное дышит.

Ей никого не надо, только я
Люблю ходить на берег одинокий.
Что женщина? Что верные друзья?
Всему на свете наступают сроки.

За необычной дымкой горизонт.
В тумане там неведомые страны.
И я был так же в жизни унесен,
Как этот парус в синие туманы.

Мне никогда не обрести покоя,
Пока я жив, пускай меня несет,
Как в океане шхуну китобоя
До всех недосыгаемых широт,

По всем путям и перепутьям дальним,
Навстречу всем тревогам и ветрам.
Я жить хочу, я жить хочу, с печалью
Мешая злую радость пополам.

Чтоб тьму, как солнцем, разрывая в клочья,
Пройти по жизни там, где горячей.
И все познать на ощупь и воочью —
Суть всех явлений в жизни и вещей.

1950

* * *

Жить бы мне на земле
Четыреста лет,
Я б и то, когда смерть привязалась,
Ей сказал бы так:
«Что ты ходишь вслед,
Дай пожить еще самую малость.

Наглядеться на солнышко я не успел,
Надышаться родимым небом,
У меня еще столько неконченных дел,
И с земли ты меня не требуй!

Что тебе пятьдесят или сорок годков,
Дай отсрочку, а там, пожалуй,
Сам приду к тебе и буду таков —
Самой лютой кончиной жалуй».

1952

НОВОГОДНЯЯ СКАЗКА

Мой мальчишка крепко спит в кроватке,
Одеялом бережно укрыт.
Рыжие взъерошенные прядки
Полночи дыханье шевелит.

Ничего про Новый год не зная,
Смотрит сын младенческие сны.
На подушке — елки тень резная,
За окошком — желтый шар луны.

Чтоб никто мальчишку не тревожил,
Ходит сторож в шубе у ворот,
А в полях на снежном бездорожье
Новый год с подарками идет.

Он идет к мальчишке издалека,
Весь в снежинках, с головы до пят,
И об этом от Владивостока
До Карпат повсюду говорят.

Зайцы бьют в тугие барабаны,
Лапок не жалея, что есть сил,
На дворе колхозном из тумана
Сам петух о нем проголосил.

Встал петух, на жердочке качаясь,
Как костер из пуха и пера,
Гребешком зазубренным касаясь
Крыши оцинкованной двора.

Лишь один медведь коротконогий,
Видно, позабыв про Новый год,
В теплой темноте своей берлоги
Лапу шоколадную сосет.

Если бы проснулся вдруг мальчишка,
Со своей кровати ночью встал,
Он бы недогадливого мишку
За уши, конечно, отодрал

И сказал медведю: «Что ж ты, соня,
Сам проспал, не разбудил меня?»
Полночь. Шар луны на подоконник
Из-за тучки падает, звеня.

1952

* * *

Я не люблю того, кто мир винит
Во всех своих печалях и невзгодах,
Кто чуть чего кричит: «А все они!» —
Неважно, люди это или годы.
Мне кажется, я сам тому виной,
Что счастье просто затерялось где-то,
Что в мире меньше радостью одной,
Чем быть могло. И я виновен в этом.
В долгу перед друзьями и землей,
Мне в жизни никогда не расплатиться
За небеса, за тот последний бой,
За вдохновенье, за любовь и жизнь,
что длится.

1953

* * *

Сыну Володе

Палочки две и одна закорючина —
Первая буква. Удастся ли стык?
Как это трудно и как не изучено!
Высунут чуть и прикушен язык.

Пот выступает на носике каплями,
Крепко зажат карандаш в кулаке.
Детство мое вновь выводит каракули
Передо мною на белом листке.

Здравствуй, ну вот мы с тобою
и встретились!
Как это вышло — мне трудно понять.
Взрослыми стали давно уж те дети,
С кем я учился буквы писать.

Дымом повито, ветрами исхлестано,
Странами скрыто, любовью, войной,
Верстами, с неба упавшими звездами,
Временем, танковой тяжкой броней.

Встал, не дышу, не спугнуть бы
мгновение!

Все узнаю: непокорную прядь,
Сосредоточенность и нетерпение...
Снова мы учимся буквы писать.

1954

* * *

Средь прочих звезд в небесной дали,
Ничуть не утрашая нас,
Горит без злобы и печали
Над Средиземным морем Марс.

Росинка света, мир, далекий
От дел и праздников Земли.
Его кровавым и жестоким
Зачем-то люди нарекли.

Перенесли свои пожары,
И кровь, и голод, и грозу
На эту чистую, без жара,
С небес летящую слезу.

Она над Средиземным морем
Горит над нашим кораблем,
Со мглою беспросветной споря,
Сверкая, словно солнце днем.

1956

* * *

Все, говорят, на свете образуется,
Все в жизни станет на свои места.
И Дон-Кихот под старость образумился,
Но разум не надгробная плита.

Прихлопнешь разве разумом стремление
Быть искренним, и честным, и прямым
И все свои печали и сомнения
Нести на люди, обращаться к ним.

У юности в крови есть жажда поиска.
Она сама как поиск и равна
Той жажде, что вела людей до полюса
Жары, вершины, холода и дна...

Меня недавно подвели товарищи,
Не предали, а час такой настал,
И подвели,— подумаешь, удар еще,
Не молод я и многое видал.

Горел, и мерз, и пировал как следует,
Ну, подвели — отбился, пустяки,
Но мысль одна с тех пор меня преследует:
Как быстро образумились дружки!

Разумные, врагов себе не нажили,
А я, как был, останусь им дружкой,
Но в дружбе что-то все-таки загажено,
И это не отмоешь коньяком.

Да здравствует святая сила разума,
Быть не рабом — хозяином страстей
И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.

Пусть не благоразумная — победная
Идет без страха молодость в зарю.
Я буду стар, как перечница медная,
Но и тогда я это повторю.

1960

ВТОРОЙ

Дорогу делает не первый,
А тот, кто вслед пуститься смог.
Второй.

Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.

Ему трудней безмерно было —
Он был не гений, не пророк —
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог.

Какие в нем взрывались мысли!
И рушились в короткий миг
Устои все привычной жизни.
Он был прекрасен и велик.

Никто не стал, никто не станет
Второго славить никогда.
А он велик, как безымянен,
Он — хаты, села, города!

И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути,
Чтоб только тот поднялся сзади,
Второй, чтобы за ним идти.

Я сам видал, как над снегами,
Когда глаза поднять невмочь,
Солдат вставал перед полками
И делал шаг тяжелый в ночь.

В настильной вьюге пулемета
Он взгляд кидал назад: «За мной!»
Второй поднялся.
Значит, рота —
И вся Россия за спиной.

Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире — а не первый, —
Ни бог, ни царь и не герой.

1962

ПРИМЕЧАНИЕ. *Ни бог, ни царь и не герой* — цитата из «Интернационала», международного рабочего гимна (французский текст Э. Потье, русский перевод А. Я. Коца).

* * *

Я стану облаком, зарей,
Щепоткою песка и глины,
Травинок на ветру игрой,
Сверкающим полетом льдинок.

Что в мире через тыщу лет
Изменится, вы мне скажите?
Иначе станет литься свет
Небес на крыши новых жилищств?

Ослабнет соль в морях и синь?
Вино изменится в стакане?
Иною стынь и жар пустынь
Иным и незнакомым станет?

Иль предок мой, кентавр степной,
Не те же звезды видел в реках,
И шмель над ним кружился в зной
Иной, из каменного века?

И женщина иной была?
И женщина иною будет?
Нет! И все той же будет мгла,
В которую уходят люди.

1965

* * *

Куда уходят годы? Ну куда?..
Стекают, как в резервуар вода,
Уходят, как на переплав руда?
Куда уходят годы? Ну куда?..

Куда ушел вот тот, такой уж год,
Который долго ждали наперед,
С таким терпеньем, как никто не ждет,—
Аж пуп трещал. А где теперь тот год?

Куда девался год — и не найти,—
Который мы смогли перенести —
Едва-едва несли, хрипя, кляня...
Теперь ни камня от него, ни дня.

Наверно, где-то копятя года,
Как под землею копится руда,
Или как шлак сгоревший навсегда,
Иль в небеса восходят, как вода,—

Восходят паром, дымом, а потом
Плывут над миром, словно облака
Прекрасные, все в золоте бока,
Воздушные, как музыка райка,
И мир на них глядит с открытым ртом.

1965

ПРИМЕЧАНИЕ. *Музыка райка* — музыка, сопровождавшая показ картинок в ящике с увеличительными стеклами (райке) на ярмарках.

* * *

Леса уходят. Жалко мне леса.
Уходят ели, сосны и березы,
Рябины гасят пламенные гроздья,
Осинников смолкают голоса.

Когда-то жили в тех лесах дубы,
И ясени, и золотые клены.
Куда им деться от такой судьбы —
Лес вырубают, океан зеленый.

Я был в Европе, там леса хранят,
Стоят, пронумерованны, деревья,
И ни соринки на земле, и в ряд
Приглаженные тянутся коренья.

Леса хранят. Но это не леса.
Не свищут птицы в них, не плещет
ветер.

В стеклянных загородках чудеса,
А не одно большое чудо света.

Асфальтовые тропки и бетон,
Рай для туристов атомного века.
А здесь еще плывут плоты по рекам
И слышен в далях Китеж-града
звон.

И может, можно сохранить леса,
А не деревьев ценные породы?

Леса поют и плачут, как народы,
На все свои живые голоса.

1965

ПРИМЕЧАНИЕ. *Китеж-град* — см. примечания к стихотворению «Утрами травы розовеют в росах...».

* * *

Ты в жизни жег хоть раз мосты
В своей,
Как жгут мосты саперы,
Настили руша с высоты
И за рекой оставив город?..

Он бел. Над ним плывут сады,
Сверкают шпильи колоколен.
Но сожжены к нему мосты,
И надо уходить по полю.

И лучше не глядеть назад:
Там над безгрешною рекою
Мосты горят, мосты горят —
Твоею зажжены рукою.

Ты в жизни жег хоть раз мосты,
Вот так, а может быть, иначе,
На пламя глядя с высоты,
Сто раз оборотившись, плача?..

Саперам что! Они пройдут
Огонь и дым, но час настанет,—
Мосты саперы возведут,
И город вновь в их лица глянет.

А в жизни жгут мосты навек,
И в прошлое возврата нету,
В тот город за разливом рек,
Где мост горит в разгаре лета.

* * *

Небо лесом огорожено,
Поле полито луной.
Чуть звенит в простор заброшенный
Звездный ковшик ледяной.

И ни шороха, ни замети —
Вот он, белый-белый свет,
Нарисованный по памяти
Через много-много лет.

Был таким, таким останется —
Лучше нет и не найти.
Может быть, пойти на станцию
И уехать. И сойти...

1967

ДВЕ ПРИТЧИ

1

Заведи себе врага,
Чтобы жить на всю железку,
Весело, рискованно, резко,
В солнце, в дождик и в снега.

Враг да будет не дурак,
Умный, злой и беззаветный.
Каждый твой неверный шаг
Видит он и бьет за это.

Собран будь. Себя бойцом
Ощущай не понарошку.
Лучше водку пить с врагом,
Чем с глупцом копать картошку.

Заведи,
Чтоб знать с утра —
Враг не спит. Пора за дело.
День поднялся, как гора,
Бед полно на свете белом.

Поднимайся и иди,
Не ссылаясь на усталость.
Враг недаром бьет отсталых,
И врага ты заведи.

Ну, а я не завожу.
Я живу, а не играю.

У меня врагов хватает.
Если надо — одолжу!

2

Не имей сто рублей!..
Славу богу, не имеем.
Словно снега в Дагомее,
В дымной суетоке дней
Не имеем ста рублей.

Рано утром бьют звонки.
Двери настезь. Ставим чайник.
Заходите, мужики,
Где вас черти укачали?

Если нам бы сто рублей,
Мы бы вас опохмелили...
День встает в красе и силе
Городов, лесов, полей.

Рыжий, взорванный ветрами,
Весь ломясь от новостей,
День с друзьями, как с дарами...
Не имей сто рублей!..

1969

ПРИМЕЧАНИЯ. *Заведи себе врага* — ср. суждение Печорина в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени»: «...я люблю врагов, хотя не по-христиански. Они меня забавляют, волнуют мне кровь. Быть всегда настороже, ловить каждый взгляд, значение каждого слова, угадывать намерения, разрушать заговоры, при-

творяться обманутым, и вдруг одним толчком опрокинуть все огромное и многотрудное здание из хитростей и замыслов, — вот что я называю жизнью». *Дагомея* — с декабря 1975 г. Бенин, государство в Западной Африке.

* * *

Не хочу я участвовать в той кутерьме,
В той, где каждый себе на уме.

Не хочу я выслушивать новости те,
Что сорока несет на хвосте.

Возвращаюсь душой в те святые года,
В те, где «нет» было «нет»,
и где «да» было «да».

1969

* * *

И я когда-нибудь, однажды,
Вдруг уподобясь кораблю,
Земли космическую жажду,
Как из стакана, утолю.

Уйдут серебряные рощи,
Дороги, реки, города.
Как на стекле морозном росчерк,
Мой след истает без следа.

Открыта сторона любая
Сиянью жесткому огней,
Земля печально-голубая,
И небо черное над ней.

Края безмолвия и мрака,
И только слышно в вышине,
Как лает на земле собака
Далеко где-то при луне.

И дождь стучит по ржавым листьям
Цветов железных, словно гвоздь,
Там, где солдатским обелиском
Белеет в мгле земная ось.

1969

* * *

Конь плакал. Падала звезда.
Летели птицы в глубь заката.
И шли неведомо куда
Себя забывшие солдаты.

Мир стал похож на водоем.
В нем, словно водоросли, мысли
Струились неживым огнем
И тучами печально висли.

Но где-то все-таки была
Граница воздуха и света,
Тончайшая, как гладь стекла,
День накрывающая этот.

Еще рывок, еще бросок,
И можно будет, можно будет
Пробить его наискосок
И, вынырнув, вздохнуть всей грудью.

1970

* * *

Что в мире слаще истин прописных?
 Вы приглядитесь, убедитесь сами,
 Как их жуют, разжевывают их,
 Аж треск стоит по свету за ушами!

Я тоже от других не отстаю.
 Как булочку поджаристую с хрустом
 Разламываю, в рот сую, жую.
 А вкусно ли? Да чтоб ей было пусто!

Преснятина. А в чем же соль была?
 Известно всем, что дважды два — четыре.
 Но первому, кто это вывел в мире,
 Какая радость разум обожгла?!

Ее встречали не в колокола.
 Вы вспомните хотя бы про картошку:
 Губернии пороли в шомпола,
 Но все-таки внедрили понемножку.

Живем не тужим, истины жуем.
 Но чтобы соль не пропадала в мире,
 Тут надо хоть однажды на своем
 Встать, настоять, что дважды два — четыре.

1971

Сборник рассказов и очерков

ПРИМЕЧАНИЕ. *Вы вспомните хотя бы про картошку: Губернии пороли в шомпола, Но все-таки внедрили понемножку.* — Имеются в виду крестьянские бунты в первой половине XIX в., вызванные насильственным введением посадки картофеля и подавленные правительственными войсками.

* * *

Идея. Правда. Мысль. Или Мечта.
Кто знает, как еще она зовется.
Вокруг привычна жизни суета,
Но вдруг она сама тебя коснется.

Соседи спорят, радио кричит.
Она пришла — и разом все забыто.
Покоя нету от нее в ночи
И нет пути среди дорог избитых.

Тревогой грозной и тоской томим,
О ней поведал вестник бородатый
Взыскующим товарищам своим
И захлебнулся донником и мятой.

В каком году, в какой земле, когда?
Кто был он, тот пастух, солдат, философ?
Мелели реки, гибли города
И шли стада по желтому откосу.

А с ней потом, как с песней, на костер
Всходили люди и в огне молчали.
И языками пламени костел
Пылал над ними в каменной печали.

А может быть, звенел кувшин вина,
Смеялись синеглазые красотки,
И музыкой, нежданна и хмельна,
Она пришла случайно, как находка.

О ней писали золотым пером,
О ней молчали, отыскав в анналах,
И злобно вырубали топором,
И на заре о ней труба кричала.

Как юн и крепок этот вечный хмель,—
Он сушит в жилах кровь, как будто ветер.
С ним нелегко. С ним даже дальше цель.
Но без него и счастья нет на свете.

1972

* * *

Мне грустно. Я мерз у костров без обиды
И верил — недаром копчу это небо,
И счастлив лишь тем, что я видывал виды,
И сыт не единым, как водится, хлебом.

Мне грустно. Но вновь не дано повториться
В сверкающем мире, что будет вовеки:
Ни плеском ребенка над синим корытцем,
Ни всплеском весла, полюбившего реки.

Не будет прозрачного утра в печали
И в радости или в тревоге и грусти.
Уходят деревья в бескрайние дали,
Река уплывает в нездешнее устье.

Под облаком птица летит в беспредельность
И камень-валун в придорожной канаве
Плывет неподвижно в иной понедельник,
В иное столетье, без всяких заглавий.

Мне грустно. Но черное спаяно с белым
И левое с правым, и мир симметричен.
И нету у жизни и смерти предела,
А времени ветер не знает различий.

Метет он незримый, но видимый взору.
Срываются звезды, восходят растенья.
Метет, а в какие там дали, просторы, —
Ни звука оттуда, ни эха, ни тени...

* * *

Христос распят, но жив Иуда,
И всходят над землей кресты.
На свете будет жить Иуда,
Покуда будут жить кресты.

И молоток стучит со злостью,
Ища Христа среди людей:
Ведь надо же в кого-то гвозди
Вбивать, когда полно гвоздей.

Стучит старательно Иуда,
Летит серебряник на стол.
Ах, если бы случилось чудо
И все-таки Христос пришел!..

Пришел не так, как приходили
Все возвращенные с креста,
А в здоровой памяти и силе —
Ко всем, в ком совесть не чиста.

1973

* * *

Стерпится — слюбится, все позабудется,—
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы
Да и побольше места.

Крутится, вертится, все перемелется,
Белый, как сказано, свет.
Это давнишняя старая мельница,
Ну а другой-то и нет.

Нету другой и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь.
Что там меж звездами может увидеться
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица
И на Онеге Кижии?

Разве без них на муку перемелются
Вместе любовь и вражда?..
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

1975

ПРИМЕЧАНИЕ. *Кижии* — музей-заповедник, ансамбль деревянной архитектуры XIV—XIX вв. на Онежском озере.

* * *

Я требую не многого,
Не многого хочу —
Планету за порогом,
Всю в солнце, как бахчу,
С июльской жарою,
С сентябрьской тишиной,
Всю белую зимую,
Всю черную весной;
Да может быть, травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой
Одну на сквозняке,
Когда мой сын не старый,
Да и не молодой
Со мной прощаться станет,
Обросший бородой.

1975

* * *

Все кончится. Уйдут пустые споры
И скорбь за рюмкой водки за миры,
Раздумий пресноводные озера
И женщин полуночные костры.

Останется лишь то, что ты однажды
Уже узнал, вися на волоске:
Неутоленная тоска и жажда
По небу и травинке на песке.

1976

* * *

Россия есть у каждого своя:
Свои леса в ней и свои поляны,
Свои враги в ней и свои друзья,
Свои у всех на будущее планы.

Но черный хлеб ее — у всех один,
Насущный хлеб, что Правдою зовется.
Не все им сыты. Только все едим.
Его хватает нам и остается.

1970

СЛОВАРЬ

Аквамарин — синеваго-зеленый или голубой цвет.

Алтын — монета достоинством в три копейки.

Альпеншток — длинная палка с металлическим наконечником, используемая альпинистами для восхождения на горы и ледники.

Аммонал — взрывчатое вещество, употребляемое в горном деле.

Анналы — запись важных событий по годам, летопись.

Аркан — длинная веревка с подвижной петлей на конце для ловли лошадей.

Артподготовка — интенсивный артиллерийский обстрел позиций противника перед наступлением.

Архиерей — общее название высших чинов духовенства в Православной церкви.

Аршин — мера длины, равная 0,71 м.

Баской — красивый.

Батист — тонкая полупрозрачная льняная или хлопчатобумажная ткань.

Бахарь — сказочник.

Бедуин — араб-кочевник.

Беляна — большое плоскодонное речное судно.

Благовест — звон в один колокол, призывающий к началу богослужения.

Большак — большая дорога.

Бон — плавучее ограждение из бревен.

Бонза — буддийский священник.

Ботфорты — высокие сапоги с широкими раструбами.

Брашно — яство, кушанье.

Бригада — войсковое соединение, состоящее из нескольких полков, батальонов или батарей.

Бык — промежуточная опора моста.

Вагранка — шахтная печь для плавки чугуна, цветных металлов, а также для обжига различных материалов.

Ватерпас — плотничный прибор, применяемый для определения горизонтальности поверхностей и небольших углов наклона.

Вериги — цепи, носимые православными подвижниками на теле для смирения плоти.

Верста — мера длины, равная 1,06 км.

Вершок — мера длины, равная 4,4 см.

Весь — село, деревня.

Вольница — разбойничья ватага.

Газойль — дизельное топливо, используемое для двигателей танков.

Голок — веник из прутьев без листьев.

Дергач — коростель.

Джонка — легкое китайское парусное судно с высоко поднятой кормой и тупым носом.

Дзот — огневая точка из земли, дерева и камня.

Донник — медоносное травянистое растение семейства бобовых.

Дот — долговременная огневая точка из железобетонных или бронированных материалов.

Дранка — тонкие дощечки для покрытия кровли.

Дресва — крупный песок.

Духмяный — душистый, пахучий.

Дюза — сопло ракетного двигателя.

Дюралевый — дюралюминиевый, сделанный из легкого и прочного сплава алюминия с медью, магнием и кремнием.

Желтоцвет — название, применяемое к различным видам растений с желтыми цветами.

Зазимок — первый снег.

Заимка — небольшое поселение в пустынном месте, избушка охотника-промысловика в лесу.

Звонница — верхняя часть колокольни, к которой подвешен колокол.

Ижица — последняя буква церковнославянской и старорусской азбуки, обозначающая звук «и»; по форме была похожа на латинскую букву «v».

Излука — крутой поворот, изгиб реки.

Ино — тогда, пожалуй, ладно.

Инок — монах.

Исполать — слава, хвала.

Кадиллак — марка автомобиля.

Каземат — оборонительное сооружение, защищающее от артиллерийского огня и авиабомб.

Каланча — дозорная вышка пожарной части.

Картель — артиллерийский снаряд, начиненный круглыми пулями.

Кедрач — кедровый лес.

Кентавр — в греческой мифологии получеловек-полуконь.

Кибернетика — наука об общих закономерностях процессов управления и связи в технических устройствах, живых организмах и обществе.

Кирзовый — сшитый из кирзы, плотной многослойной ткани, заменителя кожи.

Кириллица — одна из азбук старославянского языка, ставшая основой русского алфавита.

Ковчег — корабль.

Комендор — матрос, подготовленный для стрельбы из корабельных орудий.

Комолый — безрогий.

Косарь — большой нож с широким лезвием.

Костел — польский католический храм.

Кочет — петух.

Краснотал — ивовый кустарник с красно-бурыми побегами.

Краснофлотец — рядовой Военно-Морских Сил СССР, матрос.

Кринка — высокий глиняный сосуд с широким горлом.

Крючник — грузчик, использующий крюк для переноса тяжестей.

Кубанка — невысокая шапка из меха грубошерстного ягненка с плоским кожаным или матерчатым верхом.

Культбаза — культурно-просветительное учреждение.

Куца — шатер, навес.

Кыкать — кричать лебедем, издавать плачущие звуки.

Лава — мосток через речку.

Лагуна — участок моря между коралловыми рифами и берегом.

Лоция — руководство для безопасного плавания по водоемам.

Луб — внутренняя часть коры молодых лиственных деревьев.

Лубок — лубочная картинка.

Лунь — хищная птица семейства ястребиных.

Мавзолей — большое надгробное архитектурное сооружение.

Мастодонт — вымершее слоноподобное животное огромных размеров.

Медсанбат — медико-санитарный батальон или медицинский пункт при таком батальоне.

Мезонин — надстройка над средней частью небольшого жилого дома.

Мичманка — форменная фуражка с козырьком для лиц командного состава флота.

Морок — видение, обман зрения.

Накрап — узор в виде капель.

Начхоз — заведующий хозяйством.

Нимб — символ святости, сияющий над головой круг.

Нирвана — в буддизме отрешение от житейских забот и интересов, приводящее к блаженному состоянию полного покоя.

Обетованная земля — место, связанное с представлением о благополучии и счастье.

Овин — постройка для сушки снопов.

Оперсводка — оперативная сводка, документ со сведениями о положении дел на фронте или каком-либо его участке в настоящее время.

Осот — сорное травянистое растение с колючими листьями, бодяк.

Пагода — культовое мемориальное сооружение в виде павильона или башни в странах Дальнего Востока.

Падеспань — бальный танец под музыку трехдольного размера.

Палеолит — древнейший период каменного века.

Парабеллум — немецкий восьмизарядный автоматический пистолет.

Патефон — портативный музыкальный аппарат; воспроизводит звуки, записанные на специальные пластинки.

Паче — больше.

Пенаты — родной дом, домашний очаг.

Перегон — участок железнодорожного пути между двумя станциями.

Перископ — оптический прибор для наблюдения из укрытия (из башни танка, например).

Перси — грудь.

Пимы — меховые сапоги.

Пирс — причал, расположенный перпендикулярно к берегу.

Погост — кладбище.

Погромок — погром, жестяной колокольчик на шее коровы.

Подзол — малоплодородная почва на песках и глине.

Подрез — металлическая полоса на полозе деревянных саней.

Поемный — затопляемый водой при разливе.

Полуустав — разновидность древнего письма, обеспечивающая скорость начертания.

Портуня — ременная перевязь для ношения оружия.

Посад — пригород, торгово-ремесленная часть города в Древней Руси.

Почтовый поезд — пассажирский поезд с почтовым вагоном, делающий остановки на всех станциях для обмена почты.

Предрика — председатель районного исполнительного комитета.

Престол — высокий четырехугольный стол в алтаре.

Припой — тонкий ледок у берега.

Притвор — пристройка типа сеней к стене храма (обычно западной).

Прорись — образцы для работы у древнерусских художников.

Прорыв — действия войск, в результате которых образуется проход в боевых порядках противника.

Разрыв-трава — растение, обладающее, по народным представлениям, волшебными свойствами.

Ранжир — построение по росту.

Реликт — пережиток древних эпох.

Рига — постройка для сушки снопов и их обмола.

Робот — автомат, предназначенный для замены человека при выполнении сложных технических операций.

Сажень — мера длины, равная 2,134 м.

Сафра — уборка сахарного тростника.

Сафьян — тонкая мягкая кожа, выделанная из шкур коз и овец.

Светлица — небольшая светлая комната в верхней части дома.

Сельпо — магазин-кооператив сельского потребительского общества.

Сельсовет — сельский совет народных депутатов, а также часть района, находящаяся в его ведении.

Ситро — фруктовый безалкогольный напиток.

Скипа — ломоть.

Скит — келья монаха-отшельника, расположенная поодаль от монастырского здания.

Снеготал — пора таяния снегов.

Снеток — мелкая промысловая озерная рыба семейства корюшек.

Солонец — солончаковая почва.

Сохатый — лось.

Спица — деревянный гвоздь.

Стапель — помост для постройки, ремонта и спуска судов на воду.

Старица — отделившийся от реки участок прежнего русла.

Стожар — шест в середине стога для его устойчивости.

Стреха — нижний свисающий край крыши.

Стригунок — годовалый жеребенок.

Супесчаник — почва, состоящая из глины и песка.

Сьерра — горный хребет.

Таран — боевой прием, удар корпуса танка по машине противника.

Терем — дом в виде башни в Древней Руси.

Терний — колючий кустарник.

Тесинка — тонкая доска.

Тол — тротил, взрывчатое вещество.

Топляк — затонувшее бревно.

Торок — ремень у задней луки седла для привязывания чего-либо.

Трак — звено гусеничного хода у танка.

Транзистор — портативный радиоприемник на полупроводниках.

Треста — осока.

Ундервуд — марка пишущей машинки.

Ушкуйник — участник новгородских торгово-разбойничьих экспедиций на Волгу в XIV—XV вв.

Фрегат — парусный трехмачтовый военный корабль.

Циклотрон — ускоритель протонов.

Чалка — причальный канат.

Чушка — свинья.

Шалфей — травянистое растение с крупными душистыми цветками.

Шлемофон — танковый шлем с переговорным устройством.

Шлюз — гидротехническое сооружение, обеспечивающее судам проход по водоемам с разным уровнем воды.

Шолонник (*шалоник, шелоник*) — юго-западный ветер.

Штандарт — полковое знамя.

Шуга — мелкий рыхлый лед, идущий по реке.

Шхуна — судно с двумя или тремя мачтами и с косыми парусами.

Щелок — настой золы в воде.

Юр — открытое возвышенное место.

Ягдташ — охотничья сумка для дичи.

Ярыга — низший служитель административного учреждения на Руси XVI—XVIII вв., исполнявший полицейские функции.

ПОЭЗИЯ СЕРГЕЯ ОРЛОВА

Каждый поэт интересен и как творческая личность, и как сын своего времени. Отношения между этими двумя обликами поэта могут складываться по-разному. Бывает, что они мирно сосуществуют и даже кажутся почти неотличимыми. Бывает, что между ними возникает противоречие, окрашивающее стихи в драматические тона. Если лирический герой Арсения Тарковского «век себе по росту подбирал», то Борис Пастернак называл художника-творца «вечности заложником у времени в плену». Если безраздельно преданный злобе дня Владимир Маяковский «себя смирял, становясь на горло собственной песне», то Леонид Мартынов формулировал свое творческое кредо так: «Мы рождены в бывшее время, чтоб жить вот именно сейчас».

Особые отношения со временем, в которое выпало жить, были и у поэта Сергея Орлова. Он не сетовал на судьбу, наделившую его именно этой, а не какой-либо иной биографией, хотя далеко не все из виденного и пережитого считал возможным принять и оправдать. Поэта глубоко волновало историческое прошлое и властно манили горизонты будущего. Но отправной точкой размышлений о времени, о себе, о человечестве вообще и человеческой личности в частности для него неизменно оставалось настоящее — то, что выпало ему на долю здесь и сейчас.

Сергей Орлов укладывается в определение «советский поэт», поскольку противником господствовавшей при его жизни государственной идеологии не был, порочащих социалистический строй произведений не писал и как литератор-фронтовик властями предержащими признавался. Однако и певцом коммунистической партии он не стал, сохраняя приверженность идеалам и ценностям, которые имели не столько идеологическую, сколько нравственно-эстетическую окраску. Орлов мог писать стихи о Ленине, об Октябрьской революции, о стройках социализма, по-

тому что доверительное уважение к темам подобного рода воспитывалось в нем с детских лет. Но темы эти остались на периферии его творчества, основная направленность которого была иной. Он был сыном своего времени, отрешиться от него не пытался и не мыслил себя как личность вне судьбы своего поколения.

Сергей Сергеевич Орлов родился 22 августа 1921 года в селе Мегра Белозерского района. Село это стояло в устье реки с таким же названием, впадающей в Белое озеро с запада, и имело многовековую историю. При Иване Грозном и Борисе Годунове оно относилось к монастырским владениям и поставляло рыбу в Кирилло-Белозерскую обитель. В пору детства поэта Мегра была большим, культурным селом со школой-четырёхлетней, с избой-читальней, медпунктом, паровой мельницей, дававшей электричество для местных жителей. А колхозники-сельчане, как и их далекие предки, занимались рыбным промыслом. Сергей Викулов, сверстник, земляк и собрат Орлова по перу, вспоминал: «...в самом центре села виднелись пристань, отводная «лава», мост через реку, запонь, лесная биржа и лодки, лодки, плеск весел, скрип уключин, а в озере — белые паруса, а в устье реки — тоже белая, с высокой колокольней, церковь. Красотища!»

Родители Сергея Орлова были учителями. Отец умер рано, и его место в доме занял И. Д. Шаров, тоже учитель, «энтузиаст школьной политехники» и заведующий избой-читальней. Он оказал на мальчика столь необходимое в годы отрочества мужское влияние. Мать, Екатерина Яковлевна, преподавала русский язык и литературу, обнаруживая незаурядный педагогический талант: ее ученики навсегда становились поклонниками родной словесности. В 1930 году отчима направили в Сибирь организовывать колхозы. Прожив там несколько лет, семья вернулась в родные места.

По воспоминаниям матери, Орлов пробовал писать стихи уже в пятом классе. Его литературные опыты появлялись в школьной стенгазете. Увлечение поэтическим творчеством соседствовало в нем со многими другими интересами. Он то становился страстным радиолюбителем,

то занимался лепкой из глины, то самозабвенно рисовал, добиваясь при этом заметных успехов. Но постепенно стихи становились для него главным способом самовыражения. Пробуждению в мальчике интереса к художественной словесности способствовали не только мать и отчим. Несомненное влияние на формирование личности будущего поэта оказал приехавший из Ленинграда учитель В. П. Нилов. Он преподавал математику, но был при этом широко образованным человеком и притягательной для окружающих личностью. Возможно, что общению с ним Орлов обязан пробуждением столь характерного для его творчества интереса к теме освоения космического пространства.

В 1936 году Сергей Орлов окончил семилетнюю Мегринскую школу колхозной молодежи и переехал с матерью в Белозерск, где работал его отчим. В Белозерской средней школе существовала литературная группа, в которую, помимо учащихся этой школы, входили и студенты педучилища. Среди участников этой группы Орлов был заметной фигурой. С 1937 года он начал публиковать свои стихи в газете «Белозерский колхозник» и в областной периодической печати. На полученные гонорары Екатерина Яковлевна смогла купить сыну первый в его жизни костюм. А в 1938 году к юному поэту пришел первый большой успех. Он стал победителем всесоюзного конкурса школьников на лучшее стихотворение. Из трех поэтических произведений, посланных Орловым на конкурс, жюри выбрало то, которое называлось «Тыква». Об этом стихотворении тепло отозвался и привел целиком его текст на страницах газеты «Правда» К. И. Чуковский.

В 1940 году начинающий поэт окончил десятилетку и поступил на историко-филологический факультет только что образованного Петрозаводского университета. В июне 1941 года он стал бойцом истребительного батальона народного ополчения, составленного из студентов-добровольцев. Спустя два месяца его направили в Челябинское танковое училище. Первый сборник стихов «Фронт» (вместе с С. А. Телькановым) Орлов выпустил, будучи курсантом этого училища, в 1942 году. Зимой того же года он прибыл на Волховский фронт, в район железнодорожной

станции Мга, к месту дислокации 33-го танкового полка Резерва Главного командования. Первый свой бой командир тяжелого танка КВ-1 Орлов принял у приладожской деревни Дусьево. В перерывах между сражениями он продолжал писать стихи и публиковал их в армейской газете «Ленинский путь». 17 февраля 1944 года в бою за освобождение Новгорода товарищам по оружию чудом удалось вытащить командира танкового взвода Орлова из горящей боевой машины. Один из осколков не задел его сердце только потому, что попал в медаль «За оборону Ленинграда». Лицо спасенного танкиста было обезображено, следы ожогов он впоследствии маскировал, отпуская бороду.

Домой после госпиталя демобилизованный по инвалидности гвардии старший лейтенант Орлов вернулся в апреле того же года. Некоторое время он работал диспетчером Белозерского участка Волго-Балтийского водного пути. Пережив тяжелую душевную драму (любимая девушка отказалась стать спутницей жизни человека с изуродованным лицом и плохо действующей рукой), решил продолжать учебу. Орлов уехал в Ленинград и поступил в университет, на второй курс филологического факультета. Там он познакомился с поэтом-фронтовиком Михаилом Дудиным, который помог бывшему танкисту найти путь в издательство, и вскоре, в 1946 году, вышла в свет книга стихов Орлова «Третья скорость». Военная тема в ней доминировала, а ее название было навеяно памятью об участии в недавних сражениях (на третьей скорости шли в бой танки). Книгу тепло приняла критика, хотя ее автор и не избежал упреков в «пессимизме»: считалось, что литература о войне должна быть проникнута героико-патриотическим пафосом, а на трагических сторонах недавних событий заострять внимание не следует.

На филологическом факультете Орлов проучился недолго. Он перешел в Литературный институт им. Горького в Москве и закончил его в 1954 году. После этого жил в Ленинграде, принимал участие в съездах советских писателей, с 1958 года входил в состав правления Союза писателей РСФСР, заведовал отделом поэзии в журнале «Нева», был членом редколлегии журнала «Аврора». Ор-

лов способствовал установлению связей между ленинградскими и вологодскими писателями и преобразованию Вологодского литературного объединения в региональное отделение Союза писателей. Одна за другой выходили его поэтические книги: «Поход продолжается» (1948), «Радуга в степи» (1952), «Городок» (1953), «Стихотворения» (1954), «Голос первой любви» (1958), «Стихотворения. 1938–1956» (1959), «Одна любовь» (1963), «Колесо» и «Созвездье» (1965), «Лирика» (1966), «Страница» (1969). Совместно с М. Дудиным он написал сценарий фильма «Жаворонок», посвященного подвигу танкистов, оказавшихся в плену на территории Германии.

В 1970 году Орлова ввели в секретариат правления Союза писателей РСФСР, и он переехал в Москву. Сборник его стихов «Верность» был удостоен в 1974 году Государственной премии РСФСР им. Горького. Позднее поэт стал членом комитета по присуждению Ленинских и Государственных премий. Книга «Костры», которая составлялась Орловым как итоговая, вышла уже после его смерти. Не успел он увидеть и собрание своих сочинений в трех томах. Оно появилось в свет на рубеже 1970–1980-х годов.

На протяжении всего творческого пути тема войны оставалась для Орлова главной. И хотя его кругозор этой темой не ограничивался, в представлении нескольких поколений читателей и литературных критиков он был и остается прежде всего поэтом-фронтовиком, хранившим верность памяти о событиях Великой Отечественной. Поэт мог писать о войне чаще или реже, но окончательно распрощаться с ней ему так и не удалось. Она неизменно напоминала о себе и появлялась в его стихах если не наглядно и зримо, то через посредство ассоциаций, в подтексте. Между тем приверженность Орлова к военной тематике не является результатом свободного выбора. Это время выбрало тему для поэта и властно подчинило его талант своим требованиям.

В довоенном творчестве Орлова нет ничего такого, что обнаруживало бы предрасположенность к изображению боев и суровых фронтовых будней. Сергей Орлов начинал

формироваться как поэт, увлеченный образным восприятием обыденных явлений окружающего мира. Вряд ли он тогда знал о теории «остранения», согласно которой искусство основано на показе привычного с необычной точки зрения. Но в его ранних стихотворениях широко применялся именно этот прием. Так построено, например, стихотворение «Тыква», расположившее в пользу белозерского школьника членов жюри всесоюзного конкурса. Основной художественный эффект этого небольшого произведения обеспечивается по-детски непосредственным и ярким уподоблением огородного растения разнежившемуся на солнце домашнему животному, которое «вот-вот от счастья громко хрюкнет и хвостиком махнет». Как классический пример «остранения» может рассматриваться стихотворение «На реке». Объектом поэтического преобразования здесь становится «синий и зеленый мир» обыкновенного водоема — с ивняком, сползающим вниз по склону, с кувшинками, похожими на «следы зверей никем не виданной породы», с «золотыми плахами» лещей, с «упругими ножами тресты», с «по пояс отлитым из бронзы» рыбаком, умеющим проверять тишину на звук. Стихотворение написано двумя годами позднее «Тыквы», и образ в нем порождается уже не наивным взглядом ребенка, а творческой волей набирающего силу таланта. Были в довоенной поэзии Орлова черты, сближающие ее с художественным миром Н. А. Заболоцкого, где нарушение привычной инерции восприятия становилось средством постижения сокровенной сути вещей и явлений. Это сходство не исключало возможности выбора собственного творческого пути. Развиваясь в намеченном направлении, Орлов мог прийти к созданию своего художественного мира, основанного на подчеркнута индивидуальном видении окружающего, на показе действительности в неожиданных ракурсах, на причудливой образности. Начавшаяся война придала творчеству молодого поэта иной характер.

Подобно другим писателям его поколения, Орлов воспринимал войну как самое значительное событие своей жизни. И свое рождение как поэта он приурочивал к войне, несмотря на то, что стихи начал сочинять задолго до

нее. Хотя «сороковые фронтовые» были временем тяжелых испытаний, они дали молодому танкисту возможность испытать чувство единения со всей страной, чувство личной причастности к великому делу защиты отечества. Новый смысл приобрело и писание стихов, в них пришла большая тема, важность и творческая состоятельность которой были очевидны и не нуждались в доказательствах. Правда, писать стихи на фронте Орлову, по его собственному признанию, приходилось украдкой. Продолжало оставаться в силе древнее правило: «Когда говорят пушки, музы молчат». Исключения из него, как из любого правила, конечно же, случались, но они лишь подтверждали расхожую истину о несовместимости войны и художественного творчества. Поэзия Орлова была одним из таких парадоксальных исключений. Ему удалось создать на фронте произведения, значительные и по тематике, и по художественным достоинствам. Однако жизненный материал не позволял автору испытать и выразить в них важнейшее для любого вида творческой деятельности чувство — радость от соприкосновения с миром, от познания и описания его на языке художественных образов. Удачно найденный способ поэтического общения с явлениями довоенной действительности оказался непригодным для показа войны. В фронтовых стихах Орлова встречается уподобление танков на зеленой опушке слонам в африканском лесу:

*Так вот и кажется, хобот вздымая,
Вдруг затрубят от звериной тоски.*

Сравнение остается в силе и в другое время года, когда танковая броня выкрашена для маскировки в белый цвет:

*... лес разверзся, зарычал
И двинул вдаль слонов по склонам.*

*Белы, приземисты и злы,
Они полезли на высоты,
Ломая тяжкие стволы,
И вслед за ними шла пехота.*

Некоторое сходство со слоном у танка, действительно, есть. И машина, и животное велики и грузны, ствол танкового орудия напоминает слоновий хобот, на древнем востоке боевые слоны использовались как мощная ударная сила. Однако сомнения здесь вызывает не логическая обоснованность сравнения, а его нравственно-психологическая уместность. Земля на взятой высоте лежит перед танкистами «правдой страшной»:

*На ней святая кровь друзей.
И командир, смежив ресницы,
Подумал горько, что на ней
И колос, может, не родится.*

Перед лицом такой правды образное сравнение боевых машин с экзотическими животными может показаться не только надуманным, но и кощунственным. Есть в нем элемент красоты, эстетической отвлеченности от того, что описывается. По-видимому, хорошо чувствуя это, Орлов в своей фронтовой поэзии приемов подобного рода избегал. В то же время он отдал дань плакатности, патетике, публицистичности — тем средствам выразительности, которые считаются обычно противоположенными настоящей поэзии. В дни войны, когда возрастает роль доходчивого, побуждающего к участию в общенародном деле слова, такие средства становятся предпочтительными. В стихах Орлова военной поры встречаются строки, как будто специально написанные для фронтовой газеты, для листовки, для выступления на митинге:

*Зовет руками белыми берез
Своих сынов земля моя родная...
И враг бежит, фашистский шивый пес,
Поганой черной кровью истекая.*

И все-таки специфичное для Орлова отношение к войне и к своему участию в ней имеет иной смысл и выражается иначе. В автобиографической заметке он писал: «Танкисты не любили громких слов и верили в будничные высокие ценности: дружбу, товарищество, долг». Это признание можно считать и определением главного

принципа, по которому строится его поэзия военных лет. В ней преобладают описания обычных фронтовых ситуаций, сражения изображаются редко, основное внимание уделяется тому, что происходит между боями, в минуты затишья, когда солдаты отдыхают, находятся на марше, готовятся к наступлению или, выйдя из-под огня, начинают заново привыкать к жизни. Знакомый с войной не понаслышке, Орлов исходит из того, что ее истинное лицо прямому изображению не поддается и не подлежит. Картины боя в его стихах появляются, но они, как правило, фрагментарны и составлены из случайных впечатлений. Увиденная с точки зрения стороннего наблюдателя, такая картина может показаться невыразительной: бесконечные болота близ занятой немцами станции Мга, снайперы на снегу, минные поля, стук автоматных очередей от утра до утра. Если тот или иной драматический эпизод дан в восприятии участника событий, то ставится под сомнение сама возможность точно передать словами испытанное им:

*Как я полз по снежной пашне
До окраинной избы,
Опаленным ртом хватая
Снега ржавого куски,
Пистолет не выпуская
Из дымящейся руки,—
Не расскажешь в этой песне,
Да и не к чему...*

Но это не значит, что все попытки показать войну в ее истинном обличье заведомо обречены на неудачу. В поэзии далеко не все описывается словами, пространство между строк также может быть наполнено смыслом, большую роль в стихах играет подтекст — подразумеваемое содержание, на которое автор указывает косвенно, повышая значимость деталей, увеличивая емкость образа, рассчитывая на творческую силу воображения читателя. Яркий художественный эффект достигается Орловым тогда, когда он использует так называемую монтажную композицию, способ построения произведения, основан-

ный на сочетании разрозненных фрагментов фронтовой действительности.

*Поутру, по огненному знаку,
Пять машин «КВ» ушло в атаку.*

*Стало черным небо голубое.
В полдень приползли из боя двое.*

*Клочьями с лица свисала кожа,
Руки их на головни похожи.*

*Влили водки им во рты ребята,
На руках снесли до медсанбата.*

*Молча у носилок постояли
И ушли туда, где танки ждали.*

Стихотворение напоминает отрывок из киносценария: каждое двустишие — как отдельный кадр, при этом можно даже отметить, где используется крупный план, а где общий. Сам бой непосредственно не показан, он остается вне поля зрения, но его следы красноречиво свидетельствуют о том, что происходило с танкистами, участвовавшими в атаке. Примечательно, что в стихотворении почти нет образов, построенных на переносных значениях. А те, которые таковыми кажутся, легко могут быть истолкованы как точное воспроизведение увиденного. Да, словосочетание «огненный знак» подходит под определение перифразы, замены прямого названия предмета или явления его описательной характеристикой. «Огненный знак» — это сигнальная ракета. Но сигнальная ракета — это действительно знак и действительно огненный, чтобы назвать ее так, перенос значения не обязателен. Фраза «Стало черным небо голубое» дает очень емкий метафорический образ перехода от радости жизни к мраку смерти. Но одновременно это и вполне реальная картина того, как дым от подбитых танков затягивает чистый небосвод. Обгоревшие руки не только похожи на головни, но головнями в значительной мере и являются. Выразительно молчание танкистов у носилок с вышедшими из

боя товарищами. Здесь любые слова — и громкие, и не очень — окажутся фальшивыми. В этом молчании — высшая степень сочувствия к искалеченным товарищам, проявление той самой дружбы, которая поставлена Орловым на первое место в ряду высоких будничных ценностей. Молчанием выражается и скорбь о тех, кто не вернулся из боя. Читатель может не знать, что экипаж тяжелого танка «КВ-1» состоит из пяти человек. Но тем, о ком пишет поэт, точное число людей, погибших во время атаки, известно. Молчат танкисты у носилок с ранеными и о себе, потому что наступает их черед исполнять повседневный воинский долг, вести боевые машины туда, где совсем недавно горели друзья. А если принять во внимание, что вместе со своими героями молчит и автор, то стихотворение в целом может быть понято как обобщающий образ войны — такой войны, которую видел и запомнил Сергей Орлов.

Образ этот далеко не всеми был понят и принят. В критике послевоенных лет имело хождение понятие «окопная правда». Им пользовались, когда хотели подчеркнуть несоответствие между знанием о войне отдельного солдата и общенародным значением этого исторического события. Утверждалось, что из окопа, из смотровой щели танка, с огневой позиции артиллерийского орудия виден лишь небольшой участок грандиозной панорамы и что показ войны в литературе с точки зрения рядового участника великой битвы не может считаться достоверным. Объективности можно добиться, лишь выходя на уровень широких обобщений. Тем самым, как уже неоднократно бывало в истории культуры, личность с ее неповторимым духовным опытом приносилась в жертву государственным интересам. Правомерность такой жертвы Сергей Орлов не признавал. В его представлении большая победа и частная солдатская судьба были тесно взаимосвязаны и друг другу не противоречили. И если он предпочитал писать стихи, основанные на действительно пережитом, а не продиктованном отвлеченными идейными соображениями, то потому, что был убежден в абсолютном соответствии солдатского восприятия войны общечеловеческой правде о ней. Это убеждение получило пре-

дельно отчетливое выражение в первых строках самого знаменитого стихотворения Орлова:

*Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.*

Сопряжение двух разномасштабных планов способствует у Орлова рождению грандиозного символа, в котором, однако, космическая составляющая не подавляет составляющей человеческой, уравнивается по значимости с нею. Символы в стихах поэта вырастают из конкретных явлений, и потому им не свойственна абстрактность, отвлеченность от жизни в ее чувственно воспринимаемых формах:

*На закате окончился танковый бой.
Грохотали моторы.
Вдали догорали «пантеры»...
Прокатилась
По синему небу
Над черной землей
И упала
На столбик сосновый
Звезда из фанеры.*

Если бы не иная ритмическая организация, эти строки могли бы стать завершением стихотворения «Поутру, по огненному знаку...». Символический смысл превращения падающей с неба звезды в фанерную звезду на самодельном обелиске не нарушает сдержанности стиля, основанного на нелюбви к громким словам. В обоих произведениях главным выразительным средством является скорбное молчание, внимая которому читатель постигает трагический смысл событий военных лет.

Решительное преобладание скорбной ноты в стихах Орлова о войне дало повод для резких высказываний в его адрес. В 1946 году критик «Литературной газеты» зачислил поэта, наряду с О. Берггольц, С. Гудзенко, А. Межировым, в разряд писателей, «пригвожденных» к памяти

о событиях военных лет. Всем им были предъявлены обвинения в бездумности, безыдейности, «размагниченности», равнодушии к жизни, склонности к самокопанию, декадентству и «есенинщине». Бдительным критиком руководило убеждение, что стихи могут иметь право на существование лишь тогда, когда пробуждают интерес людей к современности и освобождают их от гнета воспоминаний о минувшей войне.

Орлов принадлежал к поэтам, так никогда и не покончившим счеты с войной. Шли годы, страна все больше привыкала к мирной жизни и пела «другие песни», а ему все казалось, что где-то «во мраке притаилась войны умершей смрадная душа» и что опасность встречи с ней грозит даже далеким потомкам. Его продолжали тревожить видения пережитого, а погибшие однополчане оставались самыми близкими людьми. «Лучшие друзья у нас навеки в юности остались, на войне», — писал поэт. Да и сам он существовал словно в двух временных измерениях — сегодняшней, повзрослевший Орлов оценивал себя с позиции того Орлова, который воевал на фронте. Причем себя прежнего он считал лучше и чище себя теперешнего. Это противопоставление стало определяющим в стихотворении «Мой лейтенант», где «прямой и беспристрастный суд» над автором вершит его второе «я» в возрасте «двадцати неполных лет».

Еще в годы войны Орлов предчувствовал, что возвращение с нее будет нелегким и, возможно, очень долгим. Среди нескольких десятков его произведений, написанных в 1943 году, есть одно, стоящее особняком. Называется оно по первой строчке — «Когда над фронтом наступает ночь...». Используемые в нем мотивы восходят к мифам, к архаическим верованиям, придают лирическому повествованию зыбкую загадочность и тревожную глубину. Это стихотворение — о погибших солдатах, которых «извечная тоска по отческому дому» поднимает по ночам из «ржавых вод, из голубого мха» и отправляет в далекий путь к родным местам. Преодолеть этот путь до рассвета они не успевают, и застающий их «на краю России» петушиный крик служит сигналом к возвращению «в холодные безвестные могилы». Лишь немногим удает-

ся дошагать за ночь до родного села, но душа такого солдата, разбудив и взволновав старенькую мать, к миру живых приобщиться не сможет и останется навеки неприкаянной «под небесами отческого края».

Не будет, наверное, натяжкой считать, что стихотворение это — не только о павших, но и о тех, кому посчастливилось избежать гибели и прийти домой. Тема возвращения с войны занимает в творчестве Орлова заметное место, и исполнена она в трактовке поэта большого нравственно-психологического напряжения. Дело не только в том, что сам он возвращался «с половины пути», задолго до победы, и не красавцем-героем, а калекой с обожженным лицом и со скрюченной рукой, «похожей на лапу гуся». Гораздо важнее было другое: воевавший человек изменился внутренне и не мог воспринимать оставленный им в начале войны мир по-прежнему. Ему открылось трагическое знание, резко изменившее картину действительности.

Война нарушила естественное течение жизни и разделила человеческое существование на три обособленных периода: до, во время и после нее. Представление о границах между этими периодами воплощено у Орлова в образах разорванной цепи и порога. Поколение, к которому принадлежал поэт, не смогло реализовать в полной мере своих возможностей, потому что самые талантливые его представители, новые Циолковский и Есенин, остались на полях сражений. Тем самым была нарушена связь, обеспечивающая непрерывность развития человеческого духа. И Орлов с горечью замечает:

*Время что-то с нами потеряло,
Что не смог бы, кроме нас, никто.*

Преодоление временных рубежей, начертанных войной, становится для лирического героя Орлова труднейшим испытанием. Довоенное прошлое представляется ему навсегда утраченным островком счастья, призрачным видением, которое легко может исчезнуть при малейшей неосторожности. Счастье это наивно, потому что оно основано на незнании будущего. В стихотворении «Присни-

лось мне жаркое лето...», написанном в 1952 году, автор видит себя восемнадцатилетним пареньком, беззаботно шагающим через поля спелой пшеницы навстречу своей, пока неизвестной, фронтовой судьбе. Логика сна позволяет окликнуть его, остановить, вернуть назад, чтобы он мог в полной мере насладиться простыми радостями недолгой мирной жизни. Но автор этой возможностью не пользуется, оставляя во сне все таким, каким оно было на самом деле, в реальной жизни. Ведь знание о будущем наверняка изменит отношение паренька к настоящему и нарушит состояние безмятежного покоя, в котором он пребывает. Поэтому пусть все идет своим чередом, и пусть война настанет для героя стихотворения внезапно — так, что он даже не успеет в полной мере осознать этот переход за черту, разделяющую мир и войну. Есть и еще одна причина, по которой Орлов не хочет даже в своем воображении нарушать установившийся однажды порядок вещей. Для людей его поколения война стала тяжелейшим испытанием, но встреча с ней была уготована именно этому поколению, и уклоняться с пути, предназначенному судьбой, оно не имело права.

Если молодой герой поэзии Орлова расставался с мирной жизнью и уходил на войну без колебаний, то возвращение солдата с фронта сопряжено с мучительными переживаниями и сомнениями. У обремененного грузом войны человека не хватает душевных сил, чтобы шагнуть через порог родного дома. «Хоть кто-нибудь ракету Доду мался б пустить!» — восклицает бывший солдат, привыкший действовать по команде. Он, конечно, перейдет этот порог, встретится в самый «разгар вологодской весны» с матерью и испытает радостное волнение, видя, как окружающий мир возрождается к новой жизни. Только во сне он будет хрипеть, ругаться и плакать, осаждаемый «смутными видениями войны». Ночную жизнь фронтовика поэт уподобил пребыванию «посреди нейтральной полосы», под «алюминиевым» светом ракет и огнем артиллерийских орудий.

Не расставаясь с памятью о прошлом, Орлов постепенно расширял тематический диапазон своего творчества. В его стихи входили все новые и новые реалии пос-

левоенной жизни: мирный труд на земле, занятые повседневными делами люди, круговорот времен года, исполненные сдержанного обаяния городские и сельские пейзажи. Поэт все больше проникался желанием быть причастным к тому, что происходит вокруг, испытывать новые впечатления, путешествовать, творить. Наступившая после войны тишина рождала пьянящее чувство полной свободы:

*Во все четыре стороны
Открыты мне пути,
А я хочу нетореный,
Пятый путь найти.*

В нем снова пробудился интерес к освоению явлений жизни с помощью яркого образа. Поэт как будто бы заново открывал для себя многообразие форм, красок, звуков. В послевоенном творчестве Орлова присутствует качество, которое можно назвать живописностью. Оно проявляется в способности поэта с помощью слов создавать яркие зрительные представления: «И небо опрокинулось на спину, В канале утопило облака», «Волнушки, словно розовые уши, Насторожила рыжая земля», «Кипень белых кустов черемух Лебедями плывет по весне» и т. п. Метафорический образ наделяет описываемый предмет несвойственными ему изначально чертами и тем самым усиливает впечатление от него, повышает выразительность воспринимаемого глазами облика вещного мира. Метафора побуждает не просто глядеть вокруг, но и видеть мир творчески преображенным, обновленным и одухотворенным. Рецензируя вышедшую в 1952 году книгу поэта «Радуга в степи», Юрий Олеша писал: «Образно видит Сергей Орлов мир. Смотрите, во что превращается под его взглядом такое прозаическое занятие, как починка фонаря: оказывается, бакенщик вставляет “в оправы медные кусочки алые зари”. Сразу становится просторно от этого образа и светло — как будто мы и в самом деле на берегу реки».

Но возвратом к началу творческого пути это вновь обострившееся внимание к образному восприятию дей-

ствительности не было. Послевоенные стихи Орлова заметно отличаются от его первых опытов на поэтическом поприще. Работа с образом в них — не на первом плане. Она служит лишь подспорьем для создания картины действительности, в которой главное место отводится человеку, размышлениям о его месте на земле и в мироздании. Так построено и стихотворение «Бакенщик», приведенное Ю. Олешей в качестве показательного примера образности поэзии Орлова. Оно — о скромном труженике, обеспечивающем безопасное плавание речным судам, о величественной и в то же время приглушенной красоте северной реки, о простом счастье жить на земле и приносить пользу людям. Стиль произведения в целом не отличается стремлением к броской выразительности. Автор неторопливо повествует о том, чем занимается изо дня в день его герой. Метафора, отмеченная рецензентом, появляется в самом конце и завершает короткую цепочку образных определений бакена: «горячая искра», «косынка красная», «багряный огонь». Эти немногочисленные определения пунктиром прошивают текст и придают символический смысл работе бакенщика, возвышают его над бытом. Герой стихотворения показан автором как творец «обыкновенного чуда». Представление о нем как о волшебнике и воплощено в финальной метафоре.

В один тематический ряд с «Бакенщиком» могут быть поставлены такие стихотворения Орлова, как «Плотогон», «Студентке», «Марья Гавриловна», «Фотограф», «У костра». В центре каждого из них — человек труда, занятый своим простым житейским делом.

Опыт войны увеличил ценность жизни в ее обычных проявлениях. Пока она шла, даже стрекотание кузнечика могло показаться кощунственным, так как пробуждало чувства, с войной несовместимые. После нее многое из того, что не имело когда-то особого значения, составляло незаметный фон человеческого существования, приобрело крупный масштаб, воплотило в себе первооснову жизни, оказалось достойным пристального внимания, получило право стать важной темой художественного творчества. Так из-под пера Орлова вышли стихотворения, в которых утверждалось «пресловутой прозы с поэзией старинное

родство». Собственно говоря, этот принцип характерен для всего творчества поэта, но есть среди его произведений такие, где он реализуется особенно отчетливо и последовательно. К ним относятся «Кружка молока», «Свежий хлеб», «Мытье полов», «Щи», «Ключ». В них заурядные явления жизни изображаются порой как события большой эпической значимости, сопоставимые с природными стихиями и с откровениями Священного Писания:

*И клубы пара ходят тучами,
Пахучи, яростны, приветны.
Щи возвышаются, могучие.
Над ними небеса и ветры.*

*Цветочки на фаянсе замерли,
И каравай раскрыт, как Библия.
На них глядят, их ждут, их налили,
Они воскресли и погибли!*

Благодаря поэзии в каждом из таких явлений обнаруживаются многообразные связи с другими явлениями. Кружка парного молока, например, ассоциируется не только с летней жарой, с сенокосом, со слюдяной гладью реки, с запахом соснового бора, с ведром в руке босоногой женщины, но и с гончарным кругом, с малиновыми углями в печи для обжига, с небом, о котором напоминает цвет детских глаз, отраженных на дне глиняной кружки. В другом стихотворении ассоциация выйдет на еще более высокий уровень, и «вечернее мычание коров» будет названо «деревни нашей древнею молитвой», а стол, украшенный хлебом-солью в ожидании молока, уподобится престолу в церкви.

Субботнее мытье полов описано Орловым как действие, не уступающее по размаху крупному строительству или битве за урожай. Его значение не укладывается в бытовые рамки, оно приобретает смысл творческого созидания: «Здесь чистоту творят, а не полы здесь моют, Ладони горячи и рук полет широк». Более того, в нем даже обнаруживается что-то, напоминающее магический ритуал, так как поэт меняет причину и следствие местами. По жи-

тейской логике, мытье полов вызвано приближением воскресенья. У Орлова

*Хозяйки моют пол под праздник,
в день субботний,
И праздник настает...*

Получается, что наступление праздника обусловлено «сотворением чистоты» в доме. Впрочем, спорить с поэтом не приходится, ведь настоящего праздника без подготовки к нему не бывает. Да и сама описанная Орловым работа по дому похожа на праздник.

Способность воспринимать внутренним зрением «свет простых чудес» неразрывно связана у поэта с чувством родины. Осознание исключительной важности этого чувства для человека впервые пришло к Орлову на фронте, где основополагающие жизненные ценности дали о себе знать особенно отчетливо. Именно там, перед лицом смерти, представление о пределе мечтаний солдата воплотилось в образе реки Шексны, к которой, пройдя дороги войны, предстоит вернуться. Образ этот имеет у Орлова два смысловых плана. Шексна в его стихах — реальная северная река, с конкретными ландшафтными приметам, с узнаваемыми персонажами, которые плывут по ней на плотах, лодках, буксирах и живут на ее берегах. Но в то же время она — символ родины, «животворящая святыня» для влюбленного в нее лирического героя. В одном из стихотворений Орлов даже придал ей свойства источника живой воды, способного вернуть пришедшему с войны солдату молодость. И не случайно Шексна у него — «нареченная сестра Волги», которая, как известно, устойчиво ассоциируется с Россией, является одним из общеизвестных ее символов.

Отдавая поэтическую дань и большой и малой родине, главное внимание Орлов все-таки уделяет местам, где прошло его детство и где он обрел духовную опору как личность, как гражданин, как поэт. Он не пытается представить эту привязанность загадочной, труднообъяснимой, «странной», противоречащей рассудку. Орлов отчетливо осознает, почему так дорог ему родной край:

*Дарил меня первой любовью,
И горем, и радостью он,
И славой своей, и присловьем —
Всем, чем и богат и силен.*

Образ родного края в поэзии Орлова многолик. Иногда в нем акцентируется мотив «бедных селений и скудной природы»:

*Болото, да лес, да озера,
Да выцветший купол небес.
Деревня взбежит на пригорок,
И снова болото да лес.*

Иногда этому образу придается былинный размах:

*Ширь, даже грому не тесная,
Эху стократ рокотать,
И высота поднебесная —
Птице крылом не достать.*

Иногда милые сердцу поэта виды настраивают его на созерцательный лад, располагают к лирическим раздумьям:

*Лениво над рекой звенит осот,
Стрекозы пляшут синие над нею.
Она куда-то облака несет,
То вся светлея разом, то темнея.*

Неспешная лирическая настроенность позволяет обнаружить то, что недоступно торопливому взгляду, и, прежде всего, — присутствие в настоящем отголосков далекого прошлого. Так, вглядываясь в речную гладь, можно вдруг заметить, что отраженные на ней избы напоминают древнерусский посад и что человек рядом с ними наглядно воплощает «праведную память» о тех мужиках, которым довелось на протяжении столетий обживать суровый северный край. Так, осторожно следуя ранним утром по тайным лесным тропам за величественным лосем, можно стать очевидцем поразительного зрелища: возник-

новения из предрассветных туманов легендарного Китежграда, с его высоким частоколом, с сосновыми стенами светлиц и звонниц. Хотя эти и подобные им картины интерпретированы Орловым как поэтические видения, нужно принять во внимание, что они не возникают в сознании автора произвольно, по прихоти его творческой фантазии. Их вызывает жизненный материал, к которому поэт обращается. Родной северный край является для поэта средоточием культурной памяти нации. Не случайно одно из образных его именовании в стихах Орлова имеет расширительный смысл — «журавлиная Русь». И не случайно изображенный им белозерский князь, участник Куликовский битвы, осознает себя причастным к созиданию России, история которой начинается с победы над монголо-татарскими завоевателями.

Вологодская земля для поэта — как книга, листая которую он постигает главные ценности бытия. Прошлое, настоящее и будущее на этой земле сошлись воедино, разные исторические эпохи соприкасаются друг в друге. Курган легендарного Синеуса, ратники с Белоозера на поле Куликовом, фрески Дионисия, царь Петр Алексеевич, церковь Кирики-Улиты под Вологдой существуют не «задолго до», «а наряду с» самолетом над лесом, с паромом на Шексне, с транзисторными радиоприемниками и искусственными спутниками. Обостренное чувство истории органически присуще поэту Орлову. Вместе с тем его интересуют не сами по себе изменения, обусловленные движением времени, а дыхание вечности, которое становится ощутимым благодаря этим изменениям. Прошлое обретает внятней человеческий смысл, когда оно

*как молния, мгновенно
Сверкнет, идущий день осветит вдруг,
И ход времен движенье обретает
Как бы непостижимо для ума,
И истина горит, и воск не тает,
И говорит история сама.*

В поэзии Орлова обобщающим образом всего того, что имеет непреходящую значимость, становится Белое озе-

ро. Оно является символом постоянства, неизбежности основ бытия, и потому, причастное вечности, «будет печалить и радовать в мире... и без нас». Оно одиннадцать веков было покровителем окрестных жителей и названо «серебряным щитом» древнего города, стоящего на его берегу. Оно наделено признаком святости и уподоблено нимбу, осеняющему родной край. Оно воплощает идею связи поколений, у каждого из которых «свое поле Куликово», и оказывается сопричастным теме Великой Отечественной войны. И, что для Орлова особенно важно, в Белом озере запечатлен образ совершенной красоты.

В приобщении к красоте Орлов видит оправдание человеческой жизни, исполненной невзгод, страданий и потерь. Красота для него заключена во всем, что возвышает душу человека, облагораживает помыслы, имеет нравственный смысл. Проявления красоты в поэзии Орлова многообразны. Она может быть яркой и неброской, доступной пониманию и загадочной, зримой и сокровенной. Она сквозит в явлениях природы, в городских пейзажах, в человеческих характерах и поступках, во внешности и чувствах людей, в дерзаниях духа и в каждодневных заботах. Особое значение поэт придает красоте, запечатленной в произведениях искусства. Полемицируя с чисто религиозной и чисто светской интерпретациями фресок Дионисия, он утверждает, что великий древнерусский живописец изображал на стенах Ферапонтова монастыря не идеализированных святых и не реальных крестьян, а красоту как таковую. В красоте, которую унаследовал от предков и явил миру Дионисий, Орлов видит объединяющее начало, сыгравшее важную роль в становлении Руси:

*Начиналась она с высоты,
С той, которую враг ни плетью,
Ни копьем не достал, как звезду.
Начиналась с души
В ответе
Не за скарб, а за красоту.*

Такая красота неподвластна времени и продолжает оказывать облагораживающее влияние на все новые и

новые поколения. Свидетель научно-технического прогресса, в восприятии которого росписи Дионисия соседствовали со сверхмощными турбинами, атомными реакторами и космическими кораблями, Орлов отдавал безусловное предпочтение произведениям искусства, считая их наивысшим выражением сущности человека. Он мог увлечься мечтой о полетах к другим галактикам, его воображение будоражила гипотеза о посещении Земли марсианами. Но общение с «миром души иной», с другим человеком представлялось ему задачей более сложной и важной, чем установление контакта с внесемными цивилизациями или ускорение темпов развития науки. Искусство, по его убеждению, всегда было и будет оставаться лучшим средством для того, чтобы содействовать взаимопониманию между людьми. Полемиически заостряя свою мысль, поэт писал:

*Расчеты — чушь! И формул тоже нету.
Есть лишь Гомер, Толстой, Бетховен, Дант —
Искусства гениальные ракеты
И новые Ромео и Джульетта —
Любви соединяющий талант.*

Сергей Орлов мог бы вслед за Л. Н. Толстым повторить, что основное назначение искусства — способствовать общению людей. Потребность в общении и понимании, в «соединении» получает у Орлова особое значение благодаря присутствию в его творчестве мотива одиночества. Судя по мемуарным свидетельствам, недостатка во внимании к себе он не испытывал и жил все время, что называется, среди людей. Тем не менее, чувство одиночества его второму «я», его лирическому герою свойственно. Оно может показаться эпизодическим и маловажным на фоне стихов, населенных близкими сердцу автора персонажами. Однако эти персонажи, как правило, с лирическим героем сюжетно не связаны и существуют независимо от него. В тех же случаях, когда его взгляд устремлен не вовне, а обращен на самого себя, когда герой углублен в свой внутренний мир, начинает звучать и набирает силу мотив одиночества.

Для лирики, своеобразие которой как рода литературы определяется подчеркнуто индивидуальным восприятием действительности, напряженное переживание автором своей единичности, неслиянности с окружающим миром вообще характерно. Но у каждого поэта драматизм отношений человека с жизнью получает особую мотивировку.

Орлов принадлежал к поколению, несущему неизгладимую печать войны. Свое возвращение домой он расценивал и как подарок судьбы, и как отлучение от боевого братства, принадлежность к которому высоко ценил. Иван Бузин, близко знавший поэта, вспоминал: «Сергея постоянно тянуло к людям. Он искал встреч с фронтовиками, друзьями и товарищами по школе, но их, к сожалению, было немного. Если с кем ему и удавалось встретиться, то расспрашивал во всех подробностях, интересовался, как идут дела на фронте». Мирная жизнь без тех, кто остался на войне, казалась Орлову ненастоящей, странной, ущербной. Почувствовать себя в полной мере причастным к этой жизни ему долгое время было непросто. Друзей, подобных фронтовым, в послевоенные годы не появилось. И если солдатская дружба выдерживала испытание огнем сражений, то люди штатские ею легко поступались, предавая товарищей по мелочам и продолжая числить их своими дружками. Поэтому вопреки доводам благоразумия, не боясь упреков в донкихотстве, герой поэзии Орлова предпочитал оставаться верным нравственному кодексу, который был им усвоен на войне,

*И поступать, как юностью наказано
На дымном гребне фронтовых ночей.*

Конфликт усугублялся тем, что жить в полном соответствии с этим кодексом в современных условиях порой оказывалось не только трудно, но и невозможно. Тоскуя по простоте и надежности межчеловеческих связей, герой Орлова ощущал, что сам он не может соблюсти в полной мере чистоту завещанных фронтовой юностью принципов. Пути и тропы к прошлому постепенно зарастали «житейской муравой», и личность героя раздваивалась. Лучшая

часть его «я» осталась на войне. В теперешнем состоянии он обнаруживал склонность к компромиссам и не рвался, как когда-то, в бой «с позиций сердца и души». К нравственной капитуляции это не привело, потому что на себя прежнего герой продолжал оглядываться, ища поддержки и испытывая потребность в оценке своих поступков и помыслов по высшему счету. Но усилению чувства одиночества конфликт в душе героя способствовал.

Говоря об этом мотиве в творчестве Орлова, необходимо учитывать, что он значим для поэта не сам по себе, а выражает его тоску по идеалу, важнейшим свойством которого является радость приобщения человека к миру. Именно поэтому любое нарушение связи, контакта между героем и тем, к чему он хотел бы быть причастен, воспринимается им как свидетельство неблагополучия, вызывает сильную лирическую эмоцию. Какой бы темы Орлов ни касался, она у него оказывается так или иначе сопряженной с представлением о единстве как необходимой норме бытия всего сущего. Поэт придает проникновенно-элегическую окраску теме тщетного поиска в глубинах вселенной братьев по разуму:

*В ночи трепещет тонкая мембрана,
И слышим мы, к наушникам припав,
Как из пучин ночного океана
Поет нам голос, душу спеленав.*

*Как бы очищен от всего земного,
Тоскует он на страшной вышине,
К земным радиостанциям прикован,
О дальней межпланетной стороне.*

*Но нет ответа с Марса и Урана,
Немы планеты на краю орбит...
В ночи трепещет тонкая мембрана,
А космос молча звездами пылит.*

В самостоятельный лирический сюжет у Орлова превращается судьба последнего мамонта, по которому «на всей планете было некому грустить» и гибель которого

осознается поэтом как невосполнимая утрата. Его глубоко волнует, что на смену лесам, которые были «одним большим чудом света» — со звоном колоколов невидимо-го Китеж-града, с пением птиц и плеском ветра, — приходят искусственно возделанные и немые заповедники ценных пород деревьев. Поэт скорбит о затопленной водами Волго-Балта родной деревне, которая символизировала для него вековой уклад сельской жизни, согласной с природными ритмами. Она существовала «как луг, как небо, бор и ветер», и в ее облике сквозили мифологические черты:

*Она дышала теплым хлебом,
Позванивая погромком.
К ней на рогах коровы небо
Несли неспешно людям в дом.*

Примечательно, что и мамонт, и лес, и ушедшая под воду деревня наделены человеческими чертами. Они для Орлова не только предметы изображения и сочувствия, но и персонажи, с которыми возможен лирический диалог.

Обладая «соединяющим талантом», искусство способствует возвращению утраченного, установлению связей человека с отчужденными от него явлениями действительности. Оно прокладывает «путь сквозь время идущим к людям». Благодаря ему человек обретает душевное равновесие, приходит к пониманию того, что единство личности с миром хотя и трудно достижимо, но в принципе возможно. Искусство приводит человека и к согласию с самим собой.

Если соблюдать точность, то, по Орлову, «соединяющий талант» искусства основан на любви. Любовь — одна из основных тем его творчества. Чувство это в стихах Орлова получает разную смысловую окраску и может приобретать характер любви к России, к родному краю, к природе, к мирозданию, к жизни, к красоте, к человеческому в человеке.

Особый ряд составляют у него стихи, посвященные любви к женщине. Изображая это чувство, Орлов связы-

вает его с жизнью природы. В основе человеческой любви — то брожение жизненных соков, благодаря которому обновляется мир. Появляется из зерна росток, рыба идет «кипящим ходом» на нерест, оленихи в тундре дают сигнал к началу гона. Подчиняясь всеобщему закону,

*И спящих женщин жаркие колени
Полны предвестьем дрожи перемен,
Рожденья жизни, завязи цветенья,
Бессмертного в пожаре тока вен.*

Любовь внутренне преобразует тех, кто вступает в ее владения. Человеку становится слышен скрежет земной оси, он видит, как небо опускается к земле, как ветви сосен касаются заполуночных звезд. Он начинает ощущать себя неразрывно слитым с окружающим миром:

*И казалось мне, что стал я тоже
Деревом косматым средь дорог,
И по мне необъяснимой дрожью
Прянул жизни бессловесной ток...*

Но человеческая любовь — это не только «неясное брожение в крови», свойственное, главным образом, юности. Она дарует человеку новый взгляд на жизнь, открывает ему новое видение мира. Поэтому лирического героя Орлова потрясает не столько оправдание надежд на счастье быть любимым, сколько та духовная высота, на которой он оказывается благодаря любви. Переживание этого состояния пробуждает творческое вдохновение и помогает поэту писать стихи так,

*Чтоб потом кому-то, где-то
Люди в трудный час сказали:
Повтори-ка снова это —
И минуту помолчали.*

Конечно, изображением любви как игры природных сил и любви как стимула к художественному творчеству Орлов не ограничивается. Это два полюса темы, между которыми — «бездна пространства» для ее разработки.

В любовной лирике Орлова явственно присутствует автобиографический элемент. Он дает о себе знать в посвящениях, в повторяющихся из стихотворения в стихотворение «топографических» деталях, в описании ситуации «встреча израненного фронтовика с довоенной любовью». На автобиографическом материале основано в поэзии Орлова изображение любви, «сожженной дотла разлукой». Главной причиной отчуждения женщины здесь становится война. Поэтому внимание поэта сосредоточено не на ее нравственно-психологических качествах, а на переживаниях лирического героя наедине с самим собой. Любовная лирика Орлова — это повествование не о том, кого любят, а о том, кто любит, — о любящем.

В 1944 году им было написано стихотворение «Я своих фотографий тебе не дарил...», которое можно расценивать как своеобразную полемическую реплику в адрес К. Симонова, автора получившего широкую известность еще в начале войны стихотворения «Жди меня». У Симонова верность женщины обладает магической силой и способна уберечь солдата от гибели «среди огня». Орлов относится к подобным заверениям скептически: «Ожиданием пули не отведешь, Заклинать судьбу ни к чему. Будто ты меня силой любви спасешь, Я не верю совсем тому». У него большее право на существование получает другой сюжет, где способностью творить чудо наделяется любовь воюющего человека: «Позабудешь, устанешь ждать за года... Если мертвым я упаду, Схорони, забудь, — я живой и тогда Непременно назло приду».

Пафос лирики Орлова, посвященной теме любви, нашел точное выражение в строке «Сердце любовь озаряет вдруг». Чувство это изображается поэтом именно как озарение, как духовное просветление, как состояние, возвышающее человека. Оно может приобретать характер воспоминания о юношеской влюбленности, может отзвучивать грустью о невозвратном прошлом, может сочетаться с доброй завистью к молодому поколению, может сверкать зарницами страсти, может исполниться поэтического восторга, может излиться в тихой радости от присутствия близкого человека.

Необычный поворот тема любви получает у Орлова, когда он пытается выразить свое представление о женщине как о феномене бытия. В стихотворениях поэта, посвященных женщине как таковой, нет влюбленности в конкретно-чувственном ее проявлении. Эти стихотворения похожи на описание произведений изобразительного искусства, представляющих совершенное материальное воплощение образцов духовной красоты. В них женщина изображается как существо загадочное, исполненное непостижимого обаяния, неодолимо влекущее к себе. Простым с житейской точки зрения происшествиям — смеху или уходу женщины — Орлов придает исключительно важный, бытийный смысл. Это не случайно, поскольку в конечном счете любовь поэта — на что бы она ни была направлена — это утверждение ценности жизни во всем многообразии ее проявлений.

Подводя итоги творческого пути Сергея Орлова, Юрий Бондарев писал: «Его поэзии было присуще ликующее, жизнелюбивое начало, несмотря на печальные строки, на горечь невосполнимых утрат и уходящих мгновений бытия». Именно жизнелюбие и определяет основную тональность стихов, написанных Орловым. «Горечь невосполнимых утрат и уходящих мгновений бытия» придавала философскую окраску его произведениям и побуждала поэта пристальнее вглядываться, глубже вчувствоваться и вдумываться в явления мира, который был, есть и будет, несмотря на все испытания, уготованные человеку.

С. Ю. Баранов

СОДЕРЖАНИЕ

«Кто же первый сказал мне на свете о ней?»	6
--	---

ЖЕЛЕЗНАЯ СТРАДА

Октябрь 1941 года	9
«Может, мне и осталось всего...»	10
Граната	11
«Дымные твои просторы...»	12
Февраль 1942 года в Москве	13
«Издали рывкают гулкие пушки...»	14
Подбитый танк	15
Костер	16
На ночлеге	17
Песня о лошади	18
«Все болота, болота...»	19
Стихи о переправе	20
«С броней танкисты дружат третий год...»	22
О счастье	23
«Кузнечики стучат в траве...»	24
«Идут солдаты, от сапог...»	25
На марше	26
Пыль	27
После марша	28
Смотровая щель	29
«Мир вспоминали в танке тесном...»	30
Дружба	31
Это было 19 марта 1943 года	32
Карбусель	34
«Когда над фронтом наступает ночь...»	36

Перед наступлением	38
Отдых	39
Кукушка	41
«Погадай мне в этот вечер...»	42
Мга	44
«Поутру, по огненному знаку...»	46
Землянка	47
Танкист	48
Открытка	49
«Мы ушли на заре...»	50
«Его зарыли в шар земной...»	51
«Тонкая российская береза...»	52
Деревня Гора	53
«Под толщей вод, на дне песчаном...»	55
«На фоне нарисованного сада...»	57
После боя	58
На привале	59
«Я забыл, какого были цвета...»	60
«Со дна траншей мы наблюдали звезды...»	61
<i>Михаил Дудин. Сергей Орлов</i>	62

КОГДА ПРОЙДЕТ ВОЙНА

«Когда-нибудь и мы домой приедем...»	65
Письмо	66
«В даль веков едва заметной тенью...»	68
Песенка	69
«Есть на Шексне далекой...»	70
«Мчится поезд в поле рыжем...»	72
«Легко и кратко гикнул пароход...»	73
«Пароход покричал, покричал...»	77
Перед порогом	78
«Не таким, не в войну, с полпути...»	79
«Вот человек — он искалечен...»	80
«Где вы, синеглазые солдаты...»	81
Зима («На Крюковом канале паутина...»)	82

«Цветет за окнами картофель...»	83
Дома	85
«В пустых землянках, в спутанных траншеях...» ...	86
«Человека осаждают сны...»	87
«Приснилось мне жаркое лето...»	88
9 мая 1945 года	90
«Старый снимок...»	92
«Витька, Коля, Саша и Петро...»	94
Мой лейтенант	96
«Самые отважные солдаты...»	99
Воспоминание о тыле	101
«Я ее вспоминаю снова...»	103
<i>Глеб Горбовский. «В заграничной гостинице...»</i>	105

РОЖДЕНИЕ ВЕТРОВ

«По привычке дома не сидится»	109
«Это дождь идет по сельским трактам...»	110
Осень в парке	111
«Как на родине? Осень»	112
«Как долго мы не получали писем!...»	114
Матери	115
Осень	116
«Ходят тучи, сизые до злости...»	117
«Февраль приходит, как бесчинство вьюги...»	118
Зима	119
«Зима несет в серебряной пыли...»	120
«Январь трещит морозами...»	122
«Живу как получается...»	123
«Снова где-то плачут коростели...»	124
Гидроэлектростанция	125
«Этот поезд, идущий в лето...»	126
«Нынче видел я перед рассветом...»	128
В поле	129
Полк обедает	131
Береза	133

Весеннее	135
«Низко пригибая травы лета...»	137
«Утро было. Одевшись теплей по привычке...»	139
Весной	140
«Весна — пора любви, рождения»	141
«На крышах солью выступает иней...»	143
«Начало лета — как начало лет...»	144
«Какое лето шло по всей стране...»	146
«Красное в разгаре лето»	147
«И черная случается весна...»	148
«Появились на дорогах вепри»	149
Запели сани...	151
«Синь все небо уносит...»	152
«За окнами белая стужа...»	153
Прощание с летом	154
<i>Йоле Станишич. «Сегодня утром каменные листья...» .....</i>	<i>155</i>

ХОД ВРЕМЕН

«Ночь бела. Закат идет в рассвет...»	159
«Потомок наш о нас еще вспомянет...»	160
«На городском валу заплачу...»	161
«Вновь над курганом Синеуса...»	162
Белозерье	163
«Мне кажется, что я живу...»	164
«За слоем Хивсайда, за легкою пылью...»	165
«Утрами травы розовеют в росах...»	166
«Мне кажется, что это было так...»	168
Акрополь	170
У берегов Испании	173
Петр Великий в Вологде	176
Дионисий	179
Сказы о Дионисии	182
Птица Сирия	191
Песня о мамонте	192
«Та глина, из которой нас лепили...»	195

Памяти Эрнесто Че Гевары	196
История	198
«Ах, этот протопоп опальный...»	199
На Севере	201
Старая фреска	203
Белозерск	205
Монолог война с Поля Куликова	207
На Белом озере	209
«Все нам кажется: мир сотрясают глобальные страсти...»	212
«Европа покрылась жирком...»	214
Икар и Дедал	215
«Замечаю происходит что-то...»	217
На Шексне	218
Кирики Улиты	220
Семь дней творенья	222
<i>Петр Ойфа. Белозерск</i>	225

СВЕТ ПРОСТЫХ ЧУДЕС

Тыква	229
В огороде	230
«Он шел по дороге в большое село...»	231
Ночь («Давным-давно огни погасли в хатах...»)	232
Водолаз	233
На реке	235
«Тополь встанет молодой...»	236
«Где ядра раскаленных помидоров...»	237
Закат	238
«Облако за месяц зацепилось...»	240
Живая вода	241
Бакенщик	242
«На рассвете холодок от плит...»	244
«Над городом синие тени...»	245
«Самое тихое время суток...»	246
В теплице	247

«В грохоте ветров нельзя молчать»	248
Жеребенок	249
Марья Гавриловна	251
После дождя	254
«Час назад сказал как можно строже...»	255
Две дали	256
У костра	258
Свежий хлеб	260
Кружка молока	262
Щи	264
Мытье полов	266
«Снежок неторопливый, пристальный...»	268
Пейзаж	269
Ключ	270
Белые ночи	272
Раковина залива Ха Лонг	274
«Вечернее мычание коров...»	276
«Мы, дети природы, забыли природу»	278
Уха	279
Последние известия	281
Рассвет	282
«Как будто древних царств реликт...»	283
<i>Олег Шестинский. Тебе с Россией вместе быть...</i>	285

СВЕТЛЫЙ СЕВЕР

«Всплошную голубым узором...»	289
«Далеко течет река Шексна...»	290
«Светлый север, лес дремучий...»	291
На пристани	292
«Опять пойдут хлестать метели...»	293
Журавли	294
Поездка в Ковжу	296
«Невтерпеж ходить по осени...»	297
«За Вологодой метели с бубенцами...»	298
Дергач	299

«Есть где-то моря-океаны...»	300
Ночь («Петух грудастый прокричал спросонок...»)	302
«Может быть, столичный житель этот...»	305
Плотогон	307
«В Рыбинском море...»	309
«Поют невидимые птицы...»	311
Утром	312
В лесу	313
У костра	315
Студентке	317
«Болото, да лес, да озера...»	319
У себя дома	320
Фотограф	323
Побывальщина	326
Приглашение	328
На Волго-Балте	330
Кружевницам	332
«Мне нынче снится край родной ночью...»	333
«Будет печалить и радовать...»	335
Север	336
<i>Юлия Друнина. На родине Сергея Орлова .....</i>	<i>337</i>

ТАЙНЫЙ ТРЕПЕТ

В землянке	341
«Соберет она на привале...»	342
«В танке холодно и тесно»	343
Песня о кочегаре	345
Ирландская застольная	346
«Руками, огрубевшими от стали...»	347
«И вдруг нахлынет, вновь пойдут слова...»	348
Плавучая культбаза	349
«Поэтов бессонница мучит в квартирах...»	351
Песня	352
«Когда искусство не было товаром...»	354
Шура Капарулина	355
«Рыжий дождик бегал с ветром взапуски...»	358

«Человеку холодно без песни...»	360
Гармоники	361
Вечер стихов в колхозе	363
«О чем поют гитары в поезде...»	365
«Как повелось издревле на Руси...»	366
Концерт	367
«Далекое становится все ближе...»	369
«Я на войне писал стихи украдкой...»	371
«Говорил мне старый поэт...»	373
День рождения Пушкина	375
Сарьян	377
«Дождик льет, собака лает...»	379
Гарсиа Лорка	380
<i>Виталий Коржиков. «Шершавые пальцы темней наждака...» .....</i>	<i>382</i>

ВО ВЛАДЕНИЯХ ЛЮБВИ

«Обвалились небесные хляби...»	385
«Я своих фотографий тебе не дарил...»	386
«Знаю я, в песчаник иль суглинок...»	387
«Всю вселенную проехав с боем...»	388
«Я сегодня вышел в ночь влюбленный...»	389
«Падает с неба тихо звезда...»	390
«Любимая, ко мне приходит снова...»	391
«Пусть оборот вокруг оси...»	393
«Не забыл я тебя...»	394
«О далеком селении Чайка...»	395
«Ты любовь не зови...»	397
«На чужое заглядеться счастье...»	398
Станция Валя	400
«Без тебя и день не в день...»	401
«По одной нам земле ходить...»	402
Из поэмы «Светлана»	403
«Впервые в жизни на земле большой...»	405
На вокзале	406
«На Большом Гнездиновском...»	408

Стихи о первой любви	410
«Над тихими столицами районов...»	412
«Под атласным одеялом...»	413
Из поэмы «Одна любовь»	414
«Две крутых соболинки...»	416
Черемуха на Петроградской стороне	417
«Смеялась женщина, смеялась...»	419
«Муку надо же такую...»	420
«Я давно увидел в первый раз...»	421
Сольвейг	422
«Давно всему известно свету...»	424
«Уходит женщина. Уходит...»	425
«Кто же не знает и кто не видал...»	426
<i>Лариса Васильева. Имя</i>	428

СУТЬ ВЕЩЕЙ

В вагоне	431
«Я друзей, которых ждал, не встретил»	432
«Зачем руда сто тысяч лет...»	433
«Ну что судьба — ты на нее не сетуй...»	434
«Нам уходить от милого порога...»	436
«Из комнаты светлой и тишины...»	438
«В ночи трепещет тонкая мембрана...»	439
«Узкий месяц, легок на воспомине...»	440
«Что-то в области сердца...»	441
«Вот звезда покатилась ранняя...»	442
«Без следа исчезну, только где-то...»	443
«Медленно вращается Земля...»	444
«Как скучно иногда живут...»	445
«Ни шороха, ни звука. Тишина...»	447
«Жить бы мне на земле...»	449
Новогодняя сказка	450
«Я не люблю того, кто мир винит...»	452
«Палочки две и одна закорючина...»	453
«Средь прочих звезд в небесной дали...»	454
«Все, говорят, на свете образуется...»	455

Второй	457
«Я стану облаком, зарей...»	459
«Куда уходят годы? Ну куда?..»	460
«Леса уходят. Жалко мне леса»	461
«Ты в жизни жег хоть раз мосты...»	463
«Небо лесом огорожено...»	464
Две притчи	465
«Не хочу я участвовать в той кутерьме...»	468
«И я когда-нибудь, однажды...»	469
«Конь плакал. Падала звезда»	470
«Что в мире слаще истин прописных?»	471
«Идея. Правда. Мысль. Или Мечта»	472
«Мне грустно. Я мерз у костров без обиды...»	474
«Христос распят, но жив Иуда...»	475
«Стерпится — слюбится, все позабудется...»	476
«Я требую не многого...»	477
«Все кончится. Уйдут пустые споры...»	478
<i>Анатолий Краснов. «Привет! Серега говорит...»</i>	479
«Россия есть у каждого своя...»	480
СЛОВАРЬ	481
С. Ю. Баранов. Поэзия Сергея Орлова	489

В оформлении книги использованы фрагменты картин вологодских художников из фондов ВОКГ; материалы сектора письменных источников ВГИАХМЗ, собраний А. А. Грязева и А. А. Романова; фотоработы О. А. Золотовой и А. В. Тарасовского; рисунки к изданиям произведений С. С. Орлова.

Сергей Сергеевич ОРЛОВ

Будет жизнь

Стихи

Учебное издание
для старшего школьного возраста

ООО «Учебная литература»
Россия, 160004, г. Вологда, ул. Гончарная, 2-11
Тел./факс: 72-14-05, 72-37-10
E-mail: uchlit @ inarnet.ru

*При участии
Группы компаний «Ворота Севера»*

Составитель С. Ю Баранов
Редактор О. М. Чернышева

Подписано в печать 26.04.2006 г. Формат 70x100^{1/32}.
Гарнитура: Школьная. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,39.
Тираж 10 000 экз. Заказ 2449.

ООО ПФ «Полиграфист»,
160001, г. Вологда, ул. Челюскинцев, 3.
Тел.: (8172) 72-55-31, 72-61-75.
E-mail: form.pfp@votel.ru